

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»**

СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ

СЕРИИ «ПРАВО»

Выпуск 32

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

**Донецк
2023**

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54
Ф32

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы». Сборник научных работ серии «Право». Вып. 32 : Правовое обеспечение деятельности органов государственной власти и местного самоуправления в современных условиях / Минобрнауки РФ, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС». – Донецк : ДОНАУИГС, 2023. – 303 с.

В сборнике представлены результаты научных исследований учёных, аспирантов правовых кафедр ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», высших учебных заведений Донецкой Народной Республики и других регионов Российской Федерации. В материалах рассмотрены актуальные вопросы становления и развития национальной правовой системы в условиях формирования современного государства. Освещены пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического и правового развития государства.

Предназначен для научных работников, аспирантов, магистрантов, обучающихся, практических работников.

УДК 34(060.55)
ББК Х400.73я54

Сборник научных работ серии «Право» включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Договор № 39-02/2019 от 07.02.2019.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Министерства информации Донецкой Народной Республики серии ААА № 000067 от 16.11.2016 г.

В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики (Приказ № 1134 от 01.11.2016 г.) сборник научных работ серии «Право» включён в Перечень рецензируемых научных изданий.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкая академия управления и государственной службы».

Главный редактор: Матюшайтис Н.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Заместитель главного редактора:

Саенко Б.Е. – кандидат экономических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Редакционная коллегия:

Голос И.И. – кандидат наук по государственному управлению, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Груздев В.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет», г. Кострома, РФ;

Куксин И.Н. – доктор юридических наук, профессор, ГАОУ ВО «Московский городской университет», г. Москва, РФ;

Рабец А.М. – доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Москва, РФ;

Мелехин А.В. – доктор юридических наук, профессор, ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Москва, РФ;

Пашенцев Д.А. – доктор юридических наук, профессор, ФГНИУ «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ», г. Москва, РФ;

Ворушило В.П. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Витвицкая В.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Мавлиханова Р.В. – кандидат юридических наук, доцент, ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Незнамова А.А. – кандидат юридических наук, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Москва, РФ;

Мальцев В.А. – кандидат юридических наук, доцент, ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», г. Мытищи, РФ;

Сичкар В.А. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР ;

Шестаков С.В. – кандидат юридических наук ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Моисеев А.М. – доктор юридических наук, ДГУЮ Минюста России, г. Донецк, ДНР;

Седнев В.В. – доктор медицинских наук, профессор ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР;

Селюков А.Д. – доктор юридических наук, профессор ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», г. Москва, РФ.

Ответственный секретарь:

Сасов А.В. – кандидат юридических наук, доцент ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Технический секретарь:

Ушакова Д.С. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС», г. Донецк, ДНР.

Адрес редакции: ДНР, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А.

Телефон: +7(856) 337-66-09

Издаётся по решению Учёного совета ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1

**Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право; избирательное право;
предпринимательское право**

Жарикова Е.А.

Право на охрану здоровья и медицинскую помощь
как основополагающее социальное право
человека и гражданина7

Ушакова Д.С.

Предпринимательская деятельность в условиях военного
положения18

РАЗДЕЛ 2

**Административное право; административный процесс;
таможенное право; трудовое право; право социального
обеспечения; арбитражное право; арбитражный процесс;
жилищное право; налоговое право; финансовое право;
транспортное право; информационное право**

Мавлиханова Р.В.

Принцип независимости как основополагающая
основа определения процессуальной компетенции
органов прокуратуры25

Хмель О. В.

Лицензирование в сфере защиты государственной тайны:
административно-правовой аспект35

Храпинский Б.Л.

Административный деликт в законодательстве России
до 20-х годов XX ст50

Храпинский Б.Л., Титов А.Н.

Понятие руководителя органа исполнительной власти
и его административно-правовой статус60

РАЗДЕЛ 3

Теория и история права и государства; история правовых учений; международное публичное право; международное частное право

Голобородько В.И. Международно-правовые проблемы безгражданства	74
Крючкова К.А., Фиалко И.И. Проблемы правового регулирования внешнеэкономических договоров поставки	83
Одегова Л. Ю., Соловьёва Ю. А. Защита мирного населения Донецкой Народной Республики в условиях вооружённого конфликта	91
Поляков С. А., Митько Д.В. Информационная безопасность как составляющая национальной безопасности государства.....	104
Ренжигло Р. Е. Обеспечение политической безопасности России в условиях ее противостояния с коллективным западом	114
Руденко П.В. Правовая доктрина гражданства: вопросы методологии исследования	125
Свиридова К. Е. Информационная безопасность как компонент национальной безопасности: современный дискурс	135
Сичкар В. А., Сичкар И.А. Проблемы правового обеспечения экономической безопасности промышленных предприятий.....	142
Степанова Ю. С. Систематизация технико-юридических норм как способ повышения качества законодательства	152

Суровцева А.А., Надворная А.А.
Презумпция невиновности как принцип справедливости
правовой системы Российской Федерации 161

Хоруженко К. А.
Правосознание как социально-правовая категория
науки и форма общественного сознания 169

РАЗДЕЛ 4

Гражданское право; гражданско-процессуальное право; семейное право; бюджетное право; земельное право; нотариальное право; хозяйственное право; наследственное право

Дербишева О. А.
Особенности кассационной и надзорной инстанции
в гражданском процессе 181

Каблов Д.С., Швец А.В.
Функционирование института
прокуратуры в гражданском процессе в условиях
интеграции в Российскую Федерацию 191

Крючкова К.А.
Врачебная ошибка как основание возникновения
гражданско-правовой ответственности:
проблемные аспекты 198

Лapidус О.С.
Место наследственного правоотношения среди других
гражданско-правовых отношений 207

Сиренко Б.Н., Белоусова Т. И.
Современное состояние и проблемы реализации права
наследования в Российской Федерации 221

Сиренко Б.Н., Стрельцова Н.Л.
Сравнительно-правовой анализ порядка назначения
экспертиз по гражданско-правовым делам
в Российской Федерации и странах Европейского союза 233

РАЗДЕЛ 5

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; уголовный процесс; криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

Витвицкая В.В., Куликова О.А.

Исторический аспект формирования системы
уголовных наказаний в России и зарубежных странах246

Войтов А. В.

Криминологический портрет экстремиста.....254

Матюшайтис Н.В., Броварь Н.А.

К вопросу о взаимодействии следственных
и оперативных подразделений по делам
о похищении человека.....263

Саенко Б.Е., Богославская К.Э.

Актуальные вопросы исправления
и ресоциализации пенитенциарных
преступников-несовершеннолетних273

Сасов А.В., Богославская К.Э.

Специфика личности преступника, нарушающего правила
безопасности дорожного движения или эксплуатации
транспорта в Российской Федерации 285

Сасов А.В., Митько Д.В.

Международный опыт превенции посягательств
на государственные информационные ресурсы..... 295

РАЗДЕЛ 1

**Конституционное право; конституционный судебный процесс;
муниципальное право; избирательное право;
предпринимательское право**

УДК 342.72/.73

DOI 10.5281/zenodo.10683609

ПРАВО НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩЕЕ СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ЖАРИКОВА Е.А.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной
медицины и медицинского права
ФГБОУ ВО ДонГМУ Минздрава России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена освещению гносеологических аспектов конституционного права лица на здравоохранение. Исследованы различные концептуальные подходы к пониманию понятия и содержания права лица на здравоохранение; проведен анализ широкого и узкого подхода к определению содержания этого права; установлена его структура и объём; выяснено содержание ключевых понятий в данной сфере. Обоснована целесообразность отношения широкого подхода к пониманию содержания конституционного права личности здравоохранения.

Ключевые слова: конституционное право, здравоохранение, медицинское обслуживание, медицинская помощь, медицинская услуга

THE RIGHT TO HEALTH AND MEDICAL CARE AS A FUNDAMENTAL SOCIAL RIGHT OF HUMAN AND CITIZENS

ZHARIKOVA E. A.,
Ph.D. legal Sciences, Associate Professor of the
Department of Forensic Medicine and Medical Law,
FSBEI HE DonSMU of MOH of Russia,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to highlighting the epistemological aspects of a person's constitutional right to healthcare. Various conceptual approaches to understanding the concept and content of a person's right to healthcare have been studied; an analysis of the broad and narrow approach to determining the content of this right was carried out; its structure and volume have been established; The content of key concepts in this area has been clarified. The expediency of a broad

approach to understanding the content of the constitutional right of the individual to health care is substantiated.

Keywords: constitutional law, healthcare, medical services, medical care, medical service

Состояние исследования. Правильная трактовка терминов и понятий по вопросам права человека на здравоохранение позволит более полное их понимание как естественного и неотъемлемого права человека и гражданина, которое должно защищаться государством [1, с. 112].

Таким образом, гносеологические аспекты определения права лица на охрану здоровья являются актуальным направлением исследования, поскольку позволяют выяснить содержание и объём конституционного права человека на здравоохранение в теоретико-правовом и практическом аспектах.

Отдельные вопросы, связанные с определением содержания и объёма права человека на здравоохранение, исследовали такие зарубежные и отечественные учёные, как Ю. М. Бисага, Д. М. Белов, М. М. Белинская, В. С. Веткова, В.М. Козаков, И. А. Колодцеи, Н. В. Коробцова, В. В. Лещенко, А. А. Отставнова, Е. Ф. Радиш, И. Я. Сенюта, О. В. Солдатенко, Е. А. Федько и др. Однако, гносеологические аспекты определения конституционного права на здравоохранение были предметом исследования немногих учёных.

Как справедливо отмечают Д. М. Белов и Ю. М. Бисага, как раз в период конституционной реформы наблюдается активизация теоретического пояснения важнейших государственно-правовых явлений и событий, обоснование на их основе взглядов, научных подходов, оценок, концепций [2, с. 68].

Поэтому, исследуя вопрос о понятии содержания конституционного права на здравоохранение, необходимо подчеркнуть существенное влияние на понимание его содержания и определение границ в конституции, а также международные глобальные процессы.

По нормам международного законодательства это право относится к группе экономических, социальных и культурных прав, то есть прав второго поколения.

Цель исследования – анализ основных понятий, входящих в объект конституционного права на здравоохранение, на основании обзора различных концептуальных подходов к его пониманию, что

позволит очертить его границы и содержание в условиях проведения конституционной реформы.

Изложение основного материала. Понятие «механизм защиты прав и свобод» раскрывается как система правовых мер, направленных на защиту прав человека. Необходимость такой защиты возникает в случае совершения конкретного преступления или деяния, объективно противоправного.

Таким образом, право на защиту – это материальное субъективное право исполнительного характера, возникшее в момент нарушения субъективного права потерпевшего. Существуют два основных признака права человека на защиту.

Во-первых, право на защиту означает возможность обращения к государственному принуждению в необходимых случаях, то есть субъектом правоприменения в принципе должен быть государственный орган, без которого такое принуждение невозможно. Таким образом, контрагенты в этом правоотношении будут, с одной стороны, субъектом права на защиту, с другой – органом государственной власти.

Второй особенностью исполнительного правоотношения является то, что на их основе развиваются соответствующие процессуальные отношения, которые опосредуются в порядке применения государственных правовых средств, юридической ответственности и защиты.

Институт защиты прав и свобод человека и гражданина – это система норм, принципов, условий и требований, обеспечивающих в совокупности соблюдение прав и свобод и законных интересов личности. Однако на основе вышеупомянутых свойств права личности на защиту этот институт создаётся конституционно-правовыми и институциональными механизмами защиты прав и свобод человека и гражданина.

Объём средств правовой защиты в современный период значительно расширился благодаря связи с национальными механизмами регулирования защиты прав человека и свободы международной юрисдикции. Речь идёт о международно-правовых гарантиях прав человека, закреплённых в универсальных и региональных международных нормативных актах.

Фактически эффективная реализация и защита основных прав человека человеком обеспечивается до того, как все механизмы станут юридическими обязательствами.

Но, чтобы нормы международных договоров действительно работали, недостаточно просто назвать их частью национального законодательства. Общеизвестные нормы международного права по своей природе не действуют, они воспринимаются системой права не как нормы-регуляторы, а как нормы-принципы. Единственный способ их реализации – издание соответствующего правового акта, направленного на соблюдение международного права.

Таким образом, большинство правовых систем предполагает непосредственное применение ратифицированных норм международных договоров вместе с региональной конституцией, но приоритетом последнего является обеспечение мер по защите прав человека. Но международные принципы прав человека останутся более низкими.

Конституция провозглашает право каждого на здравоохранение, медицинскую помощь и медицинское страхование. Содержание этого права раскрывается в ст. 41 Конституции РФ, Основах законодательства об охране здоровья и других законодательных актах.

Право на здравоохранение признаётся мировым сообществом как основное неотъемлемое право, принадлежащее каждому человеку. Существуют общие положения, которые гарантируют право на здоровье, и положения, которые защищают определённые наиболее уязвимые группы населения, в частности детей, женщин, лиц, которые претерпели расовую дискриминацию, иностранных рабочих и т.д. [3, с. 200].

Основные международные стандарты в сфере здравоохранения нашли своё воплощение в положениях Конституции [4] и других законодательных актах [5]. Их анализ показывает, что это право является комплексным и выступающим предметом регулирования различных отраслей права, в частности конституционного, административного, гражданского, уголовного и др. на комплексный характер права лица на здравоохранение.

Как известно, самое главное для каждого человека – это его жизнь и здоровье. Здоровье человека является основным ключом для полноценной жизнедеятельности. Исходя из этого, право на здоровье является основополагающим правом человека.

Данное право впервые было озвучено в Уставе Всемирной организации здравоохранения в 1946 году, а именно: «здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия», «здоровье является одним из основных прав всякого человека без различия расы, религии, политических убеждений, экономического и социального положения».

Современное определение понятия «здоровье» звучит как состояние физического, психического и социального благополучия человека, при котором отсутствуют заболевания, а также расстройства функций органов и систем организма. Для его нормального поддержания у каждого есть право доступа к медицинским услугам надлежащего качества.

В основном законе государства закреплено, что каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов и других поступлений.

Современная сфера здравоохранения страны ещё не наполнена чётким необходимым потенциалом механизмов управления и слабо адаптирована к реальным условиям жизни. Несмотря на конкретные шаги, предпринимаемые для реформирования медицинской сферы, имеют место принципиальные противоречия во взглядах к механизмам управления, финансирования, медицинского страхования и т.д. Фактически это утрата чёткой системы управления отраслью. А характер экономических связей лечебных учреждений ещё не способствует в полной мере их превращению в самостоятельные хозяйствующие субъекты» [5, с. 209].

Рассмотрим свойства и структурные особенности системы здравоохранения.

Основополагающая проблема системы охраны здоровья состоит в том, что основные системные свойства были унаследованы из периода существования Советского Союза.

Это касается как собственно финансирования, так и специфики предоставления медицинской услуги.

Исполнительная и законодательная ветви власти унаследовали систему здравоохранения, существовавшую в советский период.

Система здравоохранения в большей степени является государственной собственностью и ориентирована на больницы с очень фрагментированным управлением и услугами, сосредоточенными на лечении острых случаев при минимальной профилактике. Эта система не ориентирована на удовлетворение реальных потребностей населения и оказалась неспособной реагировать на непомерное бремя НИЗ, поскольку была сформирована для борьбы с инфекционными заболеваниями и травмами, которые, в целом, имеют одинаковую причину и не зависят от личного поведения гражданина. Эта система была разработана в те времена, когда ещё не было создано современных методов коммуникации, а медицинские технологии были недостаточно развиты. Она также игнорирует международные тенденции модернизации и улучшения системы здравоохранения (например, предлагая пространство для инициатив частного сектора) и не смогла обеспечить политическое руководство в таких жизненно важных отраслях, как информационные технологии. Существует много доказательств того, что система характеризуется неэффективным использованием средств, что приводит к коррупционным рискам». В целом, согласны с подходом автора относительно характеристики национальной системы здравоохранения, однако стоит отметить причины, что привели к такому положению, а это в первую очередь: политическая нестабильность государства, коррупция во всех ветвях и уровнях власти, бюрократический механизм, неготовность населения к рыночным преобразованиям и отсутствие информационной политики по трансформационным изменениям.

Говоря о свойствах собственно системы охраны здоровья, следует отметить следующие проблемы, выделяемые разными стейкхолдерами.

Национальным институтом стратегических исследований определены следующие проблемы системы охраны здоровья граждан:

1. Нехватка ресурсного обеспечения сферы здравоохранения, в том числе низкая доля расходов на здравоохранение в отношении валового внутреннего продукта (ВВП). Она за последние пять лет колеблется в пределах 3-4%, что ниже среднемировых расходов на медико-санитарную помощь.

2. Недостатки механизмов государственного финансирования сферы здравоохранения.

3. Несовершенство структурно-организационной модели системы здравоохранения.

4. Нерациональное использование имеющихся ресурсов.

5. Низкая доступность к качественным услугам по здравоохранению.

6. Низкое качество кадрового обеспечения системы здравоохранения.

7. Несовершенство законодательства, регламентирующего деятельность системы здравоохранения.

Медицинскую услугу следует характеризовать по видам медицинской помощи, которые определены в Законе «О государственных финансовых гарантиях медицинского обслуживания населения». Указанным законом определено, что «программа медицинских гарантий разрабатывается с учётом положений отраслевых стандартов в сфере охраны здоровья в порядке, установленном центральным органом исполнительной власти, обеспечивающим формирование государственной политики в сфере здравоохранения, по согласованию с центральным органом исполнительной власти обеспечивает формирование государственной финансовой и бюджетной политики» [7, 8].

В соответствии с законом такими видами помощи являются: экстренная медицинская помощь; первичная медицинская помощь; вторичная (специализированная) медицинская помощь; третичная (высокоспециализированная) медицинская помощь; паллиативная медицинская помощь; реабилитация в области здравоохранения; медицинская помощь детям до 16 лет; медицинская помощь по беременности и родам.

Особой составляющей объекта государственного управления являются те, которые предоставляют медицинские услуги, а именно: «учреждения здравоохранения всех форм собственности и физические лица – предприниматели, получившие лицензию на производство хозяйственной деятельности в медицинской практике, и заключили договор о медицинском обслуживании населения с главными распорядителями бюджетных средств» [9, 10].

Таким образом, нами обоснована структура государственного управления системой здравоохранения с использованием системного подхода, определяющего взаимодействие субъекта

управления (органы государственной власти) и объекта (системы здравоохранения) через методологическое действие. Охарактеризованы уровни системы здравоохранения, а именно: национальный, региональный, субрегиональный. Общегосударственный уровень представлен субъектами центральной исполнительной власти, формирующими и реализующими государственную политику в сфере охраны здоровья, региональный уровень субъектов государственного управления системой здравоохранения представлен областными управлениями здравоохранения, местный уровень представлен районными администрациями, местными и поселковыми советами, объединёнными территориальными общинами. Выделены объекты, субъекты государственного управления в системе здравоохранения. На основании вышеизложенного можно увидеть, что в законодательстве выделяется не только само право на охрану здоровья, а основополагающим является его охрана, и, соответственно, оказание медицинской помощи по самым высоким стандартам. Также необходимо отметить, что охрана здоровья граждан – это совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской и социальной помощи в случае утраты здоровья. Право на охрану здоровья обеспечивается не только охраной окружающей среды, созданием безопасных условий труда, производством и реализацией продуктов питания соответствующего качества, качественных, безопасных и доступных лекарственных препаратов, но и оказанием доступной и качественной медицинской помощи. Под медицинской помощью предусматривается комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг [11-14].

Из вышеуказанных определений можно сделать вывод, что на государство возлагается чёткий ряд юридических обязательств по обеспечению надлежащих условий для укрепления здоровья всех людей без дискриминации. Явная или скрытая дискриминация в медицинском обслуживании – как среди работников

здравоохранения, так и между работниками здравоохранения и пользователями услуг – является мощным барьером для доступа к медицинским услугам и сказывается на их качестве.

Подход к охране здоровья на основе соблюдения прав человека подразумевает ряд чётких принципов для разработки и оценки политики здравоохранения и медицинского обслуживания и ориентирован на повышение качества медицинской помощи.

Однако на практике существует ряд проблем, встречающихся при оказании медицинской помощи населению, основными из которых являются: защита прав пациентов; защита прав медицинских работников; соблюдение государственных гарантий по программам обязательного медико-социального страхования; качество государственной и муниципальной медицины; предоставление платных медицинских услуг; рост количества исков по медицинским делам; неблагоприятное общественное мнение о качестве медицинской помощи с одновременным игнорированием проблем медицинских работников; профессиональная незащищённость медицинских работников.

Право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь нуждается в создании надёжного механизма его реализации, в котором одно из центральных мест должно занять правовое регулирование системы здравоохранения.

Вывод.. Таким образом, необходимо формировать логичное и согласованное законодательство, которое позволит регулировать отношения субъектов в этой сфере, то есть система законодательства в сфере охраны здоровья населения должна максимально соответствовать активно развивающимся общественным отношениям в этой области.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что медицинское право определяет правила поведения практиков здравоохранения в рамках их профессиональной деятельности, разъясняет им права и обязанности по отношению к пациентам, и описывает санкции в случае невыполнения данных правил.

Таким образом, право на здравоохранение является одним с фундаментальных конституционных прав, которое тесно связано с другими возможностями личности и включает, но не ограничивается ими, право на медицинскую помощь на медицинское страхование.

В результате того, что право на охрану здоровья многоаспектно, оно относится к предмету исследования различных правовых дисциплин и регулируется разными отраслями права. В конституционном праве превалирует широкий подход к пониманию его соответствующего содержания тенденциям международной глобализации.

В конституционно-правовом аспекте право на здравоохранение можно определить как незыблемое, абсолютное, гарантированное государством и международным сообществом, закреплённое в международных договорах и Конституции РФ, возможность человека по сохранению, укреплению, восстановлению и поддержанию своего здоровья на должном уровне с использованием, в случае необходимости, безвозмездной, доступной и эффективной медицинской помощи в государственных и коммунальных учреждениях здравоохранения.

Список использованных источников

1. Воеводин, Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. – Москва : МГУ, 2019. – 300 с. – Текст : непосредственный.
2. Волков, В. Д. Конституционное право на охрану здоровья советских граждан. Конституция СССР и правовое положение личности / В. Д. Волков. – Москва : Ин-т государства и права АН СССР, 2021. – С. 98-103. – Текст : непосредственный.
3. Отставнова, Е. А. Конституционные основы защиты права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в современной России: дисс. ... канд. юрид наук: 12.00.02 / Е. А. Отставнова. – Саратов, 2019. – 246 с. – Текст : непосредственный.
4. Долаев, Ш. Р. Прогресс в медицине и проблема защиты прав человека: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Ш. Р. Долаев. – Москва, 2022. – 176 с. – Текст : непосредственный.
5. Дюжиков, С. А. Конституционное обеспечение права на охрану здоровья в Российской Федерации: дисс. ...канд. юрид. наук: 12.00.02 / С. А. Дюжиков. – Ростов-на-Дону, 2021 – 195 с. – Текст : непосредственный.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л. В. Лазарева) / ООО «Новая правовая культура», 2019 г. – URL: <http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634/> (дата обращения: 09.11.2023). – Текст : электронный.

7. Мохов, А. А. Основы медицинского права Российской Федерации [Текст]: учебное пособие для магистров: [лицензирование, правовой статус пациента, донорство и трансплантация, оказание психиатрической помощи, принудительные меры медицинского характера, медицинские экспертизы] / А. А. Мохов. – Москва : Проспект, 2014 – 374 с. – Текст : непосредственный.

8. Братковский, М. Л. Подходы к оцениванию эффективности государственного управления / М. Л. Братковский, В. С. Козлов // Сборник научных работ серии «Государственное управление». – 2019. – № 1 (13). – С. 6-13. – Текст : непосредственный.

9. Докторова, Н. П. Использование информационных технологий в принятии управленческих решений в здравоохранении ДНР / Н. П. Докторова // Сборник научных работ серии «Государственное управление». – 2023. – № 31. – С. 124-135. – DOI10.5281/zenodo.10065664. – Текст : непосредственный.

10. Булах, И. В. Особенности внедрения инноваций в сферу государственного управления здравоохранением / И. В. Булах, Т. А. Вербицкая // Сборник научных работ серии «Государственное управление». – 2023. – № 31. – С. 5-14. – DOI 10.5281/zenodo.10061089. – Текст : непосредственный.

11. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.11.2010 N 326-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст : электронный.

12. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ. – URL: <http://www.consultant.ru/document/> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст : электронный.

13. Права человека: международные договоры, декларации, документы / Состав. Ю. К. Качуренко. – 2-е изд. – Киев : Юринформ, 1992. – 198 с. – Текст : непосредственный.

14. Постановление ВС РФ от 22.07.1993 № 5489-1 «О порядке введения в действие Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан». – URL: <http://legalacts.ru/doc/postanovlenie-vs-rf-ot-22071993-n-5489-1/> (дата обращения: 10.11.2023). – Текст : электронный.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

УШАКОВА Д. С.,
ст. преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной статье рассматриваются особенности ведения предпринимательской деятельности в период военного положения. Анализируются основные проблемы, с которыми сталкивается бизнес, а также меры государственной поддержки предпринимательства в военное время. Делаются выводы о наиболее эффективных стратегиях выживания и адаптации компаний к новым условиям.

Ключевые слова: предпринимательство, военное положение, государственная поддержка, адаптация бизнеса

ENTREPRENEURIAL ACTIVITY UNDER MARTIAL LAW

USHAKOVA D. S.,
Senior Lecturer at the Department
of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

This article discusses the specifics of doing business during the period of martial law. The main problems faced by business are analyzed, as well as measures of state support for entrepreneurship in wartime. Conclusions are drawn about the most effective strategies for survival and adaptation of companies to new conditions.

Keywords: entrepreneurship, martial law, government support, business adaptation

Постановка задачи. В ходе исследования данной темы необходимо изучить особенности государственной политики в сфере регулирования предпринимательской деятельности в условиях военного положения, определить основные проблемы, которые возникают на пути осуществления их деятельности, а также предложить пути их решения.

Анализ последних исследований и публикаций. Значительный вклад в развитие теоретических и практических аспектов формирования и реализации отдельных составляющих государственного регулирования развития предпринимательской деятельности в условиях военного положения сделан такими учёными, как В. Э. Полетаев, Ф. И. Биншток, Н. А. Мамедова и др. В их трудах раскрыт вопрос о создании организационно-правовых, экономических условий для развития предпринимательства и дальнейшего совершенствования механизма реализации государственной политики в сфере поддержки предпринимательской деятельности в условиях военного положения. Однако на сегодняшний день проблема государственной поддержки малого предпринимательства требует более детального внимания и исследований.

Актуальность. Объявление военного положения влечёт за собой серьёзные изменения в экономической и предпринимательской среде. В этих условиях бизнес сталкивается с многочисленными вызовами, связанными с ограничением свободы передвижения, сбоями в поставках, падением спроса и другими факторами. Чтобы выжить и адаптироваться к новой реальности, компаниям необходимо пересмотреть свои бизнес-модели и стратегии.

Целью статьи является определение особенностей государственного регулирования предпринимательской деятельности в условиях военного положения.

Изложение основного материала исследования. С началом военных действий многие предприятия вынуждены приостановить свою работу из-за нарушения поставок сырья и комплектующих, разрыва контрактов, нехватки рабочих рук. Особенно это касается компаний, ориентированных на экспорт.

Военное положение – наивысшее состояние готовности государственных органов управления, сил федеральной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций к ликвидации чрезвычайной ситуации (п. 1 Указа Президента РФ от 19.10.2022 № 757, абз. 7 ст. 1 Закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ). Правовое положение граждан и организаций в условиях военного положения определяет Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении». Если в регионе действует военное положение, то, как следует из указа президента,

губернатор вправе ввести особый режим въезда на эту территорию и выезда с неё, а также возможно ограничение свободы передвижения по ней, установление запрета или ограничение выбора места пребывания либо места жительства людей.

На период военного положения компаниям нет необходимости приостанавливать или прекращать работу (п. 10 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ). Но особый режим работы вводится в организациях, обеспечивающих функционирование транспорта, коммуникаций и связи, объектов энергетики, а также объектов, которые представляют повышенную опасность для жизни и здоровья людей и для окружающей среды (п. 2 ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30.01.2002 № 1-ФКЗ).

Ключевыми проблемами для бизнеса в период военного положения являются:

- резкое падение спроса на жизненно важные товары и услуги;
- нарушение логистических цепочек и срыв поставок;
- девальвация национальной валюты и ограниченный доступ к иностранной валюте;
- высокие процентные ставки по кредитам для бизнеса;
- отток квалифицированных кадров;
- угроза разрушения или повреждения основных фондов предприятий в зоне боевых действий.

Введение военного положения и связанные с этим ограничительные меры привели к резкому сокращению спроса на товары и услуги со стороны населения и бизнеса. Это выразилось в снижении объёмов продаж в розничной торговле, сфере услуг, на рынке недвижимости и других секторах экономики.

Одновременно возникли перебои с поставками импортных товаров, сырья и комплектующих. Прекратили работу многие логистические маршруты, резко выросли транспортные расходы. Это привело к срыву производственных цепочек в промышленности, строительстве, торговле.

Компаниям пришлось срочно перестраивать бизнес-процессы, искать новых поставщиков, корректировать ассортимент и ценообразование. Негативное влияние падения спроса и нарушения цепочек поставок испытали практически все сектора экономики [1].

В условиях военного положения произошёл существенный рост издержек во многих отраслях экономики. Это связано с рядом факторов:

- резкий рост цен на энергоносители, сырьё, материалы. Например, выросли цены на металлопродукцию, стройматериалы, полимеры;

- удорожание логистики и транспортных расходов из-за ограничений и сбоев в цепочках поставок;

- нехватка комплектующих и рост цен на импортную продукцию из-за ослабления курса рубля и санкций;

- повышение ставок по кредитам вслед за ключевой ставкой ЦБ, что привело к удорожанию заёмных средств для бизнеса;

- необходимость увеличения затрат на логистику, безопасность, страхование рисков в связи с нестабильной ситуацией;

- рост издержек негативно отразился на прибыльности и рентабельности предприятий, особенно в обрабатывающих отраслях промышленности. Компании вынуждены были оптимизировать расходы, чтобы сохранить конкурентоспособность.

Чтобы поддержать бизнес, государство разрабатывает специальные программы. Ключевыми мерами поддержки являются:

- льготное кредитование. Государство субсидирует процентные ставки под 5-7% годовых по кредитам для системообразующих предприятий;

- налоговые каникулы и отсрочки по уплате налогов;

- снижение арендной платы за государственную и муниципальную недвижимость;

- упрощение процедур госзакупок для оборонных предприятий;

- субсидирование заработной платы работников компаний, пострадавших от военных действий.

Для адаптации к новым условиям компаниям необходимо оперативно менять свои бизнес-модели; возможные направления трансформации:

- переориентация на производство востребованной в военное время продукции;

- поиск альтернативных каналов сбыта и логистики;

- уход в онлайн-сегмент для розничных и сервисных компаний;

– сокращение издержек за счёт оптимизации бизнес-процессов и снижения затрат на персонал.

Для обеспечения доступа к дешёвым кредитным ресурсам компаний из приоритетных отраслей экономики была запущена программа льготного кредитования от ведущих государственных банков.

Кредиты по ставкам 5-7% годовых предоставляются на срок от 1 года до 3 лет в рублях. Максимальный размер кредита может достигать 50% годовой выручки компании [2].

Основные требования для получения льготного кредита:

- отнесение компании к системообразующим предприятиям или пострадавшим от санкций отраслям;
- сохранение не менее 80% занятости;
- использование средств на цели сохранения и развития бизнеса.

Благодаря программе льготного кредитования по приемлемой цене финансовые ресурсы были предоставлены сотням ключевых предприятий реального сектора экономики. Это позволило им пережить сложный период и сохранить производственные мощности.

Для ускорения закупок товаров, работ и услуг для государственных и оборонных нужд был расширен перечень случаев осуществления закупок у единственного поставщика. Также были снижены требования к обеспечению исполнения контрактов для сокращения издержек поставщиков.

Упрощён порядок согласования прямых договоров на поставку продукции по гособоронзаказу в рамках кооперации предприятий ОПК.

Сокращены сроки исполнения этапов госконтрактов, приёмки продукции военного назначения.

Расширен перечень оснований для изменения существенных условий госконтрактов, в том числе по причине введения санкций.

Введена возможность авансирования гособоронзаказа в размере 30% от цены контракта для поддержки текущей производственной деятельности предприятий ОПК.

Такие меры позволили значительно ускорить закупочные процедуры и обеспечить бесперебойные поставки продукции для нужд государства в условиях военного положения.

Для поддержки доступа бизнеса к кредитным ресурсам государство компенсирует кредитным организациям выпадающие доходы от снижения процентных ставок по кредитам.

Субсидии предоставляются по кредитам, выданным по льготной ставке не выше ключевой ставки ЦБ РФ компаниям из пострадавших от санкций отраслей экономики.

Размер субсидии рассчитывается как разница между ключевой ставкой ЦБ и реальной ставкой, по которой банк выдал кредит конкретному заёмщику.

Такой механизм позволяет банкам выдавать кредиты наиболее пострадавшим от санкций отраслям по ставкам значительно ниже рыночных, не ухудшая своё финансовое положение.

Благодаря субсидированию ставок, компании получают возможность привлекать кредитные ресурсы по приемлемой цене для поддержания текущей деятельности и реализации инвестпроектов [3].

Эта мера оказалась действенным инструментом сохранения доступа бизнеса к заёмному финансированию в условиях резкого скачка процентных ставок.

В условиях военного положения необходимо принять комплекс нормативно-правовых актов, регламентирующих деятельность субъектов предпринимательства.

В частности, ввести указы об особом режиме хозяйственной деятельности, предусматривающие ряд ограничений для бизнеса.

Также принять законы о льготах и преференциях для организаций из пострадавших отраслей, особых условиях госзакупок, упрощённом порядке кредитования приоритетных предприятий.

Правительство утвердило перечни системообразующих и стратегических предприятий, которым был обеспечен особый режим функционирования и поддержки.

Таким образом, в короткие сроки необходимо сформировать комплексную нормативно-правовую базу для регулирования бизнеса в новых экономических условиях.

Для минимизации регуляторного давления на бизнес в условиях военного положения были приостановлены плановые проверки юридических лиц и индивидуальных предпринимателей со стороны государственных контрольно-надзорных органов [4].

Исключение составили внеплановые проверки по фактам угрозы причинения вреда жизни и здоровью граждан, возникновения чрезвычайных ситуаций.

Также были отменены проверки соблюдения ряда обязательных требований, не связанных напрямую с обеспечением безопасности.

Вывод. Военное положение создаёт серьёзные угрозы для ведения бизнеса. Однако компании могут адаптироваться к новым условиям за счёт гибкости, оперативного внедрения инноваций, оптимизации издержек и использования господдержки. Ключевыми стратегиями выживания являются диверсификация производства и сбыта, поиск новых партнёров, грамотное управление финансами. Государственные меры должны стимулировать развитие приоритетных в военное время отраслей и поддерживать пострадавшие сегменты рынка.

Несмотря на беспрецедентные трудности, российский бизнес обладает потенциалом к адаптации к новым условиям. Комплексная господдержка и продуманная стратегия помогут компаниям минимизировать потери и сохранить конкурентоспособность.

Список использованных источников

1. Мамедова, Н. А. Малый бизнес в рыночной среде / Н. А. Мамедова. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 218 с. – Текст : непосредственный.

2. Полетаев, В. Э. Государство и бизнес: инновации и перспективы / В. Э. Полетаев. – Москва : НИЦ ИНФРА-М, 2018. – 281 с. – Текст : непосредственный.

3. Пинская, М. Р. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства: совершенствование правового регулирования / М. Р. Пинская. – Москва : КноРус, 2020. – 615 с. – Текст : непосредственный.

4. Венгеровский, Е. Л. Государственная поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства: совершенствование правового регулирования / Е.Л. Венгеровский. – Москва : КноРус, 2020. – 164 с.. – Текст : непосредственный.

РАЗДЕЛ 2

**Административное право; административный процесс;
таможенное право; трудовое право; право социального
обеспечения; арбитражное право; арбитражный процесс;
жилищное право; налоговое право; финансовое право;
транспортное право; информационное право**

УДК 343.163

DOI 10.5281/zenodo.10686155

ПРИНЦИП НЕЗАВИСИМОСТИ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩАЯ ОСНОВА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ

**МАВЛИХАНОВА Р. В.,
канд. юрид. наук, доцент,
проректор по научной работе, инновационной
деятельности и внешним связям,
ДГУЮ Минюста России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся определения места органов прокуратуры в системе органов государственной власти и влияние конституционного принципа независимости прокурора при осуществлении процессуальной компетенции.

Ключевые слова: независимость, принципы, иммунитет, полномочия прокуроров, функции органов прокуратуры, органы прокуратуры, процессуальная компетенция органов прокуратуры

THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE AS A FUNDAMENTAL BASIS FOR DETERMINING PROCEDURAL COMPETENCE OF PROSECUTION BODIES

**MAVLIKHANOVA R. V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Vice-Rector for Research, Innovation
and External Relations,
DSUJ,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article discusses issues related to determining the place of the prosecutor's office in the system of public authorities and the influence of the

constitutional principle of independence of the prosecutor in the exercise of procedural competence.

Keywords: *independence, principles, immunity, powers of prosecutors, functions of prosecutors, prosecutors, procedural competence of prosecutors*

Актуальность. Особенности места прокуратуры в системе органов государственной власти, структурная принадлежность Конституции Российской Федерации, которой определён конституционно-правовой статус прокуратуры, определяют одним из основ принцип независимости, составляющей которого является иммунитет органов прокуратуры. Так, по мнению М. В. Косюта, независимость имеет несколько существенных характеристик, среди которых указано на внутреннее чувство правовой, социальной и личной защищённости субъекта правоприменения. К другим характеристикам независимости относятся: состояние, в котором находятся орган государства, его должностные лица в отношениях с другими частями государственного аппарата и составляющими гражданского общества и характеризующееся определённой степенью самостоятельности при осуществлении компетенции; возможность беспрепятственно в рамках закона реализовывать свои полномочия [134, с. 207].

Анализ последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты исследуемой проблемы раскрыты в научных трудах многих учёных, как зарубежных, так и отечественных: Н. Буцковский, С. И. Викторский, А. Д. Градовский, Ф. Гредингер, В. О. Ключевский, Н. М. Колмаков, А. Ф. Кони, Н. В. Муравьёв и др.

Целью статьи является анализ нормативно-правовых актов и научной литературы, определяющих основные аспекты исследуемой темы, а также установление проблем и пробелов.

Изложение основного материала исследования. Термин «иммунитет» (от лат. *immunitas* – увольнение, свобода) – общеправовой термин, означающий освобождение полного круга субъектов права от действия общих правовых норм. Иммунитет – юридическое право не подчиняться некоторым общим законам, предоставляемым в определённых случаях государством международным организациям и лицам, занимающим в обществе особое положение [1, с. 94-95].

Учитывая всеобщую сущность иммунитета и специфику прокурорской деятельности, можно определить понятие иммунитета органов прокуратуры.

Иммунитетом органов прокуратуры целесообразно назвать предусмотренные Конституцией и законами права и обязанности органов прокуратуры, прокуроров, отличающихся от общих прав и обязанностей, а также запреты и ограничения, устанавливаемые в отношении субъектов, с которыми взаимодействуют органы прокуратуры, прокуроры, с целью выполнения возложенных на них функций. Иммунитет органов прокуратуры выступает условием реализации прокуратурой своего конституционного назначения.

Иммунитет органов прокуратуры предусмотрен действующим законодательством России, учитывая особое значение прокуратуры в механизме государства, её гарантирующую и стабилизирующую роль в поддержании правопорядка, защите интересов гражданина и государства от нарушений прав, свобод.

Иммунитет органов прокуратуры касается не только профессиональной деятельности прокуроров, но и конституционного принципа организации и функционирования прокуратуры в системе государственного управления. Это означает примат институционального аспекта иммунитета органов и производный от него характер основ их профессиональной деятельности, способности осуществлять конституционно определённые функции.

На сегодняшний день распространён подход, согласно которому независимость органов прокуратуры рассматривается в двух уровнях: внешнем и внутреннем.

Независимость органов прокуратуры не самоцель, а в условиях демократического общества она обеспечивается функционированием системы взаимодействия и взаимоконтроля, сдерживания и противовесов, устанавливается и гарантируется действующим законодательством с целью гарантирования надлежащей реализации прокуратурой функций.

Иммунитет органов прокуратуры касается, в первую очередь, внутреннего уровня независимости, а именно отдельных статусных гарантий, в частности особого порядка освобождения от должности и исчерпывающего перечня оснований увольнения; особого порядка привлечения к юридической ответственности, в первую очередь уголовной или дисциплинарной. Относительно внешнего уровня независимости органов прокуратуры и существующего на этом уровне иммунитета следует указать на запрет вмешательства или какого-либо влияния на деятельность прокуроров, выполнение

органами прокуратуры функций. Указанное касается органов государственной власти, местного самоуправления, общественности, политических лидеров, депутатов всех уровней.

В этом контексте уместен вопрос о деполитизации органов прокуратуры. По мнению М. В. Косюты, роль деполитизации органов прокуратуры в гарантировании независимости прокуроров заключается не только в запрете прокурорским работникам относиться к политическим партиям, но и в невозможности прямого или косвенного контроля со стороны партий за деятельностью прокуратуры, в том числе лоббистского влияния на прокуроров, установление запрета прокурорам публично выражать своё мнение о политических взглядах и предпочтениях, выступать по этому поводу в средствах массовой информации, на митингах, публично поддерживать политические кандидатуры на должностях и т.д. [2, с. 224-225].

Поэтому, указывая на иммунитет органов прокуратуры, необходимо также указать следующие его элементы:

– действие органов государственной власти исключительно в пределах и способом, предусмотренным действующим законодательством, особенно в отношениях с прокуратурой по вопросам осуществления ею функций;

– запрет на вмешательство любым способом в деятельность органов прокуратуры по реализации ею функций, установленных действующим законодательством;

– отсутствие подчинённости органов прокуратуры другим органам государственной власти, в частности тех, которые осуществляют полномочия по назначению на должность и освобождению от должности, осуществляется исключительно в случаях и по основаниям, определённым настоящей Конституцией и законом.

Наличие иммунитета органов прокуратуры следует из положений Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации», где установлена обязанность немедленного уведомления Генерального прокурора о начале уголовного производства в отношении прокурора.

К гарантиям независимости прокуроров в осуществлении ими полномочий, отсутствующих у органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, отнесены: особый порядок назначения, привлечение к ответственности и увольнение; запрет

вмешательства в осуществление прокурором полномочий и установленную законом ответственность за такие действия; особый, установленный законом порядок финансирования и организационного обеспечения деятельности прокуратуры; надлежащее материальное и социальное обеспечение прокуроров; определены законом средства обеспечения личной безопасности прокуроров, членов их семей, имущества, а также наличие других средств правовой защиты. Дополнительными гарантиями обеспечения прокурорской деятельности установлена обязательность требований прокурора, право неотложного приёма прокурора другими должностными лицами, особый порядок привлечения прокуроров к юридической ответственности.

Новелизация законодательства России о прокуратуре касается и гарантий независимости прокуроров, в частности вопросов правовой защиты, дополнительных гарантий, материального и социального обеспечения. Среди перечисленных гарантий предусмотрены и касающиеся иммунитета прокуроров, а именно запрета вмешательства в деятельность прокурора, особый порядок кадровых назначений и привлечения к юридической ответственности.

Иммунитет органов прокуратуры касается обязательства уважать независимость прокурора и воздерживаться от осуществления в любой форме воздействия на прокурора с целью препятствования исполнению служебных обязанностей или принятию им незаконного решения органов государственной власти, органов местного самоуправления, других государственных органов, их должностных лиц, а также физических и юридических лиц и их объединений. Указанное правовое требование не означает отсутствие обоснованной критики деятельности прокурора, однако границы такой критики должны определяться с учётом Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Иммунитет органов прокуратуры распространяется на особый порядок привлечения прокуроров к юридической ответственности, в частности дисциплинарной.

Среди учёных было распространено несколько подходов к определению сущности дисциплинарного производства. Так, они определены как совокупность юридических норм, регулирующих общественные отношения в связи с правоприменительной деятельностью по решению вопроса о привлечении к дисциплинарной ответственности за совершённое правонарушение

[3, с. 102-103]. Некоторые учёные рассматривают дисциплинарное производство как урегулированную законодательством процедуру применения дисциплинарных взысканий при соблюдении прав и законных интересов виновных лиц.

Среди зарубежных авторов вызывает интерес подход Д. П. Поливчука и Д. М. Романи, которые предлагали рассматривать дисциплинарное производство не только в негативном аспекте, что касается порядка применения дисциплинарных взысканий, но и в положительном – относительно поощрений. Так, по мнению Д. П. Поливчука, дисциплинарное производство – это совокупность процессуальных действий компетентного субъекта, осуществляемых с целью решения вопроса о применении поощрения или привлечения к дисциплинарной ответственности за совершённый дисциплинарный проступок виновного лица [3, с. 30]. Относительно дисциплинарного производства в органах прокуратуры, по мнению Д. М. Романяка, такое производство рассматривается как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в связи с правоприменительной деятельностью должностных лиц органов прокуратуры по решению вопроса о дисциплинарной ответственности прокурорско-следственных работников за совершённый дисциплинарный проступок, а также применение мер поощрения за добросовестное и образцовое выполнение служебных обязанностей, инициативу и оперативность в работе [4, с. 105]. Представленный исследователями подход позволяет рассмотреть вопрос о процессуальной форме реализации компетенции в сфере применения мер дисциплинарного воздействия, которые носят не только негативный характер как дисциплинарные взыскания, но и стимулирующий к качественной правоприменительной деятельности, обеспечиваемый применением поощрений. Вместе с тем существование процессуальной формы применения поощрений достаточно спорно, что обуславливает критическое отношение к указанному подходу.

Некоторые учёные определяют следующие специфические черты дисциплинарной ответственности: 1) основанием для применения мер дисциплинарной ответственности является совершение лицом дисциплинарного проступка, то есть нарушение им норм или правил, которыми регламентируется порядок деятельности коллективов, предприятий, учреждений, организаций

и т.п.; 2) как правило, за совершение дисциплинарного проступка лицо несёт ответственность в порядке трудового или служебного подчинения; 3) дисциплинарная ответственность предполагает применение к нарушителю широкого перечня специфических санкций [5, с. 55].

Исходя из представленного выше подхода, можно выделить в качестве главного признака дисциплинарного производства: основанием возбуждения дисциплинарного дела является совершение дисциплинарного проступка.

Применение дисциплинарной ответственности одновременно является мерой дисциплинарного принуждения и разновидностью юридической ответственности, применяемой к государственным служащим. К особенностям такого вида ответственности автор относит то, что вопросы, связанные с привлечением государственного служащего к дисциплинарной ответственности, регулируются нормами как административного, так и трудового права [6, с. 279].

С таким подходом следует согласиться, однако с исключениями, вытекающими из особенностей субъектного состава правоотношений по применению дисциплинарной ответственности.

Дисциплинарным правонарушением признано общественно вредное деяние, заключающееся в неисполнении работником, служащим, солдатом, студентом производственных, служебных, военных или учебных обязанностей, нарушение правил внутреннего трудового распорядка. Дисциплинарной ответственностью назван один из видов ответственности, налагаемый исключительно в пределах служебного подчинения, а субъектом привлечения является администрация предприятия. Она применяется при совершении дисциплинарных проступков: 1) в соответствии с правилами внутреннего трудового распорядка; 2) в порядке подчинённости; 3) в соответствии с дисциплинарными уставами и положениями. В свою очередь дисциплинарным проступком признаётся противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение работником своих трудовых обязанностей, за которое к нему применимо дисциплинарное взыскание. Выделяют такой состав дисциплинарного проступка: объект, объективную сторону, субъект, субъективную сторону. При этом надо учитывать, что при отсутствии хотя бы одного из этих элементов работника нельзя привлечь к дисциплинарной

ответственности. В сфере трудового права общим объектом дисциплинарного проступка является дисциплина труда, а субъектами – работники, состоящие в трудовых правоотношениях с работодателем. Дисциплинарным проступком, как основанием для привлечения государственных служащих к дисциплинарной ответственности, называют виновное, противоправное неисполнение или ненадлежащее исполнение государственным служащим возложенных на него должностных обязанностей (нарушение служебной дисциплины).

Учитывая приведенные теоретические положения по определению дисциплинарного проступка, можно указать, что учёные отличают дисциплинарное правонарушение от других видов правонарушений по признаку его совершения только в служебно-трудовых отношениях, которые связаны с состоянием соблюдения требований дисциплины труда, а субъектный состав охватывает все категории работающих. Вместе с тем, если нарушена служебная дисциплина (должностные обязанности), уместно указывать на дисциплинарное правонарушение (дисциплинарный проступок) в сфере публичной службы.

В юридических энциклопедических изданиях дисциплинарное правонарушение (проступок) рассматривается с позиций выполнения трудовых обязанностей, а не реализации компетенции или выполнения задач, возложенных действующим законодательством. Собственно признаки дисциплинарного правонарушения (проступка) прокурора по подходу, представленному в юридических энциклопедических изданиях, касаются только норм по нарушению исполнения служебных обязанностей и правил внутреннего трудового распорядка. При этом Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» устанавливает более широкий перечень оснований привлечения прокуроров к дисциплинарной ответственности, в который включены не только дисциплинарные правонарушения (проступки) в том значении, которое предоставлено учёными, но и нарушение прокурором гарантий деятельности или невыполнение установленных действующим законодательством запретов.

Поэтому к основаниям привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности относятся собственно дисциплинарные правонарушения (проступки), а именно:

– неисполнение или ненадлежащее исполнение служебных обязанностей;

– невыполнение установленных действующим законодательством запретов в специально предусмотренном действующим законодательством порядке.

Дисциплинарное производство в деятельности органов прокуратуры является отдельным видом дисциплинарных производств, поскольку:

– их объектом выступает особая сфера публично-служебных отношений – отношения в сфере прохождения прокурором публичной службы;

– основания и особенности осуществления урегулированы правовыми нормами;

– дисциплинарная ответственность возникает по основаниям, касающимся нарушений прокурорами служебно-трудовой дисциплины, и заключается в неисполнении или ненадлежащем исполнении служебных обязанностей, неисполнении установленных законодательством запретов, нарушениях прокурором гарантий законности деятельности.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Следовательно, в качестве иммунитета органов прокуратуры определены предусмотренные Конституцией и законами Российской Федерации права и обязанности органов прокуратуры, прокуроров, отличающиеся от общих прав и обязанностей, а также запреты и ограничения, устанавливаемые в отношении субъектов, с которыми взаимодействуют органы прокуратуры, прокуроры с целью выполнения возложенных на них функций. Иммунитет органов прокуратуры выступает условием реализации прокуратурой своего конституционного назначения. Трансформация функций и формирование процессуальной компетенции прокуратуры происходили в соответствии с политико-правовыми процессами в государстве.

Процессуальную компетенцию прокурора, определённую действующим законодательством, целесообразно анализировать на предмет возможности прокурора защищать установленные конституционные ценности.

Определено, что иммунитет относится не только к профессиональной деятельности прокуроров, но и к конституционному принципу организации и функционирования прокуратуры в системе правосудия. Это означает примат институционального аспекта иммунитета органов и производный

от него характер основ их профессиональной деятельности, способности осуществлять конституционно определённые функции.

Таким образом, дисциплинарное производство в деятельности органов прокуратуры является частью административного процесса и совокупностью процессуальных действий, совершаемых в отношении прокуроров уполномоченным коллегиальным органом по основаниям, к которым относятся собственно дисциплинарные правонарушения (проступки), нарушение прокурором гарантий законности его деятельности, а также невыполнение установленных законодательством запретов в специально предусмотренном действующим законодательством порядке.

Список использованных источников

1. Макарова, З. В. Категория «Иммунитет» в Конституционном праве России / З. В. Макарова, Н. С. Конева. – Текст : непосредственный // Вестник КурГУ. – № 20. – С. 94-99.

2. Косюта, М. Интересы граждан и государства как предмет прокурорско-судебного представительства / М. Косюта. – Текст : непосредственный // Вестник прокуратуры. – 2009. – № 6. – С. 14-18.

3. Спиридонов, П. Е. Современные вопросы административно-дисциплинарного производства / П. Е. Спиридонов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9. – С. 102-109.

4. Поливчук, Д. П. Дисциплинарное производство в органах внутренних дел: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.07 «Административное право и процесс; финансовое право; информационное право» / Д. П. Поливчук; Харьковский Национальный университет внутренних дел. – Харьков, 2011. – 194 с. – Текст : непосредственный.

5. Романяк, Д. М. Процедуры обжалования решения о применении дисциплинарного взыскания в отношении прокурорско-следственного работника в административных судах / Д. М. Романяк. – Текст : непосредственный // Закон и жизнь (Leges et Vita). – 2013. – № 11/4 (263). – С. 170-174.

6. Синецкая, А. Е. Особенности административной ответственности / А. Е. Синецкая. – Текст : непосредственный // Сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 4 частях. Том 1 Часть 4. – 2018. – С. 54-56.

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТАЙНЫ: АДМИНИСТРАТИВНО- ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

ХМЕЛЬ О. В.,
доцент кафедры административного права,
Донецкий филиал ФГКОУ ВПО «Волгоградская
академия МВД РФ»
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся лицензирования в сфере защиты государственной тайны в Донецкой Народной Республике. По мнению автора, учитывая содержание и характер регулируемых общественных отношений, институт лицензирования необходимо признать административно-правовым. В статье внесены предложения об изменении действующего законодательства в сфере защиты государственной тайны в Донецкой Народной Республике.

Ключевые слова: государственная тайна, защита государственной тайны, лицензирование, законодательство о лицензировании, лицензирование в сфере защиты государственной тайны

LICENSING IN THE SPHERE PROTECTION OF STATE SECRETS

KHMEL O. V.,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law,
DONETSK BRANCH OF THE FEDERAL STATE
BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF
HIGHER EDUCATION «VOLGOGRAD
ACADEMY OF THE MINISTRY OF INTERNAL
AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article deals with issues related to licensing in the field of protecting state secrets in the Donetsk People's Republic. According to the author, given the content and nature of regulated public relations, the institution of licensing must be recognized as an administrative and legal one. The article made proposals to change the current legislation in the field of protecting state secrets in the Donetsk People's Republic.

Keywords: state secret, state secret protection, licensing, licensing legislation, licensing in the field of state secret protection

Постановка задачи. Защита государством публичного интереса при осуществлении предпринимательства выражается в установлении специальных административно-правовых режимов, результатом которых является предоставление разрешений на осуществление определённых видов деятельности (совершение действий). Разрешительная деятельность органов публичной власти осуществляется посредством реализации широкого спектра процедур (лицензирование, регистрация, разрешение, квотирование, аккредитация, сертификация, стандартизация, конкурс, экзамен, экспертиза, согласование и утверждение, аттестация, оценка, допуск) [1; 2], хотя, как отмечает Н. В. Субанова, её общая дефиниция отечественным законодательством не закреплена [3]. В том числе, напрямую регулируя экономические отношения административно-правовыми методами, определённым образом ограничивая права и свободы субъектов предпринимательства, государство вводит режим лицензирования отдельных видов предпринимательской деятельности. Законодательством Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) предусмотрено лицензирование в сфере защиты государственной тайны, однако научных исследований по данной проблематике не проводилось.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельным аспектам этой проблематики уделяли внимание такие учёные, как М. А. Агапова, Р. А. Барышников, А. В. Ольшевская, О. М. Попович, Е. И. Спектор, Л. В. Стандзоль, Н. В. Субанова, А. Н. Сагиндыкова, Ю. Е. Черепанова и др.

Актуальность статьи. Лицензионные отношения имеют особое значение в виду повышенной общественной опасности, как реальной, так и потенциальной, для общества, государства и граждан, учитывая необходимость интегрирования законодательства ДНР в правовую систему Российской Федерации и совершенствования нормативно-правовой базы для реализации деятельности государственных органов, осуществляющих защиту сведений, составляющих государственную тайну.

Цель статьи заключается в исследовании вопросов, касающихся лицензирования в сфере защиты государственной тайны в Донецкой Народной Республике и внесении предложений об изменении действующего законодательства в данной сфере.

Изложение основного материала исследования. Согласно толковому словарю С. И. Ожегова, лицензия – это разрешение на ввоз или вывоз какого-нибудь товара, на использование изобретения, ведение какой-нибудь деятельности [4]; разрешение – право на совершение чего-нибудь, а также документ, подтверждающий такое право [5].

Анализ действующего законодательства также показывает, что под разрешением понимается право, возможность, основание для деятельности, подтверждение права, а лицензия трактуется либо как специальное разрешение, либо как документ, предоставляющий право. Как следует из вышеизложенного, понятие «лицензия» определяется через термин «разрешение», являясь одной из форм выражения последнего, поскольку понятие «разрешение» является более широким

В юридической литературе указывается, что лицензирование – это метод административного регулирования хозяйственной деятельности юридических и физических лиц, предусматривающий получение специальных разрешений (лицензий) на ведение видов деятельности, перечень которых определён федеральным законом. Право хозяйствующего субъекта на ведение планируемой деятельности возникает с момента получения лицензии и прекращается по истечении срока её действия, если иное не предусмотрено законом или иными правовыми актами [6].

Ю. А. Тихомиров определяет лицензирование как специфический административно-правовой режим, вводимый тематическим законодательством, осуществляемый преимущественно запрещающими или обязывающими нормами и направленный на официальное удостоверение права хозяйствующего субъекта, на ведение определённого вида деятельности с соблюдением правил, нормативных требований и стандартов [7].

Лицензия включает в себя перечень полномочий, составляющих компетенцию хозяйствующего субъекта в отношении лицензируемых видов деятельности, требующих для их осуществления специальных знаний или специальных условий, лицензионные требования к работникам юридического лица, а также требования о соответствии указанным специальным условиям объекта, в которых или при помощи которого осуществляется такой вид деятельности. Эти требования связаны,

прежде всего, с потенциальной возможностью нанесения вреда законным интересам, нравственности и здоровью граждан, интересам общества и государства в случае, если подобная деятельность будет производиться неквалифицированно или малоквалифицированно [8; 9]. Лицензирование является видом государственного контроля. Выдачу лицензий и контроль над соблюдением лицензионных требований и условий осуществляют лицензирующие органы, т. е. органы государственной власти, осуществляющие лицензирование в соответствии с законодательством о лицензировании [8]. Лицензируемые виды деятельности обычно требуют специальных знаний субъекта предпринимательства, направлены на обеспечение интересов государства или требуют более тщательного контроля со стороны государства в целях защиты интересов граждан [10].

Анализируя понятие лицензирования в отечественном законодательстве, Р. А. Барышников приходит к следующим выводам:

1. Лицензия – это всё же специальный вид разрешения. При этом сам термин «разрешение» следует трактовать не как право в целом, а именно как право на совершение чего-либо.

2. Не касаясь терминологической неопределённости («лицензионные условия», «условия действия лицензии», «условия, предусмотренные лицензиями»), к лицензионным условиям можно отнести обязательные правила, ограничения правомерной деятельности лицензиата.

3. Существенные разночтения в понимании исходных для лицензирования категорий лицензионных требований и условий требуют их законодательного уточнения.

4. В основу решения вопроса о применении рассматриваемого государственного инструмента должен быть положен принцип – лицензировать только то, что нельзя не лицензировать [11].

Как отмечают А. В. Ольшевская и О. М. Попович, лицензионная теория и практика характеризуются рядом противоречивых взглядов, норм и правовых позиций, которые не способствуют установлению в стране режима законности. Имеющие место нарушения принципа системности построения законодательства оказывают негативное влияние на правоприменительную практику. Вопросы, связанные с юридической сущностью лицензирования, отраслевой

принадлежностью регулирующих его норм, их ролью в правовой системе и хозяйственном обороте продолжают вызывать споры [12].

Так, Н. В. Субанова рассматривает лицензирование как часть более обширной разрешительной системы. Данному автору «очевидной в условиях административной реформы представляется необходимость разграничения разрешительной деятельности как родового понятия и лицензирования как его вида» [13]. К такому же выводу приходит и А. Н. Сагиндыкова: «как правовой режим лицензирование относится не к общедозволительному, а запретительному (разрешительному) типу правового регулирования, поскольку законодатель определяет в перечне виды деятельности, на которые распространяется лицензионный порядок их осуществления, тем самым устанавливая, что в ином случае осуществление этих видов деятельности запрещено» [14].

Мы полагаем, что учитывая содержание и характер данных общественных отношений, институт лицензирования необходимо признать административно-правовым. Так, Е. И. Спектор указывает на то, что лицензирование, являясь специальным административно-правовым режимом, представляет собой один из универсальных и достаточно эффективных легализующих средств государственного регулирования экономики, который, несмотря на имеющиеся огрехи, свойственные всему отечественному законодательству, довольно полно проработан действующим законодательством [15].

Верной представляется позиция М. А. Агаповой, которая обосновывает принадлежность института лицензирования преимущественно к административному праву исходя из наличия следующих обстоятельств.

1. Лицензирование регулируется и непосредственно осуществляется официальным государственно-властным органом (лицензирующим органом). Именно он в одностороннем порядке выносит соответствующие решения. Тем самым, его деятельность протекает в сфере управленческих отношений.

2. Обязательное для исполнения одностороннее волеизъявление лицензирующего органа по отношению соискателю лицензии (лицензиату) имеет властное содержание.

3. Имеет место юридическое неравенство между участниками правоотношений лицензирования. Лицензирующий орган выступает в качестве управляющего, а лицензиат - в качестве управляемого.

4. Участники правоотношений лицензирования должны чётко следовать установленному в процессуальных нормах общеобязательному порядку действий [16].

Значение правового института лицензирования состоит в том, что он, являясь частью разрешительной системы, выступает в качестве эффективного инструмента обеспечения безопасности. В результате регламентированной его нормами лицензионной деятельности соискатели лицензий и получившие лицензии юридические и физические лица приобретают специальный административно-правовой статус, с которым связано и расширение административной деликтоспособности лицензиата.

В соответствии с ч. 1 ст. 2 Закона ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности» лицензирование – это выдача, переоформление и аннулирование лицензий, выдача дубликатов лицензий, ведение лицензионных дел и лицензионных реестров, выдача распоряжений об устранении нарушений, контроль за соблюдением лицензиатами лицензионных условий, выдача предписаний об устранении нарушений законодательства в сфере лицензирования [17].

Статья 1 цитируемого Закона провозглашает следующее.

Настоящий Закон регулирует отношения, возникающие между государственными органами исполнительной власти, юридическими лицами, филиалами юридических лиц – нерезидентов и физическими лицами-предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов хозяйственной деятельности. Особенности лицензирования, в том числе в части, касающейся порядка принятия решения о предоставлении лицензии, срока действия лицензии и порядка продления срока её действия, приостановления, возобновления и аннулирования действия лицензии отдельных видов деятельности, указанных в ч. 1 ст. 10 настоящего закона, могут устанавливаться специальными законами, регулирующими осуществление таких видов деятельности. Виды хозяйственной деятельности, не предусмотренные в ст. 10 настоящего закона, не подлежат лицензированию.

Действие настоящего Закона не распространяется на лицензирование в сфере недропользования [17].

На основании ч. 1 ст. 10 Закона ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности», в соответствии со

специальными законами лицензированию подлежат такие виды хозяйственной деятельности:

- банковская деятельность;
- профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг;
- деятельность по предоставлению финансовых услуг;
- вещание и (или) радиовещание;
- деятельность в сфере электроэнергетики;
- образовательная деятельность;
- производство и оборот спирта этилового, алкогольной продукции и табачных изделий;
- оказания услуг по перевозке пассажиров, груза воздушным транспортом;
- деятельность в сфере телекоммуникаций;
- деятельность в сфере ядерной энергии.

В то же время в соответствии с ч. 1 ст. 28 Закона ДНР «О государственной тайне», допуск предприятий, учреждений и организаций к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны, осуществляется путём получения ими в порядке, устанавливаемом Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики, лицензий на проведение работ со сведениями соответствующей степени секретности [18].

Некоторые противоречия в законодательстве ДНР связаны с тем, что Законом о лицензировании регламентировано лицензирование отдельных видов хозяйственной деятельности.

В Российской Федерации действует Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ, который регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности (ч. 1 ст. 1) [19]. В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 1 указанного Федерального закона, его действие не распространяется на деятельность, связанную с защитой государственной тайны [19]. Полагаем, что аналогичную норму следовало бы включить в Закон ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной

деятельности». Так, статью 1 данного Закона целесообразно дополнить частью 6 такого содержания: «Действие настоящего Закона не распространяется на деятельность, связанную с защитой государственной тайны».

Согласно ст. 28 Закона ДНР «О государственной тайне», лицензия на проведение работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны, выдаётся на основании результатов специальной экспертизы предприятия, учреждения и организации и государственной аттестации их руководителей, ответственных за защиту сведений, составляющих государственную тайну, расходы по проведению которых относятся на счёт предприятия, учреждения, организации, получающих лицензию.

Лицензия на проведение работ с использованием сведений, составляющих государственную тайну, выдаётся предприятию, учреждению, организации при выполнении ими следующих условий:

- выполнение требований нормативных документов, утверждаемых Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики, по обеспечению защиты сведений, составляющих государственную тайну, в процессе выполнения работ, связанных с использованием указанных сведений;

- наличие в их структуре подразделений по защите государственной тайны и специально подготовленных сотрудников для работы по защите информации, количество и уровень квалификации которых достаточны для обеспечения защиты государственной тайны;

- наличие у них сертифицированных средств технической защиты информации;

- наличие режимных помещений для проведения необходимых видов секретных работ [18].

Постановлением Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 18.03.2015 г. № 4-3 утверждена Инструкция о порядке организации и осуществлении Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики лицензирования деятельности предприятий,

учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну с целью осуществления допуска предприятий, учреждений и организаций к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну [20].

Данная Инструкция устанавливает порядок лицензирования деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, воинских формирований, предприятий, учреждений, организаций, банков Донецкой Народной Республики независимо от их организационно-правовых форм (далее именуются – предприятия) по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну.

Органом, уполномоченным на ведение лицензионной деятельности по допуску предприятий к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, является Министерство государственной безопасности Донецкой Народной Республики.

На Министерство государственной безопасности Донецкой Народной Республики возлагается:

- организация лицензирования деятельности предприятий;
- организация и проведение специальных экспертиз предприятий;
- рассмотрение заявлений предприятий о выдаче лицензий;
- принятие решений о выдаче или об отказе в выдаче лицензий;
- выдача лицензий;
- принятие решений о приостановлении действия лицензии или о её аннулировании;
- разработка нормативно-методических документов по вопросам лицензирования;
- привлечение в случае необходимости представителей министерств и ведомств Донецкой Народной Республики для проведения специальных экспертиз;
- ведение реестра выданных, приостановленных и аннулированных лицензий.

Предоставление предприятию лицензии с установлением категории режима секретности осуществляется Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики на основании заявления предприятия, к которому прилагается акт

проверки состояния режима секретности, и результатов специальной экспертизы органом государственной безопасности ДНР. Специальная экспертиза проводится с целью определения наличия условий, необходимых для проведения предприятием деятельности, связанной с государственной тайной.

Специальные экспертизы проводятся специальными экспертными комиссиями Министерства государственной безопасности ДНР, которые создаются путём издания предписаний о проведении специальной экспертизы.

Результаты специальной экспертизы оформляются актом.

В зависимости от важности информации, объёма сведений, составляющих государственную тайну, предприятиям устанавливаются следующие категории режима секретности:

- первая – предприятиям, которые изготавливают, обрабатывают или хранят носители сведений, составляющих государственную тайну, имеющие гриф секретности «особой важности», «совершенно секретно», «секретно»;

- вторая – предприятиям, которые изготавливают, обрабатывают или хранят носители сведений, составляющих государственную тайну, имеющие гриф секретности «совершенно секретно», «секретно»;

- третья – предприятиям, которые изготавливают, обрабатывают или хранят носители сведений, составляющих государственную тайну, имеющие гриф секретности «секретно».

С целью обеспечения необходимого уровня защиты государственной тайны допускается предоставление предприятиям, которые в значительных объёмах изготавливают, обрабатывают или хранят носители сведений, составляющих государственную тайну, которые имеют гриф секретности:

- «совершенно секретно» и «секретно» – первой категории режима секретности;

- «секретно» – второй категории режима секретности.

Предприятию лицензия не предоставляется в случае, если экспертной комиссией будет установлено несоответствие фактических условий для проведения деятельности, связанной с государственной тайной, требованиям законодательства в сфере защиты государственной тайны.

Срок действия лицензии устанавливается в зависимости от специфики вида деятельности, но не может быть менее трёх и более

пяти лет. По просьбе заявителя лицензии могут выдаваться на срок менее трёх лет.

При предоставлении лицензии предприятию впервые, срок её действия не должен превышать одного года.

Продление срока действия лицензии производится в порядке, установленном для её получения.

Переоформление лицензии осуществляется в том же порядке, как и её предоставление.

Ранее предоставленная предприятию лицензия переоформляется в случае:

- окончания срока действия прежней предоставленной лицензии;

- реорганизации, изменения наименования или формы собственности предприятия;

- изменения местонахождения режимных помещений, в которых хранятся носители сведений, составляющих государственную тайну в нерабочее время;

- изменения категории режима секретности.

Решение о приостановлении действия или аннулировании лицензии может быть принято Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики на основании акта проверки состояния защиты государственной тайны с выводом о несоответствии состояния условиям, которые определены Законом.

Лицензия также может быть аннулирована на основании письменного сообщения предприятия о прекращении деятельности, связанной с государственной тайной.

О приостановлении действия или аннулировании лицензии Министерство государственной безопасности ДНР немедленно сообщает в органы фельдъегерской службы и специальной связи для прекращения доставки секретной корреспонденции предприятиям, которым приостановлено действие лицензии или аннулирована такая лицензия [8].

В Российской Федерации действует Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1995 г. № 333 «О лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны» [21].

Полагаем, что следует остановиться на отдельных проблемах правового регулирования процедуры лицензирования деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну.

Одна из них заключается в том, что основания отказа в предоставлении лицензии не охватывают ситуации, при которой в лицензирующий орган за получением лицензии обращается гражданин, являющийся индивидуальным предпринимателем; в отношении которого вступил в силу приговор суда о лишении права заниматься лицензируемой деятельностью по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну; в период действия данного приговора.

В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) ДНР, приговор, определение и постановление суда, вступившие в законную силу, являются обязательными для всех государственных и общественных организаций (юридических лиц), должностных лиц и граждан и подлежат исполнению на всей территории Донецкой Народной Республики (ст. 429) [22]. Аналогичную норму содержит и УПК РФ (ст. 392) [23].

Считаем целесообразным включить в число оснований отказа в предоставлении лицензии ситуации, при которых в лицензирующий орган за получением лицензии на осуществление деятельности обращается гражданин, лишённый по приговору суда права ею заниматься.

Кроме того, в Инструкцию о порядке организации и осуществлении Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики лицензирования деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну с целью осуществления допуска предприятий, учреждений и организаций к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, необходимо включить норму, которая бы чётко регламентировала основания отказа в выдаче такой лицензии.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Учитывая содержание и характер регулируемых

общественных отношений, институт лицензирования необходимо признать административно-правовым.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 4 мая 2011 года № 99-ФЗ, его действие не распространяется на деятельность, связанную с защитой государственной тайны. По мнению автора, аналогичную норму следовало бы включить в Закон ДНР «О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности». Целесообразно включить в число оснований отказа в предоставлении лицензии ситуации, при которых в лицензирующий орган за получением лицензии на осуществление деятельности обращается гражданин, лишённый по приговору суда права ею заниматься.

Кроме того, по мнению автора, в Инструкцию о порядке организации и осуществлении Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики лицензирования деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну с целью осуществления допуска предприятий, учреждений и организаций к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, необходимо включить норму, которая бы чётко регламентировала основания отказа в выдаче такой лицензии.

Список использованных источников

1. Терещенко, Л. К. Предпринимателю о разрешительных процедурах : регистрация, лицензирование, аккредитация, таможенный контроль, судебная практика [Текст] / Л. К. Терещенко, Н. А. Игнатюк ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва : Юстицинформ, 2005. – 191 с. – Текст : непосредственный.

2. Трегубова, Е. В. Административные запреты в разрешительной системе [Текст] / Е. В. Трегубова. – Текст : непосредственный // Административное и муниципальное право. – 2008. – № 8. – С. 68-71.

3. Субанова, Н. В. Лицензирование предпринимательской деятельности: правовое регулирование, ответственность, контроль: монография [Текст] / Н. В. Субанова ; Акад. Генеральной

прокуратуры РФ. – Москва : Статут, 2011. – 351 с. – Текст : непосредственный.

4. Лицензия // Толковый словарь Ожегова онлайн. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=13334> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст : электронный.

5. Разрешение // Толковый словарь Ожегова онлайн. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=26114> (дата обращения: 13.12.2022). – Текст : электронный.

6. Мултых, Е. А. Хозяйственное право [Текст] : учебное пособие / Е. А. Мултых. – Москва : МАДИ (ГТУ), 2007. - 131 с. – Текст : непосредственный.

7. Тихомиров, Ю. А. Административное право и процесс : полный курс [Текст] / Ю. А. Тихомиров ; Гос. ун-т Высш. шк. экономики. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва : Тихомиров, 2008. – 696 с. – Текст : непосредственный.

8. Предпринимательское право Российской Федерации [Текст] : учебно-методическое пособие / [сост.: Е. А. Грызыхина и др. ; отв. ред. Е. Л. Невзгодина]. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. – 350 с. – Текст : непосредственный.

9. Реуцкая, Е. А. Хозяйственное право: курс интенсивной подготовки [Текст] / Е. А. Реуцкая. – Минск : Тетралит, 2014. – 416 с. – Текст : непосредственный.

10. Гаджиева, Х. И. Предпринимательское право [Текст] : учебное пособие (курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиля «Гражданское право» / Х. И. Гаджиева. – Махачкала : ДГУНХ, 2019. – 358 с. – Текст : непосредственный.

11. Барышников, Р. А. Понятие лицензирования в российском законодательстве [Текст] / Р. А. Барышников. – Текст : непосредственный // Вестник магистратуры. – 2013. – № 98 (23). – С. 71-73.

12. Ольшевская, А. В. Актуальные проблемы института лицензирования в административном праве России [Текст] / А. В. Ольшевская, О. М. Попович. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. - 2016. - № 4. - С. 133-136.

13. Субанова, Н. В. Разрешительные полномочия органов исполнительной власти в Российской Федерации [Текст] / Н. В. Субанова. – Москва : Юриспруденция, 2012. – 285 с. – Текст : непосредственный.

14. Сагиндыкова, А. Н. К вопросу о юридической природе института лицензирования негосударственной (частной) охранной и негосударственной (частной) сыскной деятельности [Текст] / А. Н. Сагиндыкова. – Текст : непосредственный // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2014. – № 1. – С. 98.

15. Спектор, Е. И. Правовые иллюзии и реалии Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности» [Текст] / Е. И. Спектор. – Текст : непосредственный // Законодательство и экономика. – 2011. – № 7. – С. 22.

16. Агапова, М. А. Институт лицензирования в административном праве : дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 [Текст] / М. А. Агапова. - Москва, 2006. – 79 с. – Текст : непосредственный.

17. О лицензировании отдельных видов хозяйственной деятельности : Закон Донецкой Народной Республики от 16 марта 2015 г. № 18-ІНС. – URL: <https://mininfodnr.ru/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-litsenzirovanii-otdelnyh-vidov-hozyajstvennoj-deyatelnosti/> (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

18. О государственной тайне : Закон Донецкой Народной Республики от 12 декабря 2014 г. – URL: <http://dnrsovet.su/zakon-dnr-o-gos-tajne/> (дата обращения: 14.12.2022). – Текст : электронный.

19. О лицензировании отдельных видов деятельности : Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=0olw6Q&base=LAW&n=422188&dst=100322&field=134#lq4IMLT1PA24YE> (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

20. Об утверждении Инструкции о порядке организации и осуществлении Министерством государственной безопасности Донецкой Народной Республики лицензирования деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, с целью осуществления допуска предприятий, учреждений и организаций к проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну : Постановление Президиума Совета Министров Донецкой Народной Республики от 18 марта 2015 г. № 4-3. – URL: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0009-4-3-20150318/> (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

21. О лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны : Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 1995 г. № 333. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=389938&dst=100011#w3iyMLTtZ2qfRACQ> (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики от 24 августа 2018 г. № 240-ИНС. – URL: <https://supcourt-dpr.su/zakonodatelstvo/ugolovno-processualnyy-kodeks-doneskoj-narodnoj-respubliki-ot-24082018-no-240-ins> (дата обращения: 03.12.2022). – Текст : электронный.

23. Уголовно-процессуальный кодекс УПК Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=428402&dst=100001#JEAb6MTuO1wSy0m01> (дата обращения: 03.12.2022). – Текст : электронный.

УДК 342.9

DOI 10.5281/zenodo.10687330

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ДЕЛИКТ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ ДО 20-Х ГОДОВ XX СТ.

**ХРАПИНСКИЙ Б. Л.,
старший преподаватель кафедры
административного, финансового
и налогового права,
ДГУЮ Минюста России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматриваются вопросы, касающиеся историко-правовой природы административного деликта в период до 20-х годов XX ст. По мнению автора, понятие административного правонарушения связано с трансформационными процессами в сфере уголовного права – постепенным выделением из уголовных преступлений особой группы

деяний, которые квалифицировались как малозначительные преступления или уголовные проступки.

Ключевые слова: преступление, деликт, малозначительное преступление, проступок, административное правонарушение, административный деликт, административная юстиция

ADMINISTRATIVE DELICT IN THE LEGISLATION OF RUSSIA UNTIL THE 20'S OF THE XX CENTURY

**KHRAPINSKY B. L.,
Senior Lecturer at the Department of
Administrative, Financial and Tax Law,
DSUJ,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article deals with issues related to the historical and legal nature of an administrative delict in the period up to the 20s of the XX century. According to the author, the concept of an administrative offense is associated with transformational processes in the field of criminal law - the gradual separation of a special group of acts from criminal offenses, which were qualified as minor crimes or criminal offenses.

Keywords: crime, delict, petty crime, administrative offense, administrative offense, administrative delict, administrative justice

Постановка задачи. Получение научно обоснованных знаний о правовом явлении в соответствии с сущностными признаками общества, права, государства и концепций по их соотношению требует исследования закономерностей его существования в исторической парадигме.

Процесс познания правового феномена становится объективным исследованием при установлении логических связей между: а) обстоятельствами, обусловившими сам факт его возникновения; б) особенностями соответствующего исторического периода; в) этапами его развития в изменениях гносеологических характеристик; г) современными онтологическими признаками; д) тенденциями перспективы.

И это вполне естественно, поскольку в обществе всегда есть остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего. Любое явление или процесс имеют свои корни в прошлом, и, из-за отражения в настоящем, направлено в будущее, то есть существует в логике причинно-следственных связей исторического развития с современностью.

Исторический компонент исследования, который воспроизводит фактическое развёртывание правовой жизни, первичен относительно его логического компонента. Исторический компонент всякий раз выступает как обязательное условие логического, поскольку необходимо знать историю того правового объекта, который мы намерены исследовать [1, с. 112].

В трудах ряда специалистов, которые в той или иной степени касались вопросов о сущности и содержании явления с современным названием «административное правонарушение (проступок)», мы находим указания на определённую несогласованность официальной советской доктрины административного правонарушения, во-первых, с исследовательскими разработками юристов Российской империи XIX – начала XX веков, во-вторых, с европейской административно-правовой теорией и практикой, в-третьих, с исследованиями предмета административного права и административно-правовых отношений в последней трети XX и начала XXI века.

Обзор последних исследований и публикаций. Анализ теоретических концепций и дискуссий о методологии исследования правовых категорий по трудам С. С. Алексеева, К. К. Жоля, А. Ф. Закомлистова, В. П. Казимирчука, Д. А. Керимова, А. И. Королёва, Д. И. Луковского, В. К. Лукашевича, С. И. Максимова, А. И. Ракитова, А. М. Шадже и др. позволяет уверенно утверждать, что вне исторического контекста, который является связующим центром между современным правовым бытием и явлениями, которые ему предшествовали, невозможно познать саму эту современность.

Отдельные положения, касающиеся административных деликтов, разрабатывались как учёными, занимающимися вопросами общей теории права, так и специалистами в области административного и уголовного права. Свои работы этой проблематике посвятили А. Б. Агапов, А. М. Бандурка, Д. Н. Бахрах, А. С. Васильев, И. П. Голосниченко, Е. В. Додин, В. Б. Исаков, Р. А. Калюжный, Н. В. Коваль, Л. В. Коваль, Ю. М. Козлов, В. К. Колпаков, А. П. Коренев, В. Н. Кудрявцев, Б. А. Лазарев, В. В. Лазарев, А. Н. Леонтьев, А. И. Миколенко, В. С. Нерсеянц, А. И. Остапенко, Л. Л. Попов, В. Н. Протасов, Б. В. Россинский, В. Ф. Сиренко, В. Д. Сорокин, Ю. Н. Стариков,

В. Д. Сущенко, Н. С. Таганцев, Ю. А. Тихомиров, Н. С. Таганцев, В. Н. Шаповал, Ю. С. Шемшученко, А. П. Шергин, В. В. Цветков и др. Однако исходя из того, что правовая система Донецкой Народной Республики (далее – ДНР) находится в состоянии формирования, исследование проблем административных деликтов является актуальным.

Актуальность статьи. Причины теоретической несостоятельности административно-правовой науки в решении вопросов, поставленных перед ней современной практикой, обусловлены многими факторами. Но самым важным из них является медленное и нерешительное преодоление концепций государственного центризма, которые составляли идеологическую подоплеку тоталитарных правовых постулатов советского периода.

Преодоление фактически существующего научно-теоретического кризиса в указанном сегменте административного права, по нашему мнению, должно начинаться с углубления научного осмысления административного правонарушения и административного проступка как генетически различных правовых категорий с последующим формированием: во-первых, доктрины административного (управленческого) правонарушения; во-вторых, доктрины административного проступка (деликта) и административно-деликтного права.

Актуальность исследования проблемных вопросов административного правонарушения в Донецкой Народной Республике возникла не только из необходимости уточнения теоретических доктрин. Она вызвана и чисто практическими задачами развития законодательства Республики и дальнейшим усовершенствованием государственной деятельности.

Цель статьи заключается в исследовании вопросов, касающихся историко-правовой природы административного деликта в период до 20-х годов XX ст.

Изложение основного материала исследования. Институализация административного (управленческого) правонарушения с детерминантными признаками правовой категории неразрывно связана с возникновением административного права и административного судопроизводства (административной юстиции).

При исследовании исторического аспекта данного вопроса Ю. Н. Стариков опирается на вывод немецкого учёного А. фон Сарвея, который во второй половине XIX века создал общее

учение административного права, в котором отметил, что административная юстиция является предпосылкой административного права, а административное право не существует без судопроизводства [2, с. 24].

Данный посыл позволил доказать, что административное право и административная юстиция являются государственно-правовыми категориями и указать на их доминирующую роль в преобразовании полицейского государства в современное правовое государство, а полицейского права – в современное административное право.

Начало этому было положено в середине XIX века в европейских странах путём создания административных судов. Их функционирование в значительной степени ограничило произвол власти и публичного управления в целом. В монографии «Административная юстиция. Теория, история перспективы» Ю. Н. Стариков приводит по этому поводу высказывания О. Бэра, который в своём основном труде «Der Rechtsstaat» («Правовое государство») писал, что государство может считаться правовым только тогда, когда публичное право устанавливается законом, а публичное управление подчиняется судопроизводству [2].

Институт административной юстиции возникает и получает развитие, поскольку возникает необходимость контроля над властью, совершает нарушение установленных в сфере публичного управления правил, то есть административные правонарушения. Отсюда следует, что говорить о возникновении административного правонарушения как юридической реалии и одного из институтов административной юстиции можно только тогда, когда самостоятельной отраслью определяется административное право и начинает функционировать административная юстиция. Таким образом, рассматриваемые правовые феномены (административное право, административное правонарушение, административная юстиция) возникают практически одновременно и существуют в интегративных связях системным образованием.

В Российской империи вопросы административного права стали предметом теоретической мысли чуть позже, чем в европейских странах. В. В. Ивановский по этому поводу отмечает, что наука административного права возникла и начала развиваться под непосредственным влиянием западноевропейской литературы [3, с. 37].

И. Ю. Андреевский увидел теоретические достижения в вопросах полицейского права в произведении священника Сильвестра «Домострой», который жил во времена Ивана IV Грозного, и высказался по этому поводу в работе «Русское государственное право» [4, с. 85].

Между тем, считать, что в первой половине XIX века в России самостоятельно существовало полицейское или административное право, оснований явно недостаточно. Отсутствие административного права как доктринального учения и фактического регулятора общественных отношений исключает возможность существования в указанный период институтов административного правонарушения и административной юстиции. Государственные меры принуждения, которые осуществлялись как судами, так и администрацией (административными органами), регулировались уголовным законодательством, то есть имели уголовно-правовую природу.

Анализ научных источников, как современных, так и конца XIX - начала XX веков, даёт возможность с большим процентом вероятности допустить, что рождение административно-правовой теории в Российской империи является следствием судебной реформы 1864 года и связано с исследовательской работой прежде всего И. Ю. Андреевского и И. Т. Тарасова.

И. Ю. Андреевский одним из первых даёт определение административного суда. Он пишет, что административный суд – это особое разбирательство, которое применяют по делам-спорам, которые не подпадают под юрисдикцию обычных судов. Это дела, где одной стороной является частное лицо, второй – администрация. Далее он указывает, что элементы такого суда в России появились в результате принятия судебных уставов 1864 г. [5, с. 241-242].

И. Т. Тарасова считают первым русским учёным, который выдвинул обоснование разграничения предметов административного и полицейского права. Он первым среди учёных Российской империи поднял проблему административных правонарушений как чисто управленческой категории, и внёс в её разработку существенный вклад [6, с. 2-3].

По мнению И. Т. Тарасова, практика функционирования административного аппарата всех государств показывает, что независимо от наличия или отсутствия явных, прямых, сознательных правонарушений и отклонений от служебного

порядка в деятельности любой администрации всегда возможны такие действия и распоряжения, которые существенно нарушают законные права и интересы граждан, не являются ни преступлениями, ни гражданской ложью, ни погрешностями по службе. В такого рода действиях и распоряжениях администрации и состоит сущность так называемой административной лжи. По сравнению с уголовной ложью, ложь административная, по определению И. Т. Тарасова, является правонарушением более тонкого и сложного характера [7]. Для эффективного противодействия административной лжи он считает необходимым ввести административную юстицию и создать систему административных судов. Функциональное назначение административных судов он видел не в наложении взыскания и наказания, а исключительно в кассации или прямой отмене неправомερных актов административной власти [6, с. 364]. Ответственность по решению административного суда И. Т. Тарасов определяет как административную ответственность, то есть ответственность за совершение управленческого (административного) правонарушения и отделяет её от другой судебной ответственности [8, с. 205].

Понятие незаконных действий администрации, рассмотрение которых относится к компетенции административных судов, даёт известный административист и теоретик права досоветского периода В. М. Гессен. По его мнению, такими распоряжениями являются: а) принятые некомпетентным органом; б) принятые по вопросам, которые должны регулироваться законами; в) объективированные с нарушением установленной формы [9, с. 38, 41, 53].

Существенное значение для понимания трансформации представлений о сущности административного правонарушения имеют исследования А. И. Елистратова, активная творческая деятельность которого пришлась на 1911-1929 годы. Он определял административное право как помесь права полицейского с гражданским, и с установлением советской власти наименование «административное право» он берёт в кавычки и указывает, что это далекое буржуазное название, которым пользуются только при отсутствии адекватного нового термина [10]. Известно его критическое отношение к образованию на базе проступков отдельной отрасли – административно-уголовного права. А. И. Елистратов считал, что единство правовой природы

преступлений и проступков является решающим условием для борьбы с ними в рамках уголовного права [11].

Достижением А. И. Елистратова, которое имеет соответствующие перспективы в ДНР, являются предложения по теоретическому обоснованию механизма возмещения убытков, причинённых незаконными действиями администрации (совершением административного правонарушения), а также разработка схемы его практического применения [12, с. 71-73].

Социально-политической предпосылкой организационно-структурного оформления институтов административной юстиции стали земская и городская реформы 1864-1870 годов. В 1913-1914 годах появляются новые проекты местных реформ. Анализ этих проектов свидетельствует, что их авторы в вопросах административной юстиции опирались на опыт Германии, Австрии и Великобритании. Они предлагали понятие административной юстиции, систему её уездного-волостных органов, программу административных мер по улучшению деятельности губернских присутствий и Сената [13, с. 143, 157].

В мае 1917 г. Временное правительство подготовило закон о создании суда по административным делам, по которым судьи получили право рассматривать споры между государственными органами и органами самоуправления, а также общественными организациями [14, с. 35]. В октябре 1917 г. на смену «старому порядку» пришёл новый, при котором начали формироваться другие взгляды на публичное управление и соответствующие правовые институты: административную юстицию, административное право, административное правонарушение.

Однако и в те годы были учёные, которые считали необходимым и актуальным разработку проблем административной юстиции и административного правонарушения. Прежде всего, речь идёт о монографии М. Д. Загряцкова «Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве», которая была издана дважды: в 1924 и 1925 годах. Основная мысль его заключается в том, что в основе института административной юстиции находятся: а) особые свойства самого правонарушения; б) особые свойства последствий, вызванных его совершением. Если преступление посредством уголовного процесса влечёт за собой наказание, если гражданское правонарушение даёт основание для «включения» процесса, цель которого - восстановление нарушенного частного права, то юридическим следствием

правонарушения административного может быть только отмена (исправление) «неправильного» административного акта. В соответствии с этим М. Д. Загряцков формулирует доминантную задачу административной юстиции: охрана объективного права деятельности кассационного содержания в сочетании с разрешением жалобы по существу (отмена и исправление «неправильных» административных актов) [15, с. 7-12].

Основное значение исследований М. Д. Загряцкова видится в глубокой разработке понятия административного правонарушения и обосновании необходимости введения и поддержания функционирования института административной юстиции как органической части правового государства и гражданского общества. И сегодня, в XXI веке, сто лет спустя, его подход к указанным правовым категориям не теряет ни теоретической, ни практической актуальности.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Таким образом, институализация административного проступка (деликта) с детерминантными признаками правовой категории связана с трансформационными процессами в сфере уголовного права.

Определение проступков как административных связано с процедурными особенностями применения наказаний по уголовному законодательству Российской империи. По общим положениям, карательная власть в России была сконцентрирована в судах. Дела о малозначительных преступлениях или проступках рассматривали мировые судьи. Но в 1889 году институт мировых судей отменяется (они остаются только в некоторых крупных городах, в частности, в Москве, Санкт-Петербурге, Одессе, Харькове) и судебные функции в значительном объеме переходят в административные органы. Таким образом, незначительные преступления получают название административных проступков (деликтов), которые были подведомственны органам административной власти.

Правонарушения, которые сегодня в теории, на практике и в законодательстве понимаются как административные правонарушения, в теории, на практике и в законодательстве дореволюционной России понимались как малозначительные преступления или проступки (полицейские проступки, деликты).

Список использованных источников

1. Керимов, Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / Д. А. Керимов. – 2-е изд. – Москва : Аванта+, 2001. – 560 с. – Текст : непосредственный.
2. Стариллов, Ю. Н. Административная юстиция. Теория, история, перспективы / Ю.Н. Стариллов. – Москва : Норма-ИНФРА-М, 2001. – 304 с. – Текст : непосредственный.
3. Ивановский, В. В. Учебник административного права (Полицейское право. Право внутреннего управления) / В. В. Ивановский. – 3-е изд. – Казань : Типо-лит. Императ. Казанск. ун-та, 1908. – 539 с. – Текст : непосредственный.
4. Андреевский, И. Русское государственное право: Т. 1. Введение. Часть 1. О правительстве / И. Андреевский. – Санкт-Петербург-Москва : Издание Маврикия Осиповича Вольфа, 1866. – 496 с. – Текст : непосредственный.
5. Тарасов, И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 1: Введение / И. Т. Тарасов. – Москва : Тип. Моск. ун-та, 1908. – 253 с. – Текст : непосредственный.
6. Тарасов, И. Т. Краткий очерк науки административного права (конспект лекций). В 2 т. Т. 1. Введение и общая часть / И. Т. Тарасов. – Ярославль : Типо-лит. Г. Фальк, 1888. – 386 с. – Текст : непосредственный.
7. Тарасов, И. Т. Организация административной юстиции / И. Т. Тарасов. – Текст : непосредственный // Юридический вестник. – 1897. – № 9. – С. 158-159.
8. Тарасов, И. Т. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 2. Общая часть / И. Т. Тарасов. – Москва : Печатня Снегиревой, 1910. – 266 с. – Текст : непосредственный.
9. Гессен, В. М. Из лекций по полицейскому праву, читанных в 1901-1902 учебном году в Александровской военно-юридической академии / В. М. Гессен. – Санкт-Петербург : Типо-лит. М. Гинсбурга, 1902. – 354 с. – Текст : непосредственный.
10. Соловей, Ю. П. Российское полицейское право: история и современность / Ю.П. Соловей. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1995. – № 6. – С. 48-54.
11. Елистратов, А. И. Основные начала административного права / А. И. Елистратов. – 2-е изд., доп. – Москва : Г. А. Леман и С. И. Сахаров, 1917. – 294 с. – Текст : непосредственный.

12. Елистратов, А. И. Административное право. Лекции / А. И. Елистратов. – Москва : Тип. тов. И. Д. Сытина, 1911. – 235 с. – Текст : непосредственный.

13. Правилова, Е. А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX века – октябрь 1917 г.) / Е. А. Правилова. – Санкт-Петербург : СЗАГС; Образование-Культура, 2000. – 286 с. – Текст : непосредственный.

14. Административная юстиция в России и зарубежных государствах / под ред. Ю. А. Дмитриева. – Москва : Юрист, 1999. – 113 с. – Текст : непосредственный.

15. Загряцков, М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве (Развитие идеи и принципов административной юстиции. Административный процесс и право жалобы в советском законодательстве. Административно-финансовое распоряжение и финансовая жалоба) / М. Д. Загряцков. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Право и жизнь, 1925. – 244 с. – Текст : непосредственный.

УДК 342.9

DOI 10.5281/zenodo.10687274

ПОНЯТИЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ И ЕГО АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС

ХРАПИНСКИЙ Б. Л.,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права,
ДГУЮ Минюста России;

ТИТОВ А. Н.,
канд. юрид. наук, доцент,
доктор философии в области права,
адвокат,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье исследуются актуальные вопросы, связанные с понятием руководителя органа исполнительной власти и его административно-правовым статусом, а также устанавливаются элементы административно-правового статуса должности руководителя органа исполнительной власти, предлагаются собственные определения понятий «компетенция», «правосубъектность» и «правовой статус».

Ключевые слова: руководитель органа исполнительной власти, административно-правовой статус должности руководителя органа исполнительной власти, орган исполнительной власти, компетенция, правосубъектность, правовой статус

CONCEPT OF THE HEAD OF THE EXECUTIVE BODY AND ITS ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS

**KHRAPINSKY B. L.,
Senior Lecturer, Department of Administrative
and Financial Law,
DSUJ,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation;**

**TITOV A. N.,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Doctor of Philosophy in Law,
advocate,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article examines topical issues related to the concept of the head of an executive body and his administrative and legal status, as well as establishes the elements of the administrative and legal status of the position of the head of an executive body, proposes its own definitions of the concepts of «competence», «legal personality» and «legal status».

***Keywords:** head of the executive body, administrative and legal status of the position of the head of the executive body, executive authority, competence, legal personality, legal status*

Постановка задачи. Исполнительная власть в Российской Федерации, реализующая назначение демократического, социального, правового государства, призвана создавать условия для реализации прав и свобод граждан, предоставления им широкого круга государственных, в том числе управленческих услуг. Государство должно целенаправленно минимизировать своё вмешательство в жизнедеятельность граждан и брать на себя только те услуги, которые в данный период развития общества может гарантировать и которые невозможно найти на рынке услуг. Ответственность за надлежащее выполнение поставленных задач в полной мере ложится именно на руководителей органов исполнительной власти, статус которых в системе субъектов административного права подтверждает их ключевую роль как

главное звено в механизме реализации исполнительной власти. В то же время с целью усовершенствования системы государственного управления необходимо уточнение нормативной регламентации всех элементов правового статуса руководителя органа исполнительной власти, включая цели, задачи, функции, полномочия, ответственность, его взаимодействие с другими управленческими органами и должностными лицами.

Обзор последних исследований и публикаций. Понятие и сущность органа исполнительной власти и его административно-правового статуса исследовались в трудах В. Б. Аверьянова, Г. В. Атаманчука, Д. Н. Бахраха, И. Н. Бачило, К. С. Бельского, А. С. Васильева, Ю. М. Козлова, Б. М. Лазарева, С. Е. Нарышкина, А. Ф. Ноздрачёва, И. Н. Пахомова, Ю. Н. Старилова, Ю. А. Тихомирова, В. В. Цветкова, А. И. Щербака и др. Однако особенности административно-правового статуса должности руководителя органа исполнительной власти продолжают вызывать активные дискуссии среди учёных-административистов.

Актуальность статьи. Немаловажным вопросом является определение понятия «руководитель» и соотношение его с понятием «руководители органов исполнительной власти». В науке существует следующее определение: руководители – это разновидность должностных лиц, наделённых административными органами в отношении возглавляемого им определённого формально организованного коллектива, осуществляющих внутриорганизационное управление им. Но надо помнить, что категория руководителей, которая нас интересует, имеет некоторые особенности. Одной из этих особенностей является то, что они не только «администраторы», «менеджеры» или организаторы работы руководимого ими коллектива» [1, с. 34] в узком смысле этих понятий, поскольку имеют достаточно широкие полномочия по кадровым и организационным вопросам деятельности органов исполнительной власти, но и единолично проводят политику государства на разных уровнях. В этом смысле нельзя согласиться с утверждением, что «руководитель органа исполнительной власти призван осуществлять управление персоналом служащих органа и создавать надлежащие условия для его беспрепятственной деятельности» [2, с. 59]. Ограниченная, порой «потребительская» трактовка сущности руководителя органа исполнительной власти только как «вспомогательного персонала» в настоящее время

является неприемлемой. Такая позиция полностью нивелирует попытки реформировать государственное управление таким образом, чтобы в полной мере отойти от «чистого исполнения» до «осмысленной стратегии» в руководстве органами исполнительной власти.

Другой особенностью выступает то, что само понятие «руководители органов исполнительной власти» является обобщённым и предусматривает, что при его использовании преимущественно имеется в виду не личность руководителя, а его должность, которая понимается как структурная единица аппарата государственного органа, на которую возложен установленный нормативными актами круг служебных (организационно-распорядительных) полномочий и, следовательно, сама должность обуславливает статус, собственно, руководителей органов исполнительной власти. Это связано с тем, что лица, занимающие должности руководителей органов исполнительной власти, приобретают соответствующий правовой статус, только находясь на определённой должности, и именно должность руководителя обуславливает его особый статус.

Цель статьи заключается в исследовании актуальных вопросов, связанных с особенностями понятия и административно-правового статуса должности руководителя органа исполнительной власти.

Изложение основного материала исследования. Правосубъектность лица и правосубъектность органа (и, соответственно, должности) соотносится как часть и целое. И. Н. Пахомов, со ссылкой на А. В. Мицкевича, отмечал, что все должностные лица являются носителями государственно-властных полномочий, то есть оно может осуществлять не только права и обязанности, входящие в правовой статус гражданина, но и права и обязанности, входящие в правовой статус предприятия, государственного органа, общественной организации [3, с. 62]. И действительно, даже сегодня такое утверждение будет вполне справедливым для подавляющего большинства должностных лиц. Но со временем некоторые «классические» должностные лица получили новые черты, которые, в свою очередь, обусловили появление их «чрезвычайного статуса» и сделали невозможным существование соотношения правосубъектности лица и органа в предыдущем понимании.

Исходя из этого, вполне можно предположить, что правосубъектность органа исполнительной власти приобрела вторичный характер. Но говорить о том, что правосубъектность органа является производной от правосубъектности должности руководителя с юридической точки зрения было бы преждевременным, поскольку в таком случае органами исполнительной власти признавались не министерства или другие государственные органы, а непосредственно соответствующие руководители (министры, главы местных государственных администраций и т.д.).

В современной правовой науке существует подобная теория, которая сводится к тому, что, например, глава местной государственной администрации – это орган исполнительной власти, а сама местная государственная администрация выступает лишь в качестве аппарата управления при главе.

Но если ставить вопрос о реформировании государственного управления, то, по нашему мнению, целесообразно было бы чётко определиться с соотношением: должность руководителя - аппарат (орган) в каждом из органов исполнительной власти. Необходимость дифференциального подхода обусловлена тем, что руководители органов исполнительной власти имеют неодинаковый статус, а сами органы - разное структурное построение.

Когда речь идёт о единоначальных органах и даже о принципах их деятельности (представительство, нормотворчество и т.д.), то имеется в виду одно лицо – руководитель этого органа, который своими действиями (преимущественно в виде издания соответствующих подзаконных актов (распоряжений, приказов) реализует возложенные на органы исполнительной власти, которые он возглавляет, функции и задачи [4, с. 32]. То есть в данном случае должны рассматриваться не соотношение части и целого, а практическое сочетание правосубъектности органа и правосубъектности должности руководителя.

Общее понятие единоначалия сводится к пониманию его как принципа и метода государственного управления путём персонального решения руководителем компетенции возглавляемого им органа и принятия распоряжений по её вопросам, что обеспечивает полноту власти руководителя и его личную ответственность за деятельность органа.

Вполне логичным было бы утверждать, что руководители именно единоличных органов исполнительной власти (то есть, когда к их компетенции входит выработка или единоличное реализация политики и общее руководство деятельностью соответствующего органа) действительно могут выступать в качестве органа исполнительной власти (т.е. министр – это орган), тогда как министерство выступает лишь в качестве аппарата управления во главе с государственным служащим.

Некоторые учёные считают, что к категории политических деятелей необходимо отнести членов Правительства как главного центра всего звена исполнительной власти по осуществлению внутренней и внешней политики государства (в состав которого, как известно, входят и министры). Любые центральные органы исполнительной власти должны быть подконтрольны Правительству [5]. Таким образом, получается так, что министр и министерство рассматриваются не как два компонента одного целого, а как две структуры, соответственно, высшего и низшего уровня, причём полномочия министров распространяются на министерства не столько как на возглавляемые ими органы, а больше чем на управляемые, наряду с другими центральными органами исполнительной ветви власти.

Министр и министерство стоят на разных ступенях системы органов исполнительной власти, но при этом министр интегрирован в министерство по должности, и таким образом «опекает» его, выступая «квазируководителем» органа. Такая ситуация имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

К положительным сторонам можно отнести, во-первых, то, что, имея своим «генеральным руководителем» члена Правительства, министерства имеют все шансы подтвердить свой статус «ведущего центрального органа исполнительной власти»; и, во-вторых, министры, высвободившись от рутинной работы по руководству текущими делами возглавляемых ими министерств, имея в распоряжении полномочия, источником которых выступают одновременно два органа исполнительной власти – Правительство и само министерство – могут более эффективно работать в направлении формирования и реализации государственной политики в соответствующих сферах общественной жизни.

Негативные тенденции могут иметь место в самом построении системы органов исполнительной власти. Министры своим особым

статусом «подтягивают» к себе министерства, тем самым отдаляя их от других центральных органов исполнительной власти. Хотя абсолютным такое утверждение считать нельзя. С одной стороны, действительно, практически так сложилось, что министерства всегда тяготели к более высокому иерархическому положению по отношению к ведомствам [6, с. 43]. В такой ситуации отсутствует единое понимание центральных органов исполнительной власти как категории однородной то ли по субъективным, то ли по правовым положениям. Но в то же время зададимся вопросом: а на пользу ли существующее положение дел и найдём ли мы ответы на большинство вопросов, приняв такую ситуацию за основу?

В научной литературе последних времён уже имели место мнения относительно неоднозначного понимания таких понятий, как министерство (в качестве органа исполнительной власти), министр, руководитель министерства и тому подобное [2, с. 57]. В частности, отмечалось, что министерство (в современном понимании) – это не что иное, как аппарат органа, а органом выступает сам министр.

Фактически, министерство как орган растворяется в понятии «министр», предоставляя последнему все характеристики организованного, отделённого, самостоятельного образования, и оставляя себе вспомогательные функции аппарата министра. При этом, следуя терминологической логике Конституции, практическая деятельность министров проходит в рамках Правительства – центрального коллегиального органа исполнительной власти. В этом смысле, действительно, необходимо согласиться с мнением, что руководитель министерства – это научно некорректный термин, ведь министерство не является собственно органом [7, с. 70]. При таком подходе мы сможем значительно упростить распределение властных полномочий между самими органами исполнительной власти и одновременно раз и навсегда определить правовой статус министров как руководителей центральных органов исполнительной власти (а не как руководителей министерств).

Для более полного завершения предложенного процесса «слияния» понятий «министр» и «министерство» необходимо вернуться к практике существования должности заместителей, которые должны возглавлять персонал министерства. Они как нельзя лучше должны выполнять функции «чистого управления». В

свою очередь, министры как политические фигуры получают больше времени и возможностей для инициирования, осуществления корректировки обеспечения выполнения стратегических правительственных проектов [8]. Мы считаем, что лица, занимающие политические должности, должны сосредоточиться на определении правительственной политики, решении стратегических проблем экономического и социального развития общества и в соответствующей сфере управления и с этой целью должны быть освобождены от ежедневных административных дел и управления персоналом.

К вопросу о соотношении понятий «должность руководителя» - «орган» можно добавить и другие аргументы, свидетельствующие о тесной взаимосвязи между правосубъектностью органа исполнительной власти и его руководителя. Если взять за основу анализ гражданской правоспособности органа исполнительной власти, то общеизвестно, что любой орган исполнительной власти является юридическим лицом и имеет право выступать стороной в любых правоотношениях (гражданско-правовых, трудовых, административных). В соответствии с ч. 1 ст. 125 Гражданского кодекса Российской Федерации от имени Российской Федерации и субъектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов [9]. Формально никаких особых условий, которые выдвигались бы к такому виду государственных органов не существует. Но исходя из объёма полномочий, предоставленных им (а точнее их руководителям) для выполнения выписанных в законе функций, можно утверждать, что окончательное решение по любым вопросам, связанным с участием органа исполнительной власти как стороны в гражданско-правовых, трудовых правоотношениях, принадлежит именно руководителям.

Выступая от имени органа исполнительной власти субъектом указанных правоотношений, руководители используют предоставленные им дискреционные полномочия, то есть на собственное (свободное) усмотрение принимают ту или иную позицию. Надо сказать, что по отношению к органам исполнительной власти предоставленная их руководителям

дискреция является не абсолютной и ограничивается теми целями деятельности органа, указанные в соответствующих учредительных документах (положениях, уставах, специальных законах).

Как видим, должности руководителей органов исполнительной власти имеют достаточно весомое влияние и достаточные властные полномочия, чтобы их гражданская правосубъектность превалировала над гражданской правосубъектностью органа. Такая же ситуация складывается и с трудовой, уголовно-правовой правосубъектностью и тому подобное.

Правовой статус – это отправная точка, с которой необходимо исходить в начале анализа любых субъектов государственных правоотношений. Термин «status» с латинского языка переводится как «положение», а, следовательно, в правовой науке он призван обозначать определённое место субъекта правоотношений среди других. В зависимости от разновидностей субъектов, правовой статус может включать в себя достаточно широкий спектр правовых характеристик. Это может касаться объёма прав, обязанностей, компетенции, соотношений этих понятий и ещё много других нюансов, которые прямо или косвенно имеют возможность влиять на положение субъекта. При этом, анализируя значительное количество литературы по теории государства и права, конституционного права, можно заметить, что термин «правовой статус» употребляется преимущественно по отношению к таким категориям, как «человек», «гражданин», «иностранец», «лицо без гражданства», «государственный служащий», то есть обозначает статус (положение) физического лица, а по отношению к юридическим лицам (в том числе органов государственной власти) употребляется термин «компетенция», что по определению должно быть тождественным термину «правовой статус» [10, с. 348].

Вообще, единой позиции относительно определения понятия «компетенция» в научной правовой литературе не существует. Так, по определению одних учёных, этот термин обозначает совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей определённого государственного органа (органа местного самоуправления) или должностного лица, определяющих его место в системе государственных органов [11, с. 293], другие определяют компетенцию только как совокупность (перечень) прав и обязанностей [4, с. 145], или совокупность полномочий или прав [13, с. 88], существует также мнение, что компетенция – это

совокупность властных полномочий с указанием подведомственности [14, с. 49], или более общее понятие, которое было предложено Б. Лазаревым: компетенция очерчивает круг и содержание правового воздействия, которое может осуществляться сложными административными системами на те или иные объекты управления [15, с. 115]. Часть учёных утверждают, что понятие «компетенция» и «полномочия» тождественны [16, с. 121], или же, что компетенция определяется через их функции» [17, с. 14].

Взглядов на определение термина «компетенция» достаточно много, но все они указывают на то, что компетенция является определённым элементом правового статуса (правового положения) любого государственного органа.

Наряду с термином «компетенция» в правовой характеристике любых организаций (юридических лиц) используется понятие «правосубъектность». А вот подавляющее большинство специалистов административного права при характеристике тех или иных государственных органов использует термин «правовой статус».

Обобщая всё вышесказанное, можно отметить, что при анализе правового положения должности руководителей органов исполнительной власти мы оперировали различными терминами (компетенция, правосубъектность, правовой статус), в зависимости от ситуации и целевой направленности аналитических исследований. В результате этого предлагаем такое определение упомянутых терминов: правосубъектность – это предусмотренная нормами права способность (возможность) быть участником правоотношений (причём любых – административных, гражданских, трудовых и т.д.). То есть она выступает предпосылкой возникновения соответствующего правового статуса субъекта правоотношений. Используя такое общетеоретическое понятие, можем вывести понятие правосубъектности руководителя органа исполнительной власти – это способность руководителя выступать субъектом правоотношений от имени органа исполнительной власти в различных отраслях права. Причём такое утверждение будет справедливым как по отношению единоначальных органов исполнительной власти, так и по коллегиальным. Разница будет заключаться лишь в объёме компетенции и методах управления. Так, в коллегиальных органах все решения, как известно, принимаются коллегиально, но наряду с

этим принятые решения не вступят в силу без подписи руководителя этого органа. То есть если рассматривать правосубъектность коллегиального органа исполнительной власти отдельно от правосубъектности его руководителя (считая его «номинальным управленцем», функцией которого является оперативное управление и репрезентация решений коллегии), то мы столкнулись бы с невозможностью реализовать в полном объёме правоспособность органа (в данном случае – это право принимать решения). Правосубъектность руководителя органа исполнительной власти возникает с момента назначения его на эту должность и заканчивается с освобождением лица от должности руководителя органа исполнительной власти.

Итак, административно-правовой статус должности руководителя органа исполнительной власти - это правовое явление, которое всегда выражается в совокупности нормативно определённых прав и обязанностей, характеризуется специфической обязанностью нести ответственность в связи с выполнением своих полномочий и положением должности руководителя в системе управления.

Компетенция – это элемент правового статуса, который устанавливает совокупность юридически установленных прав и обязанностей органа исполнительной власти или его руководителя, реализация которых обеспечивает выполнение их основных функций.

Исходя из вышеприведенного, элементами административно-правового статуса должности руководителя органа исполнительной власти являются:

1. Положение должности руководителя в системе управления.
2. Компетенция.
3. Обязанность нести ответственность в связи с выполнением своих полномочий.

Характеристика административно-правового статуса должностей руководителей органов исполнительной власти тесно связана с явлениями, которые оказывают значительное влияние на приобретение этого статуса (являются предпосылками), или же выступают в качестве его реализации. Речь идёт об условиях замещения должностей руководителей органов исполнительной власти и об особенностях их ответственности.

Так, условия замещения должностей руководителей органов исполнительной власти должны существовать в действующем законодательстве. Предварительное исследование указанного вопроса позволит более полно раскрыть положение должности руководителя органа исполнительной власти в системе управления и порядок пребывания в должности как элементов административно-правового статуса.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Анализируя значительное количество научной литературы, мы заметили, что авторами для обозначения правового положения руководителей органов исполнительной власти (как физических лиц) используются различные термины: компетенция, правосубъектность, правовой статус и тому подобное. Причём определения приведенных понятий тоже имели разногласия. Стремясь к унификации правовых терминов, независимо от отраслей и сфер их применения, и основываясь на филологических, логических и правовых знаниях, мы предлагаем собственное определение понятий «компетенция», «правосубъектность» и «правовой статус».

Наряду с этим, обнаружен ещё ряд проблемных вопросов, связанных с юридической терминологией. Так, по нашим наблюдениям, существует проблема соотношения понятий «компетенция органа» и «компетенция руководителя органа» относительно центральных и местных органов исполнительной власти, которые являются единоначальными. Руководитель такого органа может осуществлять не только права и обязанности, входящие в его правовой статус как гражданина и служащего, но и права и обязанности, входящие в правовой статус возглавляемого им органа. Очевидно, мы говорим о едином целом, несмотря на то, что законодательство разграничивает полномочия руководителей и полномочия органов, при этом вся полнота ответственности лежит именно на руководителях. Поэтому целесообразно закрепление функций органа исполнительной власти за руководителем, который, в свою очередь, должен выполнять указанные функции через направление работы органа путём делегирования соответствующих полномочий аппарата, либо путём создания вспомогательных структур.

В отличие от частного разграничения полномочий с одновременным сочетанием ответственности, предложенный вариант позволяет чётко определить, какие функции возложены на руководителей, какой компетенцией они наделены, какое место в управленческой системе они занимают и тогда обоснованным является возложение всей полноты ответственности на этих лиц. Практически это должно выглядеть так: министр не является руководителем министерства (министерством должен руководить государственный служащий), он должен руководить отраслью, то есть выступать в качестве руководителя отраслевого органа исполнительной власти, который включает в себя и само министерство, и другие органы, которые направляются соответствующим министром (государственные комитеты, представительства министерства на местах и т.д.). В результате, министерство выступает в качестве вспомогательной структуры, аппарата органа.

Список использованных источников

1. Крупчан, А. Д. Организация исполнительной власти: монография / А. Д. Крупчан. – Киев : Изд-во УАДУ, 2001. – 132 с. – Текст : непосредственный.
2. Государственное управление: проблемы административно-правовой теории и практики / под общ. ред. В. Б. Аверьянова. – Киев : Факт, 2003. – 384 с. – Текст : непосредственный.
3. Пахомов, И. Н. Административно-правовые вопросы государственной службы в СССР / И. Н. Пахомов. – Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1971. – 128 с. – Текст : непосредственный.
4. Административное право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Н. Ф. Попова. - 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Юрайт, 2018. - 341 с. – Текст : непосредственный.
5. Андреев, В. В. Понятие и признаки правового статуса федеральных органов исполнительной власти / В. В. Андреев. – Текст : непосредственный // Молодой учёный. - 2022. - № 11 (406). - С. 82-85.
6. Аверьянов, В. Б. Исполнительная власть: конституционные основы и пути реформирования / В. Б. Аверьянов. - Харьков, 1998. – 52 с. – Текст : непосредственный.

7. Бахрах, Д. Н. Административное право: учебник для вузов. - 2-е изд., изм. и доп. / Д. Н. Бахрах, Б. В. Россинский, Ю. Н. Стариков. – Москва : Норма, 2015. - 800 с. – Текст : непосредственный.

8. Мазурин, С. Ф. Административное право: учебное пособие / под общ. ред. В. П. Сальникова. – Санкт-Петербург : Университет, 2019. – 312 с. – Текст : непосредственный.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ. - Часть 1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410. – Текст : непосредственный.

10. Теория государства и права: учебник для юридических вузов и факультетов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. – Москва : Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 2017. – 570 с. – Текст : непосредственный.

11. Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. – Москва : ИНФРА-М, 2018. – 790 с. – Текст : непосредственный.

12. Бачило, И. Л. Функции органов управления / И. Л. Бачило. – Москва : Юридическая литература, 1986. – 198 с. – Текст : непосредственный.

13. Курс советского государственного права [А. И. Лепешкин, А. И. Ким, Н. Г. Митин, П. И. Романов]. – Москва : Госюриздат, 1962. – 559 с. – Текст : непосредственный.

14. Власов, В. А. Советский государственный аппарат / В. А. Власов. – Москва : Юридическая литература, 1959. – 167 с. – Текст : непосредственный.

15. Лазарев, Б. М. Компетенция органов управления / Б. М. Лазарев. – Москва : Юридическая литература, 1972. – 280 с. – Текст : непосредственный.

16. Атаманчук, Г. В. Государственное управление: проблемы методологии правового исследования / Г. В. Атаманчук. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 239 с. – Текст : непосредственный.

17. Бельский, К. С. О функциях исполнительной власти / К. С. Бельский. – Текст : непосредственный // Государство и право. – 1997. - № 3. – С. 14-21.

РАЗДЕЛ 3

Теория и история права и государства; история правовых учений; международное публичное право; международное частное право

УДК 341.95

DOI 10.5281/zenodo.10683491

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗГРАЖДАНСТВА

**ГОЛОБОРОДЬКО В. И.,
старший преподаватель кафедры
административного права,
Донецкий филиал ФГКОУ ВО
«Волгоградская академия Министерства
внутренних дел Российской Федерации»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена изучению основ правового регулирования в международном праве аспектов безгражданства, а также анализу наиболее актуальных проблем, связанных со статусом апатридов. Автором рассматриваются основные пути решения выделенных проблем как на уровне внутреннего законодательства, так и на уровне международно-правового регулирования.

Ключевые слова: международное право, гражданство, безгражданство, апатриды, правовой статус апатридов

INTERNATIONAL LEGAL PROBLEMS OF STATELESSNESS

**GOLOBORODKO V. I.,
senior lecturer at the department
of administrative law,
Donetsk branch of the fsoei he «Volgograd
academy of the Ministry of Internal affairs
of the Russian Federation»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article is devoted to the study of the fundamentals of legal regulation in international law of aspects of statelessness, as well as to the analysis of the most pressing problems related to the status of stateless persons. The author

examines the main ways to solve the identified problems both at the level of domestic legislation and at the level of international legal regulation.

Keywords: *international law, citizenship, statelessness, stateless persons, legal status of stateless persons*

Постановка задачи. Вопросы гражданства в науке международного права являются на сегодняшний день одними из самых актуальных. Это связано прежде всего с тем обстоятельством, что гражданство представляет собой тесную правовую связь с государством, устанавливающую комплекс прав и обязанностей той и другой стороны. Соответственно, поскольку гражданство можно охарактеризовать как некоторый доступ к совокупности прав, особый интерес как у доктрины, так и у практики вызывают категории лиц, которые не обладают таким доступом. Одной из таких категорий выступают лица без гражданства.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельные аспекты правового статуса лиц без гражданства рассматривались такими учёными: А. Х. Абашидзе, Л. В. Андриченко, Н. В. Бровко, П. Н. Кобец, М. А. Лихачев, Н. В. Полякова, А. В. Сабаева, А. Е. Симонова и др.

Актуальность статьи обусловлена высокой степенью общественной значимости вопросов обеспечения, защиты и реализации конституционных прав лицами, не имеющими документов, удостоверяющих личность и гражданскую принадлежность.

Цель статьи заключается в изучении основ правового регулирования в международном праве аспектов безгражданства.

Изложение основного материала исследования. Если обратиться к российскому законодательству, то положения, касающиеся лиц без гражданства (апатридов) можно обнаружить в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 115-ФЗ). Статья 2 рассматривает лицо без гражданства как субъекта, который не имеет гражданства Российской Федерации и не представил доказательств гражданства иного государства [1].

Если же обращаться к международным актам, то большое значение в системе источников имеет Конвенция о статусе апатридов от 28 сентября 1954 года [2]. Данный документ устанавливает универсальное определение апатрида для стран,

которые являются участницами данной Конвенции. Так, апатрид представляет собой лицо, которое не может быть рассмотрено как гражданин определённого государства согласно действию его законодательства. Не менее важной является Конвенция от 30 августа 1961 года «О сокращении безгражданства» [2]. По смыслу данного документа под апатридом понимается лицо, которому государство-участник не предоставило гражданство вопреки своей обязанности предоставлять его каждому, кто родился на его территории. Данную формулировку можно назвать несколько категоричной, чему, безусловно, есть своё объяснение: данный документ в качестве своей цели рассматривает сокращение негативных последствий безгражданства, что вынуждает устанавливать определённые обязанности и ответственность в отношении тех государств, которые присоединились к данной Конвенции.

Доктрина активно исследует вопросы безгражданства, и если говорить об определении данного явления, то его общее понимание аналогичным образом укладывается в следующую формулировку: безгражданство – это правовое состояние лица, при котором оно не имеет возможности предоставить юридически значимых фактов, доказывающих его гражданство, а его статус определяется на основании законодательства государства, в котором он пребывает [4].

Научные работы, в которых изучаются отдельные аспекты безгражданства, часто выделяют два вида рассматриваемого явления: безгражданство абсолютного характера и относительного характера.

Первый вид предполагает, что статус лица без гражданства возникает у субъекта с момента его рождения. Одной из распространённых причин такого вида безгражданства является правопреемство государства.

Что касается второго вида безгражданства, то предполагается возникновение статуса апатрида по причине утраты гражданства. Такая утрата может происходить из-за принудительной миграции, дискриминации при получении гражданства и многих других факторов.

Таким образом, среди основных причин возникновения явления безгражданства выделяются следующие:

- 1) правопреемство новым государством прав и обязанностей ликвидируемого государства;

2) вынужденная миграция по причине военных конфликтов на территории государства;

3) различия законодательства государств, которые не позволяют приобрести гражданство лицу, утратившему его по законодательству другого государства;

4) дискриминационные процессы.

Рассмотрим подробнее каждую из причин для установления в дальнейшем наиболее эффективного способа решения существующих проблем.

Говоря о правопреемстве государств, следует понимать, что при таком явлении возможны территориальные изменения, которые и приводят к изменению прав и обязанностей тех лиц, проживавших на территории ранее существовавшего государства [5]. Такие территориальные изменения могут возникать, например, при территориальном разделении, отделении какой либо части территории и так далее [6]. Наиболее ярким примером такого правопреемства является распад СССР, после которого на его территории были образованы совершенно новые государства. Данный процесс привёл к появлению большого количества апатридов, поскольку, потеряв гражданство СССР, данные лица не могли получить гражданство нового государства в силу тяжелой политической ситуации.

Безгражданство по причине вынужденной миграции по причине военных конфликтов является не менее редкой причиной рассматриваемого явления. Данная причина возникает в обстоятельствах, при которых военные условия в государстве не предоставляют возможности получить официальные доказательства гражданства. Например, в некоторых государствах (например, Сирия), гражданство предоставляется исходя из гражданства отца, соответственно, в случае смерти данного лица или утрате документов, представляется затруднительным определить, имеет ли право на гражданство ребёнок умершего.

Противоречивые положения законодательства различных стран, касающиеся вопросов гражданства, также существенно увеличивают количество лиц, лишённых гражданства. Данные обстоятельства могут возникнуть, например, в случае заключения брака между гражданами различных государств. Законодательство одного государства может предусматривать, что женщина лишается гражданства при заключении брака с гражданином другого

государства, а законодательство другого государства формулирует такие условия получения гражданства, которые у неё нет возможности соблюсти. В таких случаях она приобретает статус апатрида.

Последняя из приведённых причин заключается в отказе государства предоставлять гражданство по причине наличия какого-либо признака (например, расового или религиозного). Соответственно, определённое государство может не предоставить прав гражданина конкретному лицу, если оно относится, например, к национальному меньшинству.

Исходя из перечисленных причин представляется возможным рассмотреть основные проблемы, которые порождает безгражданство.

Основной и наиболее важной проблемой является, безусловно, проблема невозможности пользоваться основополагающими правами и гарантиями в определённом государстве. Из-за невозможности получить гражданство того или иного государства, лицо, являющееся апатридом, оказывается зачастую приравненным к правовому статусу лиц, обладающих гражданством иностранного государства. Несмотря на то, что, казалось бы, иностранные граждане зачастую в государствах наделяются основополагающими правами и гарантиями (за рядом исключений), проблемой именно апатридов является тот факт, что они лишены защиты дипломатического представительства какого-либо государства. Таким образом, данная категория лиц во многих случаях оказывается незащищённой [7].

Каким же образом данную проблему пытается решить международно-правовое регулирование? Обращаясь к ранее упомянутой Конвенции о сокращении безгражданства, можно отметить направленность данного документа на смягчение негативных последствий безгражданства. Многие учёные отмечают, что ключевой целью данного документа является не сам факт возложения обязанности на государства предоставления гражданства всем апатридам, а создание более благоприятного режима для данных лиц на территории различных стран [8]. Среди мер, направленных на решение данного вопроса, выделяются следующие:

1) предоставление гражданства государством в том случае, если лицо было рождено на его территории и без предоставления гражданства по данному критерию может оказаться апатридом

(иными словами, подчёркивается значимость приобретения гражданства по принципу места рождения);

2) ограничение возможности лишения гражданства: государство, при лишении лица своего гражданства должно осуществлять данную меру при условии, что данное лицо обладает возможностью получить гражданство другого государства;

3) наделение лица гражданством в случае, если оно было рождено на судне или корабле, которые принадлежат к флагу определённого государства.

Немаловажной задачей, которая стоит перед международно-правовым регулированием данной проблемы, является приведение к единообразию правового статуса апатридов в государствах. В данном случае речь идёт, в первую очередь, о национальном режиме, который может предоставляться апатридам (так, например, он действует и в России) [9]. Суть предоставления национального режима заключается в том, что граждане государства и апатриды уравниваются в своих правах и обязанностях (за рядом исключений, которые устанавливает каждое государство самостоятельно). Такое положение внутреннего и международного законодательства представляется желательным, поскольку позволит во многом облегчить положение апатридов, а также снизить случаи приобретения данного статуса.

Ещё одной проблемой, которая возникает по причине существования безгражданства, являются сложности регистрации данной категории лиц именно в качестве апатридов. Такие сложности порождают, в свою очередь, проблему определения точного количества лиц, пребывающих в государстве в качестве апатридов (иными словами, осложняется ведение учёта данной категории лиц). Проблемы сложности учёта возникают, прежде всего, по причине непроработанности правовой терминологии. Сюда относится непроработанность понятия и правового статуса апатрида в законодательстве конкретного государства. Соответственно, отсутствие чёткой регламентации категорий и правового статуса усложняет процедуру наделения лица статусом апатрида и предоставления ему соответствующих прав и обязанностей. Например, чёткое юридическое определение апатрида отсутствует в законодательстве Польши и Швеции, очень размыто определение статуса апатридов в Германии. Такие обстоятельства позволяют судить и о недостоверности сведений статистики,

касающейся численности апатридов, а, следовательно, не позволяют оценить масштаб проблемы и отреагировать эффективными методами.

Решение данной проблемы видится только в унификации основополагающих положений о безгражданстве на международном уровне и активное введение таких универсальных принципов во внутреннее законодательство государств. Универсальный характер норм законодательства различных государств, которые касаются проблем международного характера, позволит во многом сократить негативные последствия (или по крайней мере реалистично оценивать масштаб проблемы).

Не менее важной проблемой, возникающей в связи с безгражданством, является сложная процедура получения гражданства лицами, которые таковым не обладают. Разные государства индивидуально устанавливают регулирование рассматриваемой процедуры. Например, рассматривая опыт Германии, можно сказать, что лицо может получить гражданство в данном государстве только после проживания на его территории в течение определённого количества времени (даже с учётом того, что он родился в семье граждан Германии). Ещё более сложными данные положения оказываются на практике: процедура получения гражданства, даже с учётом выполненного требования, предусматривает сбор достаточно обширного перечня документов, рассмотрение которых соответствующими органами зачастую занимает немалое количество времени.

Не менее сложная ситуация для апатридов возникает и в Польше. При всем том, что процедура получения гражданства представляется достаточно простой (например, ребёнок, не зарегистрированный родителями в установленный законом срок, автоматически становится гражданином государства, даже если родители апатриды), действие указанных норм ограничивается обязательным условием: ребенок должен родиться на территории Польши. По указанной причине законодательство Польши нельзя назвать гибким в вопросе безгражданства.

Ещё более критичным является положение апатридов в Швеции. Безусловно, данное государство предоставляет временное убежище лицам без гражданства, однако данное условие лишило апатридов практически любой возможности получения гражданства данного государства.

Решение указанной проблемы видится в возможности предоставления национального режима лицам без гражданства, который сможет создать более благоприятную обстановку в чужом государстве лицам без гражданства. Представляется достаточно категоричным требование обязать все государства предоставлять гражданство апатридам на более простых условиях. Однако предоставление более стабильного правового режима, чёткое определение их статуса и учёт причин его приобретения позволит не только более объективно оценить проблему безгражданства, но и выработает универсальный подход к смягчению негативных последствий рассматриваемой проблемы. При этом важно соблюдать принцип отсутствия дискриминации, при котором процедура получения гражданства для апатридов становится более сложной, чем для других категорий субъектов.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок по данной тематике. Подводя итог изложенному, можно отметить, что проблемы, связанные с безгражданством, всё ещё остро стоят как во многих государствах, так и на международном уровне. Наиболее целесообразным видится более эффективное внедрение международных норм и принципов в законодательство различных государств, что позволит сократить многие противоречия в вопросах приобретения гражданства (в том числе, унификация терминологии рассматриваемой сферы), а также предоставит возможность оценки реальных масштабов проблемы (облегчит определение лица в качестве апатридов, их учёт, что не только имеет статистическое значение, но и правоохрнительное: государству будет легче осуществлять контроль и обеспечивать безопасность). Дополнительной мерой, которая окажется поддержкой, станет распространение национального режима не только на иностранных граждан, но и на лиц без гражданства при условии выполнения требований о регистрации их в таком качестве. Цель данного предложения – не нарушение прав граждан государства и их интересов, а предоставление базовых прав и гарантий, а также возможности обращаться за их защитой. Ещё одним направлением, в котором представляется необходимым работать государствам, является реализация положения рассмотренных конвенций (в отношении сокращения причин, по которым лицо может получить статус апатрида).

Таким образом, государствам необходимо активно развивать сотрудничество на двух- и многосторонней основе, в том числе в рамках и под эгидой международных организаций по вопросам гражданства и безгражданства в ситуации правопреемства государств и решения в связи с этим проблем таких особо уязвимых категорий населения, как беженцы и апатриды. Как показывает практика, усилия государств на региональном уровне в этом отношении оказываются наиболее эффективными и оперативными.

Список использованных источников

1. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/.

2. Конвенция о статусе апатридов. Принята 28 сентября 1954 года Конференцией полномочных представителей, созванной в соответствии с резолюцией 526 А (XVII) Экономического и Социального Совета от 26 апреля 1954 года. – Текст : электронный. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/apatride.shtml.

3. Конвенция о сокращении безгражданства. Принята 30 августа 1961 года. – Текст : электронный. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/statelessness.shtml.

4. Искевич, И. С. Международно-правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации / И. С. Искевич, А. В. Сахаров. – Текст : непосредственный // Вопросы современной юриспруденции. - 2015. - № 1-2 (44). - С. 35-39.

5. Михалева, Т. Н. Актуальные вопросы гражданства, безгражданства и беженцев при правопреемстве государств / Т. Н. Михалева. – Текст : непосредственный // Журнал международного права и международных отношений. - 2006. - № 2. - С. 12-19.

6. Николаева, А. О. Правопреемство государств в отношении гражданства физических лиц / А. О. Николаева, Н. В. Рубцова. – Текст : непосредственный // Инновации в науке. - 2014. - № 38. - С. 151-155.

7. Пятов, Р. В. Проблемы реализации иностранцами и лицами без гражданства своих прав и свобод / Р. В. Пятов. – Текст : непосредственный // Молодой учёный. - 2021. - № 20 (362). - С. 260-362.

8. Кузнецова, И. Г. Проблемы безгражданства и пути их разрешения / И. Г. Кузнецова. – Текст : непосредственный // Теория права и межгосударственных отношений. - 2017. - № 1 (5). - С. 29-42.

9. Безуглов, А. Д. К вопросу о конституционном статусе лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации / А. Д. Безуглов. – Текст : непосредственный // Известия Саратовского университета. - Новая серия. - Серия: Экономика. Управление. Право. - 2021. - № 1. - С. 100-105.

УДК 347.751.7

DOI 10.5281/zenodo.10683913

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ ПОСТАВКИ

КРЮЧКОВА К. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права;

ФИАЛКО И. И.,
магистрант группы ЮРм-23з-1
кафедры гражданского
и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу основных международных актов, регулирующих отношения в сфере международной купли-продажи товаров.

Авторами рассматриваются основные источники правового регулирования договора поставки, проблемы их применения, анализируются отдельные вопросы арбитражной практики.

Ключевые слова: гражданское право, договор, экономические отношения

ACTUAL PROBLEMS OF COLLATERAL LEGAL RELATIONS

KRIUCHKOVA K.A.,
Senior Lecturer of the Department
of Civil and Business Law;

FIALKO I.I.,
graduate student of the group YURm-23z-1
of the Department of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the main international acts regulating relations in the field of international purchase and sale of goods.

The authors consider the main sources of legal regulation of the supply contract, the problems of their application, and analyze individual issues of arbitration practice.

Keywords: civil law, contract, economic relations

Постановка задачи. Изменения, произошедшие в нашем государстве за последние годы, затронули многие сферы деятельности, в том числе сферу регулирования внешней экономики и политики.

В качестве инструмента для достижения поставленных задач автор использует сравнительно-правовой метод, методы анализа и синтеза.

Анализ последних исследований и публикаций. Вопросу правового регулирования внешнеэкономических контрактов на поставку посвящено большое количество научных трудов и статей таких авторов: С. С. Алексеев, Б. М. Гонгало, Д. В. Мурзин и многих других.

Однако данная сфера правоотношений по-прежнему нуждается в изменениях и решениях актуальных проблем, возникших в гражданских и внешнеэкономических процессах.

Эти проблемы часто становятся предметом дискуссий и споров в научных кругах, а также создают проблемы в правоприменительной практике.

Актуальность выбранной темы связана также с тем, что в связи с недавними событиями, происходящими в политике и мировой торговле, существует риск введения санкций, что является новой проблемой.

Однако отечественные предприятия, осуществляющие международную торговую деятельность, постоянно ищут способы выхода из возникающих ситуаций для выполнения контрактов на поставку или минимизацию последствий санкций.

Цель статьи – рассмотрение актуальных проблем правового регулирования внешнеэкономических контрактов на поставку Российской Федерации на основе анализа правоприменительной практики.

Изложение основного материала научной статьи. Широко используемый сегодня гражданско-правовой договор, который посвящён регулированию отношений по поставке товаров, в соответствии с законодательными актами Российской империи использовался с начала XVIII века и является традиционным договором поставки.

В наше время, с изменением политической системы в государстве, наблюдается стремительное развитие рыночной экономики, которая позволяет хозяйствующим субъектам удовлетворять свои потребности с помощью договора поставки.

Рассмотрение нормативного регулирования института поставки сосредоточено главным образом в Гражданском кодексе Российской Федерации, в пунктах 3 и 4 главы 30 [1, 2].

Договор поставки в его обычной форме является следствием изменений, которые произошли и происходят на протяжении всей истории его существования в отечественном гражданском праве.

Общее изучение закономерностей развития и всестороннее понимание содержания этого гражданского договора поставки должно быть проведено с первого момента его появления и по сегодняшний день.

Одним из основных международных актов, регулирующих отношения в сфере международной купли-продажи товаров, является Венская конвенция Организации Объединённых Наций о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года.

Квалифицирующий признак международной купли-продажи означает заключение договора лицами, которые являются иностранными по отношению друг к другу.

Но в то же время Венская конвенция не ограничивает субъектный состав только юридическими лицами. Контрагентами могут выступать и иностранные физические лица.

Рассматривая договор на поставку, мы видим, что его международный характер порождает ряд практических проблем, которые следует учитывать в процессе договорной работы.

Одной из таких проблем является определение момента заключения контракта, а также момента его начала.

В странах англо-американской правовой системы момент заключения договора совпадает с моментом отправки акцепта, поэтому это называется «теорией почтового ящика» [4].

Эта теория также отражена в гражданском законодательстве Японии. В правовых системах континентальной Европы момент заключения договора приурочивается к моменту, когда offerent получает сообщение об акцепте [5].

Гражданский кодекс Российской Федерации исходит из того же принципа, что и правовая система континентальной Европы: «договор признаётся заключённым в момент получения лицом, направившим offerту, её акцепта» (пункт 1 статьи 433) [1].

Вышеуказанная концепция отражена в статье 23 Венской конвенции 1980 года: «Договор считается заключённым в момент, когда акцепт offerты вступает в силу в соответствии с положениями настоящей Конвенции» [5].

Пункт 2 статьи 18 Конвенции гласит: «Акцепт offerты вступает в силу в момент получения offerентом указанного согласия».

Таким образом, Венская конвенция занимает позицию по данному вопросу, характерную для континентальной Европы.

Венская конвенция (статья 90) не влияет на действие других международных соглашений по вопросам, которые являются предметом её регулирования [5].

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что международные договоры двустороннего и регионального объединения, регулирующие аналогичные правоотношения, имеют приоритет перед нормами Конвенции.

Следует обратить внимание и на то, что Венская конвенция не регулирует вопросы, которые касаются перехода права собственности на товар от продавца к покупателю (пункт «б» статьи 4).

Эти вопросы решаются на основе применимого материального права, которое устанавливается на основе соответствующих коллизионных норм (пункт 2 статьи 7) [5].

Как правило, передача права собственности совпадает с передачей приобретателю риска случайной потери или повреждения товара. В разных странах этого можно достичь с использованием различных юридических приёмов.

В некоторых странах передача риска и права собственности связаны.

В других странах передача риска может быть приурочена не к передаче права собственности как таковой, а к совершению определённых действий, которые связаны с передачей вещи.

Экономические санкции также существенно повлияли на возможность заключения международных договоров в настоящее время.

Они могут серьёзно повлиять на международные отношения хозяйствующих субъектов, находящихся под юрисдикцией разных государств, поскольку от них потребуют предоставления гарантий того, что их товары и услуги не будут экспортироваться в государство, против которого были введены санкции.

Следующей проблемой является влияние введённых в настоящее время санкций в сфере внешнеэкономических контрактов на поставку.

Существуют организационно-правовые последствия – невозможность поставки и материально-правовые – прямой ущерб, упущенная выгода, непредвиденные расходы [6].

Рассмотрим подробнее одну из главных актуальных проблем, влияющую на объём контрактов на поставку и их регулирование в настоящее время.

Невозможность исполнения контракта может повлечь за собой негативные последствия, которые выражаются в несении убытков по заключённым контрактам.

Внешнеэкономические контракты, заключённые после введения санкций, являются недействительными, поскольку они не порождают прав и обязанностей сторон, и стороны не будут и не могут нести ответственность за неисполнение своих обязательств по контракту.

Иначе обстоит дело с контрактами, которые были заключены до введения санкций и исполнение которых ещё не завершено.

Введение санкций делает юридически невозможным выполнение договорных обязательств, что влечёт за собой приостановление или расторжение договора, из-за чего стороны

договора испытывают значительные негативные имущественные трудности, которые выражаются в нанесении ущерба и убытков по ранее заключённым договорам, а также ответственности в связи с их неисполнением.

Наличие резолюции Совета Безопасности Организации Объединённых Наций даёт суду основание для принятия решения об освобождении одной из сторон контракта от ответственности [6].

Предпочтительнее, когда это основание предусмотрено действующим законодательством, но если такого положения нет, то суд имеет право обосновать освобождение от ответственности за неисполнение договора ссылкой на обстоятельства непреодолимой силы.

Рассмотрение таких признаков экономических санкций, вводимых решениями Совета Безопасности Организации Объединённых Наций, как отсутствие волевой составляющей поведения сторон внешнеэкономического договора, которая способна повлиять на ту или иную ситуацию; невозможность предотвращения её наступления, наличие в нормативном акте строго императивных предписаний, от которых стороны не вправе отступить, позволяет сделать вывод о том, что отмеченная юридическая невозможность исполнения международных коммерческих обязательств может быть отнесена по согласованию сторон к форс-мажорным обстоятельствам, освобождающим невиновную сторону от ответственности.

На практике для признания санкций форс-мажором потребуется заключение Торгово-промышленной палаты (ТПП), что вытекает из абз. 2 п. 1.3, абз. 3 п. 2.2 положения о порядке свидетельствования ТПП РФ, приложение к постановлению Правления ТПП РФ от 23.12.2015 № 173-14 [3].

Отметим, что в настоящий момент ТПП приостановила выдачу заключений по внутрироссийским сделкам, в связи с принятием законопроекта о расширении условий [3].

В случае признания санкций обстоятельством непреодолимой силы наступает освобождение от ответственности сторон от исполнения своих обязанностей, как правило, с последующим прекращением договора.

Что касается признания санкций форс-мажорными обстоятельствами, то практика неоднозначна. При таком признании сторона, ссылающаяся на санкции, обязана доказать, что они были

введены после заключения контракта и что они, в свою очередь, повлияли на задержку сроков поставки.

Однако, если стороны согласны с этим, договорные положения могут предусматривать иное: они могут включать в сделку положение о том, что «никакое решение международного органа не может освободить сторону, которая не выполнила свои обязательства».

В этом случае сторона, которая не выполнила свои договорные обязательства в результате введения санкций, тем не менее, будет обязана выплатить компенсацию другой стороне.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в ближайшем будущем подобные договорные условия могут получить широкое распространение в договорах субъектов Российской внешнеэкономической деятельности.

В силу обязательных норм своего законодательства иностранные компании, ведущие бизнес с российскими физическими лицами на территории Российской Федерации, должны будут соблюдать введённые ограничения.

Хотя санкции носят внутренний общественный характер, они могут возникать и в отношениях в рамках международных договоров [8].

В данный момент, санкционное влияние отражается на территории Российской Федерации и её субъектов.

В условиях санкций некоторые иностранные компании неохотно вступают в договорные отношения с российским бизнесом, поскольку в текущей ситуации высок риск санкций в отношении отечественных компаний.

Другие компании расторгают уже заключённые контракты, если их контрагенты включены в санкционные списки.

Остальные компании приостанавливают действие контракта, но это допускается в зависимости от типа товара.

На данный момент для торговых отношений, которые находятся под влиянием санкций, их шанс не попасть под них минимален.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок по данной тематике. В заключение исследования можно резюмировать, что одной из основных причин, по которой договор поставки был включён в Гражданский кодекс Российской Федерации и закреплён как вид договора купли-

продажи, является его направленность на урегулирование отношений по купле-продаже различных товаров, которые формируются в основном между профессиональными участниками имущественного оборота, занимающимися оптовой торговлей сырьём, материалами, оборудованием, комплектующими и их производством [2].

Договор поставки был выделен как особый вид договора купли-продажи, поскольку он был «продиктован необходимостью учитывать специфику этих правоотношений, которые требовали более строгого и детального регулирования».

В наши дни законодатель, раскрывающий правовое регулирование договора поставки, сводится лишь к определению специальных норм, учитывающих специфику отношений по поставке товаров и подлежащих приоритетному применению.

Проведённый анализ некоторых проблем договора поставки позволяет сделать вывод о том, что в современных условиях данный вид гражданско-правового обязательства требует более чёткой правовой регламентации и совершенствования.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. – Текст : электронный // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата доступа: 22.11.2023).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – Текст : электронный // Собрание законодательства РФ. – 22.11.2023. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата доступа: 22.11.2023).

3. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020). – Текст : электронный // «Собрание законодательства РФ». – 07.07.2003. – № 27 (ч. 1). – Ст. 2701. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43006/ (дата доступа: 23.11.2023).

4. Старженецкий, В. Экономические санкции глазами российских судей: между защитой публичного порядка и интересов

бизнеса / В. Старженецкий, В. Бутырина, Ю. Драгунова. – Текст : непосредственный // Международное правосудие. – 2018. – С. 15-19.

5. Казакова, Е. Б. Договор поставки: основные проблемы его применения / Е. Б. Казакова, А. А. Чеботаева. – Текст : непосредственный // Наука. Общество. Государство. – 2019. – С. 56-61.

6. Сочнева, А. Е. Исполнение внешнеторговых сделок в условиях «санкционной войны» / А. Е. Сочнева. – Текст : непосредственный // Молодой учёный. – 2017. – С. 11-15.

7. Фролова Е. К. Внешнеторговые сделки с объектами экспортного контроля в условиях экономических санкций в Российской Федерации и Соединённых Штатах Америки / Е. К. Фролова. – Текст : непосредственный // Проблемы экономики и юридической практики. – 2018. – С. 35-38.

8. Елчев А. А. Предложения по совершенствованию законодательства о договоре поставки / А. А. Елчев // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – С. 23-25.

УДК 341.3

DOI 10.5281/zenodo.10686239

ЗАЩИТА МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЁННОГО КОНФЛИКТА

ОДЕГОВА Л. Ю.,

**канд. юрид. наук, зав. кафедрой
конституционного и международного права;**

СОЛОВЬЁВА Ю. А.,

**канд. юрид. наук, доцент кафедры
конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье раскрываются особенности характеристики вооружённого конфликта, происходящего в Донецкой Народной Республике; рассматриваются конкретные случаи нарушений норм международного гуманитарного права и подвергается критике «бездейственность» международных институциональных механизмов в вопросах защиты мирного населения на данной территории. Указывается на то, что сегодня в

международном праве не существует нормативного закрепления дефиниции международной специальной операции (специальной военной операции, проводимой за пределами государства), но история международных отношений демонстрирует достаточное количество случаев проведения последних. Анализируются правовые основания и причины принятия Президентом РФ решения о проведении специальной военной операции в Украине.

Ключевые слова: вооружённый конфликт; международный вооружённый конфликт; вооружённый конфликт немеждународного характера; специальная военная операция; мирное население; гражданское население; защита мирного населения

PROTECTION OF THE CIVILIAN POPULATION OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC IN THE CONTEXT OF AN ARMED CONFLICT

ODEGOVA L. Y.,
PhD in Law, acting head department of
constitutional and international law;

SOLOVYOVA Y. A.,
PhD in Law, associate professor of the department of
constitutional and international law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article reveals the features of the characteristics of the armed conflict taking place in the Donetsk People's Republic; specific cases of violations of the norms of international humanitarian law are considered and the “inaction” of international institutional mechanisms in matters of protecting the civilian population in this territory is criticized. It is pointed out that today in international law there is no normatively fixed definition of an international special operation (a special military operation conducted outside the state), but the history of international relations demonstrates a sufficient number of cases of the latter. The legal grounds and reasons for the decision by the President of the Russian Federation to conduct a special military operation in Ukraine are analyzed.

Keywords: *armed conflict; international armed conflict; armed conflict of a non-international character; special military operation; civilians; civilian population; protection of the civilian population*

Постановка задачи. Международное право предписывает воздерживаться в международных отношениях от угрозы силой и её применения в качестве средств разрешения споров (ст. 2 Устава ООН [1]). Тем не менее, сегодня вооружённые конфликты

вспыхивают во всех частях света, их количество и масштабы увеличиваются с каждым годом.

Актуальность. Согласно данным, приведённым Уппсальским университетом, которые ежегодно публикуются в «Journal of Peace Research», в 2021 г. в мире насчитывалось 54 международных вооружённых конфликта (в которые было вовлечено 33 страны, в процессе которых погибло более 84 тыс. человек), а также 76 немеждународных вооружённых конфликтов (число погибших в них – 25,6 тыс. человек, при этом 10,7 тыс. человек – из числа мирного населения) [2]. Поскольку сегодня отсутствуют действенные ресурсы и инструменты для предотвращения вооружённых конфликтов, а международно-правовые средства мирного разрешения межгосударственных споров нередко демонстрируют свою недостаточную эффективность, актуальной проблемой остаётся вопрос защиты мирного населения в условиях таких конфликтов.

Выбор темы исследования объясняется также событиями, происходящими на территории Донецкой Народной Республики (далее – ДНР), которая находится в условиях вооружённого противостояния с Украиной ещё с 2014 г. По данным Следственного комитета Российской Федерации (далее – РФ), количество убитых мирных жителей Донбасса составило 2,6 тыс. человек [3], также из-за военных действий в регионе было частично повреждено более 11 тыс. объектов инфраструктуры [4]. Кроме того, для данного конфликта характерны массовые нарушения не только международного публичного права, но и международного права – прав человека (далее – МППЧ), а также международного гуманитарного права (далее – МГП), что, к сожалению, остаётся вне поля зрения мирового сообщества, несмотря на тот факт, что представители РФ во всевозможных международных организациях и на различных международных площадках постоянно обращают внимание на данные нарушения. К примеру, выступая на организованном РФ неформальном заседании Совета Безопасности ООН, постоянный представитель РФ при ООН Небензя В. А. заявил, что вследствие обстрелов Донбасса со стороны Вооружённых сил Украины (далее – ВСУ) погибло 4,5 тыс. человек (из них детей – 154) [5]; заместитель Главы МИД России Вершинин С. В. в обращении к представителям Международного Комитета Красного

Креста (далее – МККК) акцентировал внимание на несоблюдении норм МГП украинской стороной конфликта [6].

Обзор последних исследований и публикаций. Вопросы защиты мирного населения в условиях вооружённых конфликтов были предметом исследований ряда учёных, среди которых особо следует отметить следующих: И. Н. Арцибасова, Н. А. Акимов, В. А. Батырь, В. А. Боженко, С. А. Егорова, О. И. Тиунова, Н. В. Остроухова, Ю. В. Северинчика и др.

Цель статьи заключается в анализе природы вооружённого конфликта, происходящего в ДНР, правовых оснований и причин принятия решения Президентом РФ о проведении специальной военной операции (СВО) в Украине, а также способов защиты мирного населения ДНР.

Изложение основного материала исследования. Считаем, что анализу механизмов защиты мирного населения ДНР в условиях вооружённого конфликта должна предшествовать характеристика вида конфликта, происходящего на данной территории. Отметим, прежде всего, что решением Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, по делу «Тадич», было определено, что вооружённый конфликт имеет место всякий раз, когда государства прибегают к силе или когда происходит длительное вооружённое столкновение между правительственными силами и организованными вооружёнными группами, или же между такими группами внутри одного государства [7]. Это определение позволяет называть события в Донбассе «вооружённым конфликтом», ведь мы имеем длительный (начиная с 2014 г.) вооружённый конфликт между правительственными силами Украины и самопровозглашённой ДНР (позднее – РФ, о чём речь в статье пойдет далее) [8].

В международном праве различают международный и немеждународный вооружённые конфликты.

В соответствии со ст. 2, являющейся общей для всех четырёх Женевских конвенций 1949 г., нормы, касающиеся международных вооружённых конфликтов, применяются «в случае объявленной войны или любого другого вооружённого конфликта, возникающего между двумя или несколькими Высокими Договаривающимися Сторонами», а «также во всех случаях оккупации всей или части территории Высокой Договаривающейся Стороны» [9]. Ст. 1 Дополнительного протокола I к Женевским

конвенциям уточняет, что указанные положения применяются также в случае вооружённых конфликтов, «в которых народы ведут борьбу против колониального господства и иностранной оккупации и против расистских режимов» [9].

Как юридическое понятие «вооружённый конфликт немеждународного характера» используется в ч. 1 ст. 1 Дополнительного протокола к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающейся защиты жертв вооружённых конфликтов немеждународного характера (Протокол II от 8 июня 1977 года) [9], где среди прочего закреплено, что последний происходит на территории какого-либо государства между его вооружёнными силами и антиправительственными вооружёнными силами или другими организованными вооружёнными группами, которые, находясь под ответственным командованием, осуществляют такой контроль над частью её территории, что позволяет им осуществлять непрерывные и согласованные военные действия. Аналогичное определение дано и в п. 2 ст. 8 Римского статута Международного уголовного суда [10], и в экспертном заключении МККК [7].

Таким образом, в период с 2014 по 2022 год вооружённый конфликт на территории ДНР «с позиции международного права» можно квалифицировать именно как немеждународный. Однако после того, как Президентом РФ было принято решение о проведении специальной военной операции (далее – СВО) для «защиты людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со стороны киевского режима», когда Россия стала стороной данного конфликта, он «трансформировался» в международный. При этом основанием для принятия такого решения стало обращение глав ДНР и ЛНР об оказании помощи [11] и последующее разрешение Совета Федерации на использование Вооружённых сил РФ за пределами страны [12].

Таким образом, взяв за основу суть юридического понятия «международный вооружённый конфликт», а также присоединяясь к мнению Боженко В. А., считаем, что международный вооружённый конфликт необходимо определять как общественные отношения, возникающие между субъектами международного права в период, когда одна сторона применяет вооружённую силу против другой [13, с. 22]. Таким образом, хотелось бы ещё раз

подчеркнуть, что 24 февраля 2022 года стало «отправной точкой» в изменении вида вооружённого конфликта на территории ДНР [14].

Отметим, что сегодня в международном праве не существует нормативно закреплённого определения международной специальной операции (специальной военной операции, проводимой за пределами государства). Ст. 51 Устава ООН [1] регламентирует лишь неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону. В то же время история международных отношений демонстрирует достаточное количество случаев проведения последних. В качестве примера можно привести военную операцию «Союзническая сила», проводимую НАТО в Союзной Республике Югославия (начало – 24 марта 1999 года) без санкции Совета Безопасности ООН. При этом важно подчеркнуть, что в последующем для оправдания бомбардировок Югославии странами НАТО в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, представленном Генеральной ассамблее ООН в августе 2002 года, концепция «гуманитарной интервенции» «перекрывалась принципом ответственности по защите». Данный принцип «превратился» в международный механизм, «обязывающий защищать» (т. е. возможность международного сообщества, а точнее – государств с «сильным суверенитетом» – нарушать суверенитет любого государства, поскольку «вмешательство по защите» не требует согласия государства-мишени или его обращения в ООН [15, с. 38].

Ещё одним примером так называемой «миротворческой миссии» является военная операция «Иракская свобода», проводимая американско-британскими войсками в Ираке (начало – 20 марта 2003 года) без санкции Совета Безопасности ООН с целью лишения Ирака оружия массового уничтожения и защиты мирного населения. При этом важно подчеркнуть, что Генеральный Секретарь ООН К. Аннан в интервью каналу «Би-Би-Си» охарактеризовал такие действия как незаконное вторжение США в Ирак [16, с. 151]. Президент РФ Путин В. В. также осудил её проведение и в своём обращении отметил, что «совместная работа в рамках Совета Безопасности ООН, в том числе совместная работа с Соединёнными Штатами Америки, единогласное принятие резолюции 1441, не дающей право на применение силы, но позволившей возобновить деятельность международных

инспекторов, а также комплекс других мер воздействия на иракское руководство положили начало практической деятельности по разоружению Ирака мирными средствами» [17].

Такие примеры в практике межгосударственных отношений не единичны, к ним также можно отнести следующие: военная операция США и Великобритании «Несокрушимая свобода» против талибов в Афганистане; военная операция НАТО в Ливии, когда было осуществлено вмешательство в гражданскую войну в стране на стороне повстанцев против правительства Муаммара Каддафи, и пр.

РФ также не раз проводились миротворческие операции: в Сирийской Арабской Республике (начало – 30 сентября 2015 года) для противодействия террористическим формированиям «Аль-Каиды», «Исламского государства» и «Джебхат ан-Нусра» на стороне правительства Башара Асада и реализуемая в рамках двусторонних договорённостей России и Сирийской Арабской Республики [18]; в Казахстане (январь 2022 года) для охраны государственных и стратегических объектов, возвращения обстановки в государстве в правовое поле, в рамках реализации ст. 4 Договора о коллективной безопасности [19], где по запросу Президента Казахстана были введены миротворческие силы ОДКБ (РФ, Беларуси, Армении, Киргизии, Таджикистана); и, наконец, в ДНР и ЛНР (начало – февраль 2022 года), где проведению СВО предшествовало признание республик [20] и обращение их глав об оказании помощи [21]. Кроме того, проведение Россией СВО было продиктовано следующими причинами: 1) угроза безопасности РФ (масштабность, динамика распространения «антирусских настроений» в Украине, агрессивного национализма); 2) обеспечение коллективной безопасности, в том числе защита мирного населения ДНР; 3) бездействие Совета Безопасности ООН и «политика двойных стандартов» в вопросах деэскалации вооружённого конфликта в Украине; 4) открытое заявление Президента Украины об отказе в выполнении Минских соглашений [22]; 5) необоснованное расширение военно-стратегического потенциала стран НАТО на восток, что создавало объективные угрозы суверенитету России.

Продолжая рассмотрение вопроса защиты мирного населения ДНР в условиях действующего вооружённого конфликта, важно отметить, что «гражданское население» – это лица, принадлежащие

к мирному населению воюющего государства, не относящиеся ни к одной из категорий имеющихся участников боевых действий или непосредственно участвующие в военных действиях. Под защитой гражданского населения необходимо понимать не только обязанность не предпринимать в отношении таких лиц враждебных действий, но и применять определённые действия по осуществлению их безопасности. На этих лиц не только запрещено нападать, с ними следует всегда обращаться гуманно. В отношении данных лиц запрещаются такие действия: насилие над жизнью, здоровьем и физическим или психическим состоянием лиц; убийство; пытки всех видов, будь-то физические или психические; телесные наказания и увечья; надругательство над человеческим достоинством, в частности, унижительное и оскорбительное обращение, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой его форме; взятие заложников; коллективные наказания или угрозы совершить любое из вышеуказанных действий (ст. 75 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям [9]).

Однако, как свидетельствуют современные реалии, в условиях вооружённых конфликтов не всегда соблюдаются требования Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны и дополнительных к ней протоколов. Подтверждением этого являются многочисленные факты нарушений таких положений по отношению к мирному населению в ДНР. Так, например, 6 марта 2022 года националистическим подразделением «Азов» (запрещённая в России террористическая организация), был произведён обстрел колонны мирных граждан при их попытке выйти из Мариуполя по гуманитарному коридору на трассе М23 в направлении райцентра Новоазовска, который находился под контролем ДНР. Аналогичная ситуация произошла и во время движения колонны автомобилей с беженцами, следовавшей из Волчанска в Харьков. Кроме того, после отступления ВСУ с позиций под Артёмовском в ДНР союзными силами были найдены противотанковые мины французского производства EMP F2, которые нельзя извлечь или обезвредить после установки в боевое положение. Также ВСУ многократно сбрасывали на Донецк противопехотные мины ПФМ-1 «Лепесток», использование которых запрещено в вооружённых конфликтах из-за опасности

для гражданских лиц. Данный запрет закреплён конвенцией ООН, к которой присоединились 163 государства, включая Украину.

Конечно, такие примеры нарушений положений Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны и протоколов к ней не являются единичными. Так, согласно п. 4 ст. 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям [9] запрещено осуществлять нападения неизбирательного характера. В то же время города ДНР (Донецк, Горловка, Ясиноватая и др.) постоянно подвергаются активному обстрелу из реактивных систем залпового огня (причём «огонь» ведётся хаотично по местам массового скопления людей). Обстрелу подвергаются больницы, учебные заведения Республики, офис МККК и пр.

Согласно ч. 2 ст. 54 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям [9] с целью защиты гражданского населения и обеспечения его жизнедеятельности запрещается нападение, уничтожение, приведение в негодность объектов, необходимых для выживания гражданского населения, а именно: сооружений водоснабжения, запасов продуктов питания, продовольствия, производящих продовольствие сельскохозяйственных районов, посевов, скота, ирригационных сооружений и пр. В то же время сегодня в ДНР вследствие постоянных обстрелов практически полностью остановлен Южно-Донбасский водовод, систематически обесточиваются объекты энергосистемы и пр.

Все эти примеры демонстрируют массовые нарушения норм МППЧ и МГП, что неоднократно осуждалось Советом Безопасности ООН. В то же время «реакцией» последнего на массовые нарушения прав человека в восточной части Украины стало «напоминание» всем сторонам об их обязательствах в рамках МГП и МППЧ [23]. При этом важно подчеркнуть непоследовательность современной практики «оценки» вооруженных конфликтов Советом Безопасности ООН, поскольку им часто «клеятся» и осуждаются действия одной стороны конфликта, а аналогичные действия второй стороны конфликта «просто не замечаются», что можно наблюдать сегодня в связи с вооружённым конфликтом, происходящим на территориях Украины и РФ.

Аналогичная ситуация наблюдается сегодня и в «подходе» Управления Верховного комиссара ООН по правам человека (далее – УВКПЧ), деятельность которого осуществляется на местах и является демонстрацией того, каким образом Управление рассматривает обязательства как по МППЧ, так и по МГП в конкретных конфликтных ситуациях [24]. Кроме того, УВКПЧ проводит мониторинг состояния соблюдения прав мирного населения в условиях вооружённых конфликтов, данные которого достаточно часто поддаются критике, а в заявлениях ряда государств указывается на «политику двойных стандартов». Так, например, в МИД РФ доклад УВКПЧ ООН по Украине был назван «однбоким и несбалансированным». Как заявил официальный представитель МИД России Захарова М. В.: «Однбокий и несбалансированный характер представленного документа полностью следует в русле западных подходов к освещению украинского кризиса. Очевидно, что у Управления не хватает смелости для проявления принципиального подхода, чтобы правдиво и объективно отразить все военные преступления, преступления против человечности и нарушения прав человека, ответственность за которые несёт киевский режим» [25].

Учитывая вышеизложенное, РФ был предпринят ряд важных мер для поддержки и минимизации последствий вооружённого конфликта для мирного населения, проживающего на территории ДНР, а именно: организована массовая эвакуация населения (с выплатами единовременной материальной помощи), различного рода гуманитарные миссии (привлечение медицинского персонала, строителей, войск радиационной, химической, биологической защиты и др.), строительство водовода из реки Дон, «взятие» российскими регионами шефства над городами Республики и т. д.

Выводы по проведённому исследованию и направления дальнейших разработок по данной тематике. Таким образом, проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, решение Президента РФ о проведении СВО в Украине стало отправной точкой в «трансформации» вооружённого конфликта на территории ДНР из немеждународного в международный. Во-вторых, основанием для проведения Россией СВО на территории Украины стала реализация права на коллективную самооборону (ст. 51 Устава ООН и ст. 3 Договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между РФ и ДНР, а

также РФ и ЛНР). В-третьих, проведение Россией СВО было продиктовано не только необходимостью защиты мирного населения Донбасса в условиях вооружённого конфликта, но и угрозой безопасности самой РФ, открытым заявлением Президента Украины об отказе в выполнении Минских соглашений, необоснованным расширением военно-стратегического потенциала стран НАТО на восток, а также бездейственностью международных институциональных механизмов относительно защиты мирного населения Донбасса и «политикой двойных стандартов» в вопросах деэскалации вооружённого конфликта в Украине.

Список использованных источников

1. Устав Организации Объединённых Наций от 26 июня 1945 г. / Оф. сайт ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/charter-United-nations/index.html> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

2. Сколько людей гибнут в вооружённых конфликтах / +1 (Плюс Один). – URL: <https://plus-one.ru/society/2022/09/22/skolko-lyudey-gibnut-v-vooruzhennyh-konfliktah-po-vsemu-miru> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

3. Горький счёт: за восемь лет военных действий в Донбассе погибли тысячи мирных жителей / Известия. – URL: <https://iz.ru/1298773/nikolai-kuprianskii/gorkii-schet-za-vosem-let-voennykh-deistvii-na-donbasse-pogibli-tysiachi-mirnykh-zhitelei> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

4. Сколько разрушено домов и зданий в ДНР: появилась статистика / Комсомольская правда. – URL: <https://www.donetsk.kp.ru/online/news/2898917/> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

5. Небензя В. А. заявил, что число жертв среди населения ДНР и ЛНР за год составило более 4,5 тысяч / ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/16850559> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

6. МИД обратил внимание МККК на нарушение Украиной норм гуманитарного права / РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20221111/narushenie-1830875299.html> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

7. Как определяется в международном гуманитарном праве термин «вооружённый конфликт»? (экспертное заключение

Международного Комитета Красного Креста (МККК) (март 2008 г.). – URL: <https://www.icrc.org/ru/download/file/51020/armedconflictdefinition.pdf> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

8. Декларация о суверенитете Донецкой Народной Республики от 07 апреля 2014 г. – URL: [https:// worldconstitutions.ru/?p=1058](https://worldconstitutions.ru/?p=1058) (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

9. Женевские конвенции и протоколы к ним / ООН и международное гуманитарное право. – URL: <https://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

10. Римский статут Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. / Оф. сайт МККК. – URL: <https://www.icrc.org/ru/document/ustav-mezhdunarodnogo-ugolovnogo-suda-rimskiy-statut> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

11. О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой: Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1528966/> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

12. Об использовании Вооружённых Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации: Постановление Совета Федерации Федерального Собрания от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1528985/> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

13. Боженко, В. А. Международно-правовые основы участия России в урегулировании вооружённых конфликтов на территории Содружества Независимых Государств: дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.10 – Международное право; Европейское право / Валерия Алексеевна Боженко. – Москва, 2001. – 175 с. – Текст : непосредственный

14. О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики: Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210050005> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

15. Пономарева, Е. Г. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия / Е. Г. Пономарева, А. Г. Фролов. – Текст : непосредственный // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 2(65). – С. 32-56.

16. Меркушин, В. В. Международные специальные операции: понятие, проблемы международно-правового сопровождения, противодействие вызовам и угрозам безопасности государств / В. В. Меркушин. – URL: <https://lexrussica.msal.ru/jour/article/download/2781/1312> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

17. Заявление на совещании с руководителями Правительства, Администрации Президента и силовых ведомств по ситуации в Ираке / Оф. сайт Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21942> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

18. Двустороннее сотрудничество Российской Федерации и Сирийской Арабской Республики в военно-политической сфере: правовые аспекты / Международный правовой курьер. – URL: <http://inter-legal.ru/dvustoronnee-sotrudnichestvo-rossijskoj-federatsii-i-sirijskoj-arabskoj-respubliki-v-voenno-politicheskoy-sfere-pravovye-aspekty>. (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

19. Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. / Организация Договора о коллективной безопасности. – URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

20. О признании Донецкой Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 г. № 71. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

21. О ратификации Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой: Федеральный закон от 22 февраля 2022 г. № 15-ФЗ. – URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1528966/> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

22. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений. – URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/b/140221.pdf> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

23. Чрезвычайное заседание Совбеза: ООН «сожалеет» о решении России ввести войска в восточную Украину / Оф. сайт ООН. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2022/02/1418592> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

24. Международно-правовая защита прав человека в вооруженных конфликтах (Нью-Йорк и Женева, 2011 г.). С. 123. – URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Publications/HR_in_armed_conflict_RU.pdf (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

25. МИД назвал доклад ООН по Украине односторонним / РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/20221004/ukraina-1821487691.html> (дата обращения: 10.08.2023). – Текст : электронный.

УДК 351.746.1:004.9

DOI 10.5281/zenodo.10686280

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

ПОЛЯКОВ С.А.,

**канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права;**

МИТЬКО Д. В.,

**магистрант кафедры гражданского и
предпринимательского права,**

ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,

**Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена исследованию информационной безопасности как составляющей национальной безопасности государства, её понятию и сущности. Особый акцент в работе сделан на анализ исторических аспектов формирования и развития проблемы защиты информации. В результате проведенного исследования делается вывод о важности информационной безопасности как необходимом элементе национальной безопасности любого современного государства.

***Ключевые слова:** национальная безопасность, информационная безопасность, понятие, сущность, проблема защиты информации, исторический аспект*

DIGITALIZATION OF LEGAL SERVICES PROVIDED TO CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

POLYAKOV S. A.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil and Business Law;

MITKO D. V.,
master's student, Department of Civil
and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the study of information security as a component of national security of the state, its concept and essence. Special emphasis in the work is made on the analysis of historical aspects of the formation and development of the problem of information security. As a result of the study, the conclusion is made about the importance of information security as a necessary element of national security of any modern state.

Keywords: national security, information security, concept, essence, problem of information protection, historical aspect

Постановка задачи. Проблема защиты информации имеет древнюю историю, ведь человеку свойственно оберегать свои тайны. Особенное внимание защите информации уделяли государства; именно государственные структуры стали одними из первых использовать различные криптографические схемы для защиты правительственных, военных, дипломатических сообщений [1, с. 7]. Стремительное развитие информационных технологий в последние десятилетия только усилило роль информации в современном мире. И в ближайшее время такая тенденция навряд ли кардинально изменится, ведь политика цифровизации, проводимая сегодня многими государствами (в том числе Россией), безусловно, открывает как новые возможности, упрощая и автоматизируя многие процессы в обществе и государстве, так и влечёт за собой появление множества угроз, связанных, прежде всего, с возможной «утечкой» конфиденциальных данных, что способно навредить не только отдельным лицам и организациям, но и ударить по национальной безопасности государства.

Актуальность. Перед Россией сегодня стоят новые вызовы и чрезвычайно сложные задачи. Наша страна предстала перед

жизненной необходимостью защитить фундаментальные национальные ценности – независимость, территориальную целостность и суверенитет, основные права и свободы человека и гражданина, благосостояние, мир и безопасность – и обеспечить эффективное функционирование сектора безопасности и обороны в сжатые сроки в условиях ограниченных ресурсов. Залог успешного противодействия широкомасштабной внешней агрессии и устойчивого развития информационного общества в России сегодня заключается не только в увеличении технологических возможностей информационного обмена, но и в глубоком осознании всеми субъектами информационных отношений необходимости принятия всех мер для защиты информационных ресурсов и обеспечения информационной безопасности государства, что невозможно без чёткого понимания сущности информационной безопасности.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблематика информационной безопасности сложна и многоаспектна. Данное явление нередко становится объектом исследования учёных из различных наук. Общее понимание проблемы защиты информации были заложены в работах Сунь-Цзы, Т. Гоббса, Э. Канта, Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо и др. Среди современных научных деятелей, исследующих проблему информационной безопасности, можно выделить работы А. В. Бабаши, Е. К. Барановой, Д. А. Ларина, А. А. Филоновой, А. И. Поликанина, С. М. Григорьева, А. Д. Чеснокова и др.

Цель статьи – исследовать понятие и сущность информационной безопасности как элемента национальной безопасности государства; выявить основные этапы становления и развития проблемы защиты информации.

Изложение основного материала исследования. Защита информации обладает такой же древней историей, как и государство. Например, в Древней Спарте использовалась «скитала» для шифрования посланий [2, с. 131]. А во времена Древней Руси для защиты информации использовался «жаргонный код», а также иные методы и приёмы стенографии и шифрования [3]. С развитием технологий и средств передачи данных менялись и методы защиты информации.

Иначе говоря, категория «информационная безопасность» объективно возникла с появлением средств информационных

коммуникаций между людьми, а также с осознанием человеком наличия у людей и их сообществ интересов, которым может быть нанесён ущерб путём воздействия на средства информационных коммуникаций, наличие и развитие которых обеспечивает информационный обмен между всеми элементами социума.

Фундаментальные исследования информационной безопасности в современном понимании – явление для науки относительно новое. Однако, как справедливо отмечает А. Н. Поликанин, «ещё до начала эпохи развития средств информационной безопасности появилось понимание о том, что дезинформация – это тоже оружие». Так, нельзя не отметить труды великого китайского военного стратега и философа Сунь-Цзы (313-239 гг. до н. э.). Его трактат «Искусство войны» – первый письменный источник, в котором описано использование информации как средства ведения боевых действий [4, с. 5]. Сунь-Цзы, отмечал, что если продвинутый правитель или мудрый полководец побеждает своих врагов каждый раз, когда они вступают в бой, то это происходит благодаря опережающей информации [5].

Научное обоснование проблемы национальной безопасности в целом и её информационных аспектов в частности в современном понимании, а также отдельные направления её решения содержатся в трудах Томаса Гоббса и Эммануила Канта. Идеи безопасности в эпоху раннего просвещения отражены в философских и политических трудах Джона Локка. В эпоху Просвещения особое место занимают труды Ф. Вольтера, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо. Особое внимание данной проблеме уделяли и в период немецкой классической философии (Й. Фихте и Й. Гердер).

В целом, если рассматривать исторические аспекты развития информационных отношений, то можно выделить семь основных этапов становления информационной защиты.

Первый этап затрагивает внушительный пласт истории и продолжается вплоть до XIX в. н. э. Ключевая особенность – использование исключительно естественно образующихся средств информационных коммуникаций. Главная задача информационной безопасности тех лет – защита сведений о событиях, фактах, имуществе, местонахождении и других данных, имевших для человека лично или социума, к которому он принадлежал, жизненное значение. В широком смысле меры защиты информации

были направлены на предотвращение перехвата физических сообщений, особенно во время ведения боевых действий. Важным было и сохранение личной информации, в том числе о проведении торговых операций, изготовление или изобретение новых товаров, инновации в промышленном производстве и т.п.

Второй этап длился с 1816 по 1935 гг. В этот период впервые начинают использоваться технические средства электро- и радиосвязи. Иначе говоря, после того как информация переместилась с физических носителей к электромагнитному полю, возникла необходимость её защиты в принципиально новой плоскости. На данном этапе нужно было обеспечить скрытность и помехоустойчивость радиосвязи путём применения помехоустойчивого кодирования сообщения с последующим декодированием принятого сигнала.

Третий этап – с 1935 по 1946 гг. Он связан с появлением средств радиолокации и гидроакустики [6, с. 69]. Основным способом обеспечения информационной безопасности в те годы было сочетание организационных и технических мероприятий, направленных на повышение защищённости средств радиолокации от действия на их приёмные устройства активными маскировочными и пассивными имитирующими радиоэлектронными помехами. Особенно бурно на том этапе средства защиты информации развивались во время Второй мировой войны, поскольку от реализации политики информационной безопасности напрямую зависел успех той или иной операции, а также живучесть своих войск. В экономическом смысле средства защиты информации в тот период были направлены на обеспечение информационной безопасности новых технологий, прежде всего военного назначения.

Четвёртый этап – середина XX века. В этот период изобретены и внедрены в практику электронно-вычислительные машины (компьютеры), что обусловило рождение новой проблемы – обеспечение защиты информации, представленной в электронном виде. Задачи информационной безопасности решались методами и способами ограничения физического доступа к оборудованию средств добычи, переработки и передачи информации. Фактически в те годы информацию в электронном виде можно было добыть лишь получив физический доступ к оборудованию.

Пятый этап – 1960-1970-е годы. Он связан с созданием локальных информационных сетей. В этот период задачи информационной безопасности почти не изменились и заключались в физической защите элементов локальных сетей. Вместе с тем появились и новые задачи, в частности необходимость администрирования и управления доступом к сетевым ресурсам, которые на тот момент пока не могли подвергнуться внешнему воздействию.

Шестой этап начинается в конце 70-х – начале 80-х гг. Он характеризуется применением сверхмобильных коммуникационных механизмов, решающих высокотехнологичные задачи. С этого момента угрозы информационной безопасности стали гораздо серьезнее; нужно было разработать новые критерии безопасности. Более того, появились целые сообщества людей – хакеров, способных нанести ущерб информационной безопасности отдельных пользователей, предприятий, организаций и целых стран.

Седьмой этап – с 1985 г. по настоящее время. Стремительное развитие глобальных информационно-телекоммуникационных систем, а также широкое применение космических средств связи побуждает к поиску новых высокотехнологичных средств защиты информации. Всеобъемлющая автоматизация производственных процессов на предприятиях также требует расширения мер информационной безопасности, что требует постоянного обновления политики безопасности. Появилась новая отрасль международной правовой системы – информационное право.

Представленная классификация достаточно детально отражает процесс развития проблемы информационной безопасности, совершенствования информационных воздействий, угроз потенциального и реального характера, который вызвал в человеческом обществе трансформацию идей информационной безопасности, развитие методов и средств обеспечения информационной защиты.

Обращаясь к нормативному определению информационной безопасности, следует отметить, что легальное определение термина закреплено в п. «в» ч. 2 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации – состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних

информационных угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства [7].

Наиболее фундаментальные принципы взаимодействия с информацией и информационной безопасности закреплены в Конституции Российской Федерации [8]:

1) каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции РФ);

2) сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч.1 ст. 24 Конституции РФ);

3) каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ). Исключения составляют сведения, составляющие государственную тайну (ст. 5 Закона РФ «О государственной тайне») [9].

В научном сообществе, в свою очередь, нет единого определения информационной безопасности. Так, в контексте национальной безопасности информационная безопасность рассматривается и как самостоятельный элемент национальной безопасности страны, и как интегрированная составляющая любой другой безопасности: военной, экономической, политической и т. д.

На наш взгляд, такая неопределённость происходит из-за нескольких важных факторов:

1) информационная безопасность является объективным явлением, обусловленным объективными условиями общественного развития. Её возникновение происходит на фоне процесса информатизации общества, который, в свою очередь, всё ещё находится на стадии становления и требует дальнейшего тщательного изучения;

2) подход к определению наиболее верного толкования понятия «информационная безопасность» классифицируется по-разному ещё и с позиции различных наук (философия, юриспруденция, политология, социология, информатика т.п.) [10, с. 261]; при этом каждый рассматривающий её с точки зрения своей

научной области наполняет термин «информационная безопасность» собственным содержанием, ещё раз подчёркивая его сложность, затрудняющую выработку единого определения.

Сущность информационной безопасности заключается в формировании активной защиты в отношении приоритетных интересов, связанных с использованием информационных ресурсов, направленной на создание условий для нормального развития общества и экономики [11, с. 484].

На наш взгляд, информационная безопасность – это устойчивое состояние информационной сферы, обеспечивающее её целостность и защищённость объектов при наличии негативных внутренних и внешних воздействий, основанное на осознании человеком своих ценностей, потребностей (жизненно важных интересов) и целей развития.

Необходимо отметить, что информационная безопасность достигается не только средствами, методами и мерами защиты информационной среды и защиты объекта (субъекта) от деструктивных воздействий, но и формированием способности объекта (субъекта) противостоять деструктивным информационным воздействиям. Таким образом, задачей обеспечения информационной безопасности является создание оптимальных условий для функционирования информационной инфраструктуры, главным элементом которой является человек, способный постепенно развиваться и действовать в соответствии со своими ценностями и целями.

С точки зрения этого подхода, информационную безопасность Российской Федерации следует рассматривать как состояние, при котором в условиях противодействия реальным и потенциальным угрозам обеспечиваются самосохранение, устойчивое и прогрессивное развитие информационной сферы, в частности защищённость информационной инфраструктуры, информационного пространства, информационных ресурсов, информационных процессов и их субъектов, а также достижение соответствующих национальных целей и реализация национальных интересов в информационной сфере. В то же время обеспечение информационной безопасности государства – это непрерывный процесс деятельности компетентных органов, направленный на предотвращение и противодействие угрозам информационной

сфере, применение активных мер информационного воздействия, а также совокупность условий для этой деятельности, которые могут быть реализованы и контролируемыми в долгосрочной перспективе.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Проблема защиты информации обладает такой же древней историей, как и государство. С развитием технологий неизменно появлялись как новые способы передачи и хранения информации, так и новые угрозы информационной безопасности.

В современном мире информационная безопасность приобретает ещё большее значение. В текущей геополитической обстановке её обеспечение особенно важно для России. Соответственно, чрезвычайно важно правильное понимание содержания категории «информационная безопасность», что невозможно без её научного определения. Информационную безопасность необходимо рассматривать как перманентный процесс деятельности компетентных органов, направленный на предотвращение и противодействие угрозам в информационной сфере путём применения активных мер информационного воздействия, а также совокупность условий для такой деятельности, которая может реализовываться и контролироваться в течение длительного времени.

Информационная безопасность как ключевая составляющая национальной безопасности включает в себя обеспечение защиты информационного пространства и обеспечение безопасности культурного генофонда человечества в условиях глобализации. Важно ещё раз подчеркнуть, что помимо правовых, организационных, технических средств и методов важными составляющими процесса обеспечения безопасности информационной среды являются также социокультурные аспекты.

Список использованных источников

1. Бабаш, А. В. Информационная безопасность. История защиты информации в России: учебно-практическое пособие / А. В. Бабаш, Е. К. Баранова, Д. А. Ларин. – Москва : Изд. центр ЕАОИ, 2012. – 736 с. – Текст : непосредственный.

2. Филонова, А. А. Теоретические и исторические аспекты защиты информации в Российской Федерации / А. А. Филонова. –

Текст : непосредственный // Вестник Национального института бизнеса. – 2022. – № 1. – С. 478-489.

3. Ларин, Д. А. Защита информации в Древней Руси / Д. А. Ларин. – Текст : непосредственный // История и архивы. – 2010. – № 12 (55). – С. 13-35.

4. Поликанин, А. И. История и современные системы информационной безопасности: учебное пособие / А. И. Поликанин. – Новосибирск : СГУГиТ, 2022. – 44 с. – Текст : непосредственный.

5. Искусство войны: Сунь Цзы; [перевод с китайского, предисловие и комментарии академика Н. И. Конрада]. – Москва : Яуза: Эксмо, 2018. – 301 с. – Текст : непосредственный.

6. Григорьев, С. М. Возникновение и история развития проблемы защиты информации / С. М. Григорьев, О. В. Попов. – Текст : непосредственный // Евразийский научный журнал. – 2016. – № 4. – С. 67-72.

7. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 646 от 05.12.2016 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>. – Текст : электронный.

8. Конституция Российской Федерации; принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/. – Текст : электронный.

9. О государственной тайне: Закон Российской Федерации № 5485-1 от 21.07.1993 г. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2481/. – Текст : электронный.

10. Плеханов, С. М. Информационная безопасность как приоритет национальной безопасности / С. М. Плеханов. – Текст : непосредственный // Молодой учёный. – 2022. – № 24 (419). – С. 261-263.

11. Чесноков, А. Д. Информационная безопасность / А. Д. Чесноков. – Текст : непосредственный // StudNet. – 2022. – № 1. – С. 478-489.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЕЁ ПРОТИВОСТОЯНИЯ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ

РЕНЖИГЛО Р. Е.,
аспирант кафедры административного и
финансового права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы противостояния России с Коллективным Западом во время проведения вооружёнными силами РФ специальной военной операции на бывшей территории Украины. Проводится исследование данных вопросов в рамках нормативно-правовых актов Российской Федерации и норм международного права. В данной статье автором сделана попытка выработать рекомендации по обеспечению политической безопасности РФ в текущих условиях.

Ключевые слова: вооружённый конфликт, политическая безопасность, агрессия, самооборона

ENSURING RUSSIA'S POLITICAL SECURITY IN THE CONTEXT OF ITS CONFRONTATION WITH THE COLLECTIVE WEST

RENZHIGLO R. E.,
Postgraduate student of the Department of
Administrative and Financial Law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article deals with the issues of Russia's confrontation with the Collective West during a special military operation by the armed forces of the Russian Federation on the territory of Ukraine. The study of these issues is carried out within the framework of the normative legal acts of the Russian Federation and the norms of international law. Within the framework of this article, the author attempts to develop recommendations for ensuring the political security of the Russian Federation in the current conditions.

Keywords: armed conflict, political security, aggression, self-defense

Актуальность. В настоящее время между Россией и Коллективным Западом идёт острое противостояние в связи с проведением вооружёнными силами РФ на бывшей территории Украины специальной военной операции. В то же время в законодательстве РФ нет определения понятия «специальная военная операция», «война», также нет нормы, в которой чётко были бы прописаны основания для объявления войны и действия государственных органов в военное время, что открывает возможности для произвольного толкования действий вооружённых сил РФ в текущих условиях.

Постановка задачи. Проанализировать законодательство РФ для определения того, можно ли данный вооружённый конфликт между Россией и Украиной назвать «войной»? Выяснить, кто из сторон конфликта является агрессором? Выработать рекомендации по обеспечению политической безопасности РФ в текущих условиях.

Анализ последних исследований и публикаций. Анализ различных точек зрения вызывает дискуссии при определении, какой вооружённый конфликт можно назвать войной и кто является участниками вооружённого конфликта? Также вызывают дискуссию вопросы, касающиеся того, какими именно материальными нормами необходимо руководствоваться для реализации права государства на самооборону от агрессии.

В настоящее время на бывшей территории Украины уже почти два года ведутся активные боевые действия между вооружёнными силами РФ и вооружёнными силами Украины, направляемыми и поддерживаемыми Коллективным Западом во главе с США. Вооружённый конфликт приобрёл масштабный и затяжной характер.

В связи с этим возникают вопросы:

- кто является сторонами данного вооружённого конфликта?
- кто является агрессором?
- можно ли данный вооружённый конфликт назвать «войной»?
- каким образом можно остановить данный вооружённый конфликт?
- какие меры необходимо предпринять для обеспечения политической безопасности РФ в текущих условиях?

Перед тем как ответить на данные вопросы, необходимо кратко напомнить, с чего начался военный конфликт на Украине.

22 февраля 2014 года на Украине состоялся государственный переворот, власть захватила клика оголтелых националистов. Данный переворот был проведен извне – силами Коллективного Запада по сценарию «цветных революций», аналогичному тем, которые были осуществлены в 2000 году в Югославии, в 2003 году в Грузии, в 2011 году в Ливии, Египте, Тунисе.

В результате государственного переворота на Украине к власти пришло правительство, ориентированное на сближение с Западом, вступление Украины в НАТО, разрыв всех исторических, культурных, экономических связей с Россией. Огромная часть населения Украины не поддержала государственный переворот и отказалась подчиняться новым нелегитимным властям.

Новые киевские власти отказались вступать в диалог с жителями Юго-Востока и прислушаться к их требованиям федерализации Украины, а решили силовым путём подавить оппонентов, объявив их «сепаратистами». Для подавления «сепаратистских» выступлений украинское руководство объявило о начале антитеррористической операции и введении в Донбасс вооружённых сил Украины, что являлось нарушением Конституции Украины. В ответ на Донбассе началось формирование отрядов народного ополчения. Началось вооружённое противостояние между киевскими властями и населением Донбасса, на территории Донецкой и Луганской области прошли референдумы, по результатам которых были провозглашены Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР).

Начавшиеся боевые действия между Украиной и ДНР и ЛНР переросли в полномасштабный вооружённый конфликт, сопровождающийся гибелью комбатантов, мирного населения, разрушением городов и сёл Донбасса. Киевские власти силой захватили часть территорий ДНР и ЛНР, а на остальной территории республик Донбасса перестали выплачивать пенсии и заработные платы, ограничили передвижение людей, товаров, продуктов, подачу водоснабжения, электричества. Также в отношении сторонников молодых Республик началось уголовное преследование правоохранительными органами Украины, также на Украине были созданы националистические батальоны для расправы с жителями Донбасса. В этих условиях поддержку

населению Донбасса, как и в военном, так и в гуманитарном плане, начала оказывать Россия. Благодаря стойкости и умелым действиям ополченцев ДНР и ЛНР и поддержке России удалось сдержать наступление противника и нанести ему ряд военных поражений. Видя то, что военные действия проходят неудачно, и могут привести к полному поражению украинских войск, киевские власти пошли на хитрость и призвали мировое сообщество вмешаться в ситуацию и остановить боевые действия.

03.09.2014 года в ходе поездки в Монголию президентом РФ Путиным В. В. был озвучен мирный план в целях прекращения кровопролития и стабилизации обстановки на юго-востоке Украины, который предусматривал отвод вооружённых подразделений силовых структур Украины на расстояние, исключающее возможность обстрела населённых пунктов артиллерией и всеми видами систем залпового огня, прекращение активных наступательных операций вооружённых сил, формирований ополчения юга-востока Украины на донецком и луганском направлениях, [7], который стал основой для переговорного процесса между киевскими властями и властями ДНР и ЛНР при посредничестве представителей России, Франции и Германии. Данный переговорный процесс получил название Минский процесс, так как проходил он в г. Минске. В результате Минского процесса 12 февраля 2015 года были выработаны договорённости, которые вошли в Минские соглашения. Подписантами Комплекса мер по выполнению Минских соглашений были участники Трёхсторонней Контактной группы: Посол Хайди Тальявини, Второй Президент Украины Л. Д. Кучма, Посол Российской Федерации на Украине М. Ю. Зурабов. Данные соглашения предусматривали то, что отдельным районам в Донецкой и Луганской областях будет предоставлен особый статус в составе Украины. В Комплекс мер по выполнению Минских соглашений также входили и такие обязательства, как:

– незамедлительное и всеобъемлющее прекращение огня в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины и его строгое выполнение, начиная с 00 ч. 00 мин. (киевское время) 15 февраля 2015 года;

– отвод всех тяжёлых вооружений обеими сторонами на равные расстояния;

– обеспечение помилования и амнистию путём введения в силу закона, запрещающего преследование и наказание лиц в связи с событиями, имевшими место в отдельных районах Донецкой и Луганской областей Украины;

– на основе принципа «всех на всех» освобождение и обмен всех заложников и незаконно удерживаемых лиц;

– на основе международного механизма обеспечить безопасный доступ, доставку, хранение и распределение гуманитарной помощи нуждающимся;

– возобновление налогообложения в рамках правового поля Украины, восстановление социально-экономических связей, включая социальные переводы, такие как выплата пенсий и иные выплаты (поступления и доходы, своевременная оплата всех коммунальных счетов);

– вывод военной техники, а также наёмников с территории Украины под наблюдением ОБСЕ, а также всех иностранных вооружённых формирований [9].

По инициативе России 17 февраля 2015 года Совет Безопасности ООН единогласно одобрил резолюцию № S/RES/2202 (2015) по Украине. В ней члены Совета Безопасности поддержали Комплекс мер по выполнению Минских соглашений, принятых и подписанных в Минске 12 февраля 2015 года [4].

После подписания Комплекса мер по выполнению Минских соглашений киевские власти в течение 8 лет саботировали его выполнение. Ни одно из взятых на себя обязательств ими фактически выполнено не было, хотя декларативно представители Украины всегда говорили, что они являются приверженцами их выполнения. На самом деле все эти 8 лет Украина готовилась силовым путём разрешить этот конфликт: одновременно подготавливалась эшелонированная оборона на линии соприкосновения и накапливались там силы для наступления, численность вооружённых сил Украины увеличилась, проходило обучение военнослужащих Украины иностранными специалистами, увеличились поставки вооружения из-за рубежа; обстрелы Донбасса, в которых гибли мирные жители, разрушалась транспортная и хозяйственная инфраструктура, не утихали. Кроме этого Украина начала строительство баз НАТО на своей территории и заявила о необходимости воссоздания своего ядерного оружия и размещении ядерного оружия стран

Коллективного Запада на своей территории, что создавало непосредственную угрозу безопасности РФ.

Ввиду отказа Украины от мирного урегулирования конфликта в соответствии с Минскими соглашениями, активизации обстрелов мирного населения Донбасса, захвата населённых пунктов, находящихся в т.н. «серой зоне», что свидетельствовало о переходе Украиной к силовому сценарию по захвату ЛНР, ДНР и Республики Крым, и в связи с созданием угрозы для существования самой России, 21 февраля 2022 года Владимир Путин подписал указы о признании Донецкой Народной Республики [14] и Луганской Народной Республики [15]. Кроме того, в этот же день были подписаны договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключённые между Россией и ДНР [8] и ЛНР [9], которые предусматривали, что, для противодействия актам агрессии ЛНР, ДНР и Россия будут оказывать друг другу военную помощь, используя своё право на индивидуальную или коллективную самооборону, в целях устранения угрозы миру и нарушения мира [8, 9].

Выполняя свои обязательства согласно указанным договорам [8, 9], в целях защиты населения Донбасса, а также самообороны на основании ст. 51 Устава ООН [5], руководство РФ 24 февраля 2022 года приняло решение о проведении на территории Украины специальной военной операции для поддержания и восстановления международного мира и безопасности в данном регионе. При этом важно учесть, что народ России и её руководство абсолютно обоснованно рассматривает Крым, Донбасс и другие территории Новороссии и Малороссии как неотъемлемую часть исторической России. Данная позиция получила и юридическое подтверждение 30 сентября 2022 года, когда после референдумов, проведенных в ДНР, ЛНР, Херсонской и Запорожской областях, были подписаны договоры о принятии в состав России данных территорий и образовании новых субъектов Российской Федерации, и 4 октября 2022 года был принят соответствующий Федеральный закон. С учётом этого любая агрессия в отношении этих территорий и населения стала агрессией против РФ.

Таким образом, Россия всегда являлась и является ответственным исполнителем международных обязательств и защитником своего населения от агрессии, развязанной Украиной и поощряемой Коллективным Западом, а действия России являются

самообороной от агрессии Украины. Данная позиция руководства России по защите от агрессии основывается как на международных актах, таких как устав ООН [5], так и на отечественном законодательстве.

Так, согласно ст. 3 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права агрессией против Российской Федерации признаётся применение вооружённой силы иностранным государством (группой государств) против суверенитета, политической независимости и территориальной целостности Российской Федерации или каким-либо иным образом, несовместимым с Уставом ООН [17]. Учитывая, что против территориальной целостности Российской Федерации была применена вооружённая сила, в соответствии с частью 2 статьи 87 Конституции Российской Федерации [2] и статьями 3 и 4 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» 19 октября 2022 года [17] Президентом России был издан указ «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» [13].

Отвечая на вопрос, можно ли данный вооружённый конфликт назвать «войной», следует отметить, что сам термин «война» в законодательстве России и в международных актах не раскрыт. Так, в Военной доктрине Российской Федерации от 25 декабря 2014 года № Пр-2976 даётся определение таким понятиям, как: военный конфликт; вооружённый конфликт; локальная война; региональная война; крупномасштабная война.

В данных понятиях общим является то, что противоборствующие силы разрешают конфликт с применением военной силы для достижения военно-политических целей, а различия проявляются в масштабе охвата территории, подверженной военному столкновению и затрагивании интересов сопредельных государств военными действиями [1].

Такого определения не даёт законодателем и в Федеральном законе от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», а только указывается в ст. 18 данного закона, что состояние войны объявляется федеральным законом в случае вооружённого нападения на Российскую Федерацию другого государства или

группы государств, а также в случае необходимости выполнения международных договоров Российской Федерации. С момента объявления состояния войны или фактического начала военных действий наступает военное время, которое истекает с момента объявления о прекращении военных действий, но не ранее их фактического прекращения [16].

Закреплённая в данной статье необходимость объявления состояния войны соответствует положениям III Гаагской Конвенции об открытии военных действий от 18 октября 1907 года [3]. Согласно ст. 3 данной Конвенции, военные действия между странами не должны начинаться без предварительного и недвусмысленного предупреждения, которое будет иметь или форму мотивированного объявления войны, или форму ультиматума с условным объявлением войны. О состоянии войны должны быть без промедления оповещены нейтральные государства, и оно будет иметь для них действительную силу лишь после получения оповещения [3].

Объявление состояния войны осуществляется федеральным законом. В соответствии со ст. 106 Конституции Российской Федерации, Федеральный закон по вопросу о войне, принятый Государственной Думой, подлежит обязательному рассмотрению в Совете Федерации [2].

Таким образом, с юридической точки зрения вооружённый конфликт между РФ и Украиной нельзя назвать в настоящее время войной. Что касается самого определения понятия «война», то оно приводится в различных источниках, которые в той или иной мере отличаются друг от друга.

Так, по мнению К. Клаузевица, «война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю» [10].

Согласно военному энциклопедическому словарю, «война – это общественно-политическое явление, продолжение политики насильственными средствами, подчиняющееся своим законам» [6].

Согласно толковому словарю Ожегова, «война – это вооружённая борьба между государствами или народами, между классами внутри государства» [12].

По нашему мнению, «война» – это насильственные, с применением оружия, действия противоборствующих сторон в лице вооружённых сил и других воинских формирований различных государств или общегосударственных либо

региональных политических сил одного государства, с целью навязывания оппоненту своей воли, с использованием экономических, дипломатических, идеологических, информационных и других средств борьбы.

В настоящее время имеется необходимость формулирования понятия «война», соответствующего современному российскому праву и включения данного понятия в Военную доктрину РФ и в Федеральный закон «Об обороне».

Ввиду того, что руководство Украины в настоящее время не желает вести никаких переговоров с РФ, при этом отказывается совместно с Коллективным Западом предоставить гарантии безопасности России, включая не вхождение Украины в блок НАТО, а также не признаёт новые территориальные реалии, на наш взгляд, достичь прекращения данного вооружённого конфликта с Украиной можно только тогда, когда будут полностью решены задачи, которые ставились Президентом РФ перед началом специальной операции, то есть – демилитаризация, денацификация Украины и обеспечение безопасности для жителей новых территорий России.

Учитывая, что Коллективный Запад всемерно помогает Украине, предоставляя ей огромную финансовую и военную помощь, при этом заявляя, что конфликт между Украиной и Россией можно решить только военным путём, то можно предположить, что западные союзники Украины заинтересованы в продолжении данного конфликта, желают военного поражения РФ и ставят своей конечной целью развал России на отдельные, управляемые извне территории. При этом следует понимать, что Коллективным Западом для решения указанных целей будут предприниматься как военные меры, так и технологии «цветных революций» для смены политического режима в России. И этого нельзя допустить.

В целях обеспечения политической безопасности России, на наш взгляд, в настоящее время необходимо:

– усиление работы правоохранительных органов и спецслужб РФ по выявлению и пресечению разведывательной деятельности специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, направленной на нанесение ущерба безопасности РФ, а также деятельности террористических организаций, группировок, направленных на насильственное изменение основ

конституционного строя РФ, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти (включая насильственные действия в отношении государственных, политических и общественных деятелей);

– развитие системы профессиональной подготовки кадров в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности;

– обеспечение безопасности критически важных для государства информационных систем от кибератак, ограничение доступа граждан от влияния средств массовой информации Коллективного Запада, телеграмм каналов, распространяющих намеренно фейковые новости о России, ограничение доступа к интернету лицам заподозренным в экстремисткой деятельности;

– укрепление режима безопасного функционирования предприятий, организаций и учреждений оборонно-промышленного, ядерного, химического и атомно-энергетического комплексов страны, а также объектов жизнеобеспечения населения;

– преодоление разногласий и объединение всех политических сил РФ в условиях санкционного давления на Россию и угрозы военной агрессии со стороны Коллективного Запада для эффективного участия в управлении государством в условиях проведения специальной военной операции;

– укрепление международного сотрудничества со странами, которые также подвергаются несправедливым санкциям со стороны Коллективного Запада, защищающие свои традиционные ценности, отстаивающие свой суверенитет.

Такие меры позволят парировать угрозы политической безопасности РФ и позволят успешно противостоять России в глобальном противостоянии с Коллективным Западом.

Список использованных источников

1. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW172989/. – Текст : электронный.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW28399/>. – Текст : электронный.

3. Гаагская Конвенция об открытии военных действий от 18 октября 1907 года. – URL: <https://european-court-help.ru/iii-gaagskaja-konvencija-ob-otkrytii-voennyh-dejstvii-dejstvujushhaja-ot-18-oktjabrja-1907-goda/>. – Текст : электронный.

4. General 17 February 2015 Resolution 2202 (2015) Adopted by the Security Council at its 7384th meeting. – URL: <https://newcoldwar.org/text-of-un-security-council-resolution-and-discussion-on-ukraine-on-feb-17-2015/>. – Текст : электронный.

5. United Nations Charter (full text). Article 51. – URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>. – Текст : электронный.

6. Военный энциклопедический словарь Министерства обороны СССР. – Москва : Военное изд-во, 1984. – С. 151. – Текст : непосредственный.

7. Евгений Рожков. Вести. Ру. Мирный план Путина: семь шагов к нормальной жизни на Украине. – URL: <https://www.vesti.ru/article/1799663>. – Текст : электронный.

8. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 15-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 года). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280001>. – Текст : электронный.

9. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Луганской Народной Республикой от 21 февраля 2022 года (ратифицирован Федеральным законом от 22 февраля 2022 года № 16-ФЗ, вступил в силу 25 февраля 2022 года). – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202280002>. – Текст : электронный.

10. Клаузевиц Карл фон. О войне / Карл фон Клаузевиц. – Москва : Госвоениздат, 1934. – С. 132. – Текст : непосредственный.

11. Комплекс мер по выполнению Минских соглашений от 12.02.2015 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4804>. – Текст : электронный.

12. Толковый словарь Ожегова. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=3653>. – Текст : электронный.

13. О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики,

Запорожской и Херсонской областей: Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210190002>. – Текст : электронный.

14. О признании Донецкой Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202202220002>. – Текст : электронный.

15. О признании Луганской Народной Республики: Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 72. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403457794/>. – Текст : электронный.

16. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ (последняя редакция). – URL: <https://www.consultant.ru/document/consdocLAW10591/>. – Текст : электронный.

17. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 N 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2017). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW35227/. – Текст : электронный.

УДК 340.115:342.71

DOI 10.5281/zenodo.10686324

ПРАВОВАЯ ДОКТРИНА ГРАЖДАНСТВА: ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

**РУДЕНКО П.В.,
аспирант юридического факультета,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассматривается методология исследования доктрины гражданства как результат философско-, государственно- и политико-правового дискурса, в рамках которого происходит процесс взаимодействия разнообразных когнитивных стратегий постижения и наглядности этого правового института, определяются фундаментальные методологические основы его рационального познания. В частности, автор делает вывод о том, что методология исследования правовой доктрины гражданства должна быть разумным сочетанием трёх взаимосвязанных компонентов – доктринально-идеологического, стратегического и

инструментального с применением антропосоциокультурного подхода исследования.

Ключевые слова: метод, методология исследования, методы исследования, гражданство, правовая доктрина гражданства

LEGAL DOCTRINE OF CITIZENSHIP: ISSUES OF RESEARCH METHODOLOGY

RUDENKO P. V.,
postgraduate student of the Faculty of Law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article examines the methodology of the study of the doctrine of citizenship as a result of philosophical, state and political-legal discourse, within which the process of interaction of various cognitive strategies of comprehension and visibility of this legal institution takes place, the fundamental methodological foundations of its rational cognition are determined. In particular, the author concludes that the methodology of the study of the legal doctrine of citizenship should be a reasonable combination of three interrelated components – doctrinal-ideological, strategic and instrumental with the application of an anthroposociocultural research approach.

Keywords: method, research methodology, research methods, citizenship, legal doctrine of citizenship

Постановка задачи. Проблемы методологии исследования являются концептуальной основой для любой науки, особенно остро данный вопрос стоит в настоящее время с учётом модернизации всех сфер деятельности, обусловленных научно-техническим прогрессом, при котором происходит усложнение процессов осмысления происходящих изменений современного социума. А это, в свою очередь, обуславливает значимость тех средств, которые применяются наукой для решения новых задач. Справедливым является высказывание Бучакова М. А. о том, что «...определить всякое явление, в том числе и политико-правовое, значит – установить специфический набор его объективных свойств, необходимых и достаточных для его индивидуализации, выделения из ряда схожих явлений» [1, с. 30]. Это обуславливает возникновение новых форм организации науки для достижения практических результатов и разработки единых концепций и стратегий научных исследований.

Актуальность исследования объясняется не только многообразием подходов в понимании понятия и структуры методологии, но и актуализации проблематики гражданства на современном этапе социогенеза.

Анализ последних исследований и публикаций. Проблема методологии научных исследований освещалась в работах авторов, занимающихся изучением различных научных сфер. Теоретико-методологическая актуализация современных гуманитарных наук содержится в работах Н. С. Автономовой, З. С. Алябьевой, М. М. Бахтина, А. Г. Бермуса, В. Г. Борзенкова, А. А. Бруднова, О. Г. Дробницкого, В. В. Ильина, И. Т. Касавина, Н. И. Киященко, В. Г. Кузнецова и др. При этом проблемные аспекты системного взаимодействия естественных и гуманитарных наук, детерминации научного знания в исследовательской литературе освещались И. Т. Касавиным, Б. М. Кедровым, В. Е. Кемеровым.

Многообразие подходов в понимании непосредственно понятия методологии нашло своё отражение в трудах таких учёных-юристов, как В. П. Казимирчука, Д. А. Керимова, В. А. Козлова, В. М. Сырых, Н. Н. Тарасова, А. А. Ушакова, Р. Лукича и др.

Возможности использования синергетического подхода в социально-гуманитарных науках в целом нашли отражение в исследованиях Е. А. Антонова, В. Т. Волова, В. С. Егорова, Д. Ф. Китаева, А. В. Кокина, Е. Н. Князевой, В. С. Лутая, В. С. Степина, Н. М. Таланчука, М. И. Штеренберга и др.

Освещение проблем теории права и методологии права получило в научных трудах С. С. Алексеева, С. Н. Братуся, Л. И. Спиридонова, Ю. А. Тихомирова, О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородского, Л. С. Явича, М. И. Брагинского, Д. А. Керимова, В. В. Лазарева, М. Н. Марченко, В. М. Сырых и др.

Фундаментальное значение для понимания и осознания процессов трансформации методологии юриспруденции и места и функций подходов в этой системе занимают труды М. А. Дамирли, О. Ф. Скакун и других.

Общие вопросы методологии отраслевых юридических наук изучались в работах С. И. Аскназия, О. С. Иоффе, О. А. Красавчикова, Е. Г. Комиссаровой, О. А. Кузнецовой, Е. А. Суханова, Г. Ф. Шершеневича, В. Ф. Яковлева и некоторых других учёных.

Цель исследования. На основе комплексного анализа подходов и теорий методологии научного исследования целью данной статьи выступает определение методологии исследования правовой доктрины гражданства.

Изложение основного материала исследования. Как справедливо отмечал в своё время Г. Еллинек «...всякий приступающий к исследованию основных социальных проблем не может не почувствовать с первых же шагов отсутствия глубоко продуманной методологии» [2, с. 19-20].

Не вдаваясь в глубину проблемы трактовки понятия «методология» в современной науке, отметим, что в юридической литературе оно употребляется в различных значениях. Так, Карташов В. Н. отмечает следующие отрасли науки: «...философские и теоретические проблемы юридической науки, совокупность методов познания, учения о методах, о применении теоретических принципов, логических и иных приёмов и специальных средств исследования правовых явлений и процессов, самостоятельные научные теории, дисциплины и метадисциплины» [3, с. 137-138].

Также считаем необходимым указать на то, что в науке методология рассматривается в широком (как теория человеческой деятельности, деятельность научного рационального познания, мышления и продуцирования знания) и узком (как совокупность исследовательских процедур, методов, включая приёмы сбора и обработки данных) смыслах [4, с. 37].

При этом каждый автор, не обходя отдельных трактовок методологии, определяет сущностную деталь по-своему. В советском энциклопедическом словаре под ред. Прохорова А. М. методология рассматривается, как «учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности» [5, с. 795]. Методология исследования уникальна по своей природе и выступает динамичным явлением в связи с обновляющимися потребностями, запросами социальной практики современной науки.

В свою очередь мы соглашаемся с мнением учёных, утверждающих, что своеобразным балансом между слишком широкой и достаточно узкой интерпретацией содержания термина «методология» считается многоуровневый подход, в котором выделяют общие методы научного познания – анализ и синтез,

восхождение от абстрактного к конкретному и т.д. (философская методология); общие для многих наук, междисциплинарные методы познания – системный и организационный анализ; семиотический, синергетический подходы (общенаучная методология); теория и методы юридической науки (сравнительно-правовой); методика как совокупность механизмов (операций) и процедур, применяемых при конкретных исследованиях правовой доктрины гражданства.

Характерно то, что методология каждого научного исследования в сфере юриспруденции имеет трёхступенчатую структуру: исследовательские подходы, методы и приёмы.

В основу исследования методологии правовой доктрины гражданства а priori заложена избранная нами проблема общественного значения, возникающая на почве несоответствия в развитии её научного знания. Такой проблематикой отличаются в нынешнее время вопросы приобретения и прекращения гражданства (особенно, проблема приобретения лицом гражданства от рождения), функционирования его нормативных элементов, которые являются статическими (нормы, принципы, элементы); организационных элементов (правоустанавливающие документы и правоприменительная практика); идеологические особенности (правовое сознание, государственная идентичность, государственная сохранность). Однако, заметим, что названная статичность отдельных элементов является весьма относительной.

Очевидно, сфера гражданства тесно связана с обеспечением на современном этапе развития государства повсеместного соблюдения принципов права и пропорциональности, что объясняет актуальность формирования концепции гражданства на этапе преодоления цивилизационного кризиса правовых ценностей и принципов, как на мировом, так и локальном уровне. Методология исследования доктрины гражданства – это, прежде всего, результат философско-, государственно- и политико-правового дискурса, в рамках которого происходит процесс взаимодействия разнообразных когнитивных стратегий постижения и наглядности этого правового института, определяются фундаментальные методологические основы его рационального познания.

Благодаря такому определению, считаем, что методология исследования правовой доктрины гражданства должна быть

разумным сочетанием трёх взаимосвязанных компонентов – доктринально-идеологического, стратегического и инструментального. Размышляя о доктринально-идеологическом компоненте, в первую очередь имеется в виду парадигма исследовательского видения права человека на гражданство, основания его обретения и прекращения, двойное (множественное) гражданство, апатридизм (безгражданство). Стратегический компонент состоит в наборе подходов, которые обуславливают общую направленность исследования гражданства, постижения его сущности и правовой природы, современных вызовов и перспектив (механизмов), инструментария их решения. И, наконец, инструментальный компонент методологии исследования правовой доктрины гражданства традиционно предполагает применение системы когнитивных практик (познавательного инструментария), набор методологических инструментов в процессе самого исследования.

Закономерно признать, что на теоретическом уровне правовая доктрина гражданства может и должна опираться на новейшие и современные достижения в методологии правовой науки, то есть на её междисциплинарные идеи. Однако такой подход не может быть ограничен рамками современных достижений исключительно в сфере теории государства и права, философии права, гражданского, административного, конституционного или международного права, истории политических и правовых учений и т.д. Определение оптимальных путей в поиске конструктивных идей в познании доктрины гражданства возможно посредством концепций самоорганизации, нелинейности, проблемы эволюционирования права.

Антропосоциокультурный подход исследования правовой доктрины гражданства характеризуется взаимопроникновением таких его свойств, как антропность, конструктивность, контекстуальность и функциональность, обуславливающие природу этого института [6, с. 147-151]. Антропность (человекомерность) проявляется в фундаментальности, неотъемлемости, неотчуждаемости, естественности и универсальности права каждого человека на гражданство, принадлежащее ему от рождения, и не должно формально зависеть от его социального статуса или «демографических» особенностей.

Траектория развития основополагающих («естественных») прав человека, их социальная природа, как особая форма проявления взаимодействия и влияния общности на отдельного субъекта права, выступает ядром правового исследования в области гражданства.

Следующее свойство антропосоциокультурного подхода исследования правовой доктрины гражданства – конструктивность, предполагающая, что право человека на гражданство является конструктом, связанным с глубинными потребностями и естественными интересами человека в упорядочении своей связи (идентификации себя) с конкретным государством, осознании и определении круга прав, обязанностей и привилегий, являющихся её основополагающими составляющими элементами, установлении границы между частным и публичным.

Известно, что контекстуальность воспроизводит сущностные признаки гражданства, рассмотренные в философских трактатах, международно-правовых документах, национальном законодательстве, судебной практике и конкретных правовых ситуациях.

И, наконец, последнее свойство, функциональность, демонстрирующая эффективность гражданства как конституционно-правового института, действенность механизмов и инструментария его эволюционирования на протяжении многих веков в России и мире, характерных для демократических государств.

Рассмотрение каждой доктрины в социальном познании продиктовано условиями её возникновения и обстоятельствами, при которых она раскрыта как общественно значимая в современном обществе. В сфере юридической деятельности наблюдается ежедневное усложнение общественно-политической ситуации, рост преступных проявлений девиантного поведения, трансформации социальных взаимосвязей и противоречий и др. Все вышеперечисленные видоизменения каждый раз побуждают познавать непознанное и непознаваемое, а в силу мировой нестабильности и неустойчивости эти процессы не могут быть простыми. Каким бы ни было современное содержание теоретических постулатов понятий «метод» и «методология», они будут лишь дополнением к уже имеющимся в науке, хотя субъекты права не сегментируют свои простые деяния, которые можно

объяснить разве что вне нерациональных помыслов и желаний, задуманных как чей-то политический преступный или ментальный и т.д. проект. В этой связи логистика методологического познания в каждом частном случае будет иметь лишь переменную X – подобную модель углубления в сущность исследования и его всестороннего изучения.

Несмотря на продолжающиеся научные дискуссии о наличии/отсутствии юридического метода для познания права, в исследовании правовой доктрины гражданства ключевое место занимает специально-юридический метод, который, по нашему мнению, является наиболее эффективным для исследования сущности и правовой природы гражданства.

Очевидно, что как бы ни трактовали, с одной стороны, полиполярность, полисемантизм явлений, деяний субъектов права, а с другой, критически оценивая каждый теоретический подход к познанию, всё же, в каждом отдельном случае направление осмысления будет опираться на определённые традиционные основополагающие постулаты методологии, а далее оно будет приобретать творческое развитие с проекцией на конкретную доктрину, которая в каждом таком случае будет другой версией установления истинного познания.

То есть в авторской методологии исследования правовой доктрины гражданства обязательно будет «индивидуальное целеполагание». Именно оно, по нашему мнению, является основным маркером авторства. Кроме творческого ценностного способа видения цели познания, достаточно важным тезисом является «метод нравственной техники», о котором не так часто упоминают исследователи в разных сферах науки. Если бы над этим задумывались все исследователи, результаты которых мы можем оценивать в настоящее время, то количество отрицаемых или морально ложных для человечества открытий и теорий было бы значительно меньше. Для доктрины гражданства данная константа выступает основополагающей; хотя в теории методологии И. Г. Фишмана сделан акцент на методологическом «универсуме». В частности автор, выводя нас «из круга задач методологии», говорит «не о цели духовно-научного познания, а о методологии деятельности, возникающей из такого познания», называемой «методософией» [7].

Для познавательного процесса важны не только новации в традиционных концепциях наук, но и методологическая культура, обладающая способностью видоизменяться.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Исходя из вышесказанного, считаем возможным очертить методологию исследования правовой доктрины гражданства:

– **антропологические исследовательские подходы** (для выяснения природы гражданства как правовой принадлежности лица, связь между ним и государством, набор прав, обязанностей и привилегий с момента зарождения доктрины и до настоящего времени): философско-антропологический, социально-антропологический, религиозно-антропологический;

– **методы исследования:**

а) философские (диалектический и метафизический) – для опредмечивания гражданства, изучения его сущности и правовой природы, которые находятся в перманентном развитии со времён городов-государств античной Греции до XXI века;

б) общенаучные (системный; структурно-функциональный; восхождение от конкретного к абстрактному; восхождение от абстрактного к конкретному) – для установления разновидностей антропологического исследовательского подхода, выяснения их эвристических возможностей, определения конкретных понятий и т.п.;

в) специально-научные (анализ письменных источников) и отдельные (толкование юридических норм; догматический; теоретико-правового моделирования; сравнительно-правовой) методы;

– **приёмы исследования:** индукция, дедукция, классификация, синхронный и диахронный анализ, теоретический синтез, экстраполяция, абстрагирование, идеализация, описание, характеристика, сравнение, разъяснение, доказывание, опровержение и другие.

Итак, методологию исследования правовой доктрины гражданства можно определить как упорядоченное единство взаимодополняющих принципов и методов, позволяющих всесторонне и комплексно исследовать генезис, степень разработанности проблемы, правовую сущность, признаки,

международную и национальную правовую регламентацию, современное состояние реализации, тенденции развития и перспективы эффективной реализации основных маркеров гражданства (например, оснований приобретения и прекращения гражданства, особенностей двойного (множественного) гражданства, бипатризма и т.п.).

Список использованных источников

1. Бучакова, М. А. Философско-правовые подходы к определению гражданства / М. А. Бучакова. – Текст : непосредственный // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2003. – № 2 (20). – С. 30-32.

2. Еллинек, Г. Общее учение о государстве / Д-р Георг Еллинек, проф. Гейдельбергск. ун-та. – 2-е изд., испр. и доп. по 2-му нем. изд. С. И. Гессеном. – Санкт-Петербург : Н. К. Мартынов, 1908. – XXIV. – 599 с. – Текст : непосредственный.

3. Карташов, В. Н. Методология юридической науки: некоторые симптомы кризиса, её понятие и структура / В. Н. Карташов. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2007. – № 4. – С. 134-139.

4. Орехов, А. М. Методы экономических исследований: учебное пособие / А. М. Орехов. – 2-е изд. – Москва : ИНФРА-М, 2009. – 392 с. – Текст : непосредственный.

5. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с. – Текст : непосредственный.

6. Свитин, И. А. Антропный принцип в процессе научного познания / И. А. Свитин. – Текст : непосредственный // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, – 2016. – № 1 (63). – С. 147-151.

7. Фишман, И. Г. Сума методов. «Методология в России» / И. Г. Фишман. – Текст : электронный // Сетевой журнал «Кентавр», 2008. – URL: http://circleplus.ru/content/summa/22/summa_metodov_chistovik.pdf (дата обращения: 25.11.2023). – Загл. с экрана.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК КОМПОНЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОВРЕМЕННЫЙ ДИСКУРС

СВИРИДОВА К. Е.,
ассистент кафедры теории и истории государства
и права юридического факультета,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье подчёркивается возрастающее значение информационной безопасности как одного из ключевых компонентов в системе национальной безопасности государства в условиях информатизации современного общества. Исследуется взаимосвязь различных компонентов национальной безопасности с информационной безопасностью, в частности рассматриваются концептуальные взгляды на взаимосвязь информационной и военной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, национальная безопасность, обеспечение информационной безопасности государства, военная безопасность, информационные структуры, «мягкая сила», информационная война

INFORMATION SECURITY AS A COMPONENT OF NATIONAL SECURITY: MODERN DISCOURSE

SVIRIDOVA K. E.,
assistant of the department of Theory and History of
State and Law of the Faculty of Law
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article emphasizes the increasing importance of information security as one of the key components in the national security system of the state, in the conditions of informatization of modern society. The interrelation of various components of national security with information security is investigated, in particular, conceptual views on the relationship between information and military security are considered.

Keywords: information security, national security, ensuring the information security of the state, military security, information structures, «soft power», information warfare

Постановка задачи. Безопасность, как социальное явление, выступает центральным системообразующим фактором, характеризующая современное цивилизованное государство. На пути становления и развития человеческого общества всегда присутствует система различных факторов, которые включают в себя ряд угроз, создаваемых природой, обществом, враждебно-настроенными странами и т.д., препятствующие нормальному функционированию не только самого общества, но и государства в целом. В связи с чем ключевым направлением в поддержании стабильного политико-правового функционирования каждой страны должна выступать разработка систем и мер обеспечения безопасности каждого сектора отдельной отрасли государственного управления, которые в своей совокупности обеспечивают национальную безопасность в целом.

Понятие безопасности на разных исторических отрезках человеческого развития менялось с учётом преобладающей догмы того или иного времени. Так, в XVI и до начала XX века основа термина «безопасность» базировалась преимущественно на представлениях о том, что могущество государства зависит от стремления к расширению территорий. Таким образом, межгосударственные отношения того периода характеризовались неравенством сторон и преобладающим стремлением стран увеличить свою значимость и роль путём укрепления мощи и силы с учётом расширения территориальных границ. Уже в тот период времени многие мыслители высказывались в пользу того, что безопасность должна базироваться на неукоснительном соблюдении установленных правил и норм права. Так, для Гроция безопасность – «это мирное сосуществование и институализация сообщества суверенных государств, каждое из которых при этом сохраняет свои особенности, возможности и условия для своего функционирования и развития в системе мировых отношений» [1].

В принципиально новых для того периода современных условиях развития человеческой цивилизации первостепенное значение приобретает уже коллективная безопасность как ключевой фактор обеспечения всеобщей безопасности, сохранения национально-политической идеологии и самобытности каждого государства в отдельности. В своей работе Сцатуа А. А. справедливо отмечает, что «...общая безопасность человечества может быть достигнута только на основе учёта, достижения баланса и гармонизации интересов различных народов и стран, их

тесного взаимодействия» [1]. Это взаимодействие должно проявляться в различных направлениях и сферах, ведь с учётом специфики глобализационных процессов, несмотря на несомненно позитивные аспекты данного явления, уровень подверженности угрозам и уязвимостям возрастает в силу более изощрённых методов и способов воздействия на целостность нормального функционирования государственного механизма.

Актуальность. Исследуемая тема не вызывает сомнений в своей актуальности с учётом специфики существующих проблем и уровня важности как для отдельной личности, так и для всего государства в целом. Обеспечение безопасности отдельных направлений деятельности государства – это комплексный процесс, который метафорично подобен пазлу, в котором без гармоничного и правильного сложения взаимосвязанных деталей не получится единой картины. Обзор современных концепций определения понятия «безопасность» позволяет рассматривать данное явление с точки зрения уровня защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз и посягательств. Жизненно важные интересы при этом следует интерпретировать, как совокупность потребностей, которые эффективно обеспечивают деятельность и развитие личности, общества и государства. Статьей 3 Федерального закона «О безопасности» [2] продекларированы основные направления деятельности по обеспечению безопасности, которые не являются исчерпывающими в силу динамичного характера современных общественных отношений. То же самое касается и предмета регулирования указанного закона, который определяет «основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, предусмотренных законодательством Российской Федерации». Среди иных видов безопасности стоит отдельно выделить информационную безопасность, которая, по нашему мнению, выступает одним из первостепенных видов безопасности в современных условиях функционирования общества с учётом специфики информатизации и индустриализации нынешнего уклада деятельности различных стран.

Анализ последних исследований и публикаций. Тема информационной безопасности, как сложный и многоаспектный феномен, является дискуссионной в рамках научного дискурса.

Исследование носит междисциплинарный характер, в связи с чем осмысление природы изучаемого явления производится учёными различных отраслей права.

Существенный вклад в разработку вопросов обеспечения информационной безопасности внесли такие учёные: И. Л. Бачило, Г. Г. Горшенков, В. Н. Лопатин, В. А. Копылов, П. У. Кузнецов, Т. А. Полякова, А. А. Стрельцов, А. В. Минбалеев, А. А. Смирнов, В. Б. Наумов и др. Исследованиям общих вопросов национальной безопасности и её компонентов посвящены работы В. П. Беркута, А. И. Васильева, А. В. Возженикова, И. Н. Глебова, Ю. И. Дерюгина, В. Л. Манилова, Д. И. Макаренко, В. И. Митрохина, А. В. Опалева, Г. В. Осипова, В. В. Серебрянникова, С. В. Степашина, А. Д. Урсула, К. В. Фатеева, В. М. Чугунова, Л. И. Шершнева и др.

Целью данного исследования выступает анализ информационной безопасности как первостепенного и неотъемлемого компонента национальной безопасности с точки зрения специфики взаимодействия с иными компонентами национальной безопасности.

Изложение основного материала исследования. Повышенный интерес к информационной сфере вполне оправдан условиями современной действительности с учётом повышения роли общественных отношений, связанных с созданием, преобразованием и потреблением информации. При благоприятном функционировании рассматриваемой сферы достигается устойчивое и сбалансированное развитие информационной инфраструктуры страны, а также создание благоприятных условий для реализации конституционных прав граждан в области информации, что, в свою очередь, влияет на уровень жизни общества в государстве и уровень развитости и прогрессивности самого государства. Однако для получения таких качественных показателей внутри страны необходима надёжная защита информационной сферы посредством разработки мероприятий по обеспечению информационной безопасности государства.

В ходе технического прогресса прослеживается прямо пропорциональная взаимосвязь между уровнем обеспечения информационной безопасности и уровнем обеспечения национальной безопасности. Наблюдается тенденция создания, развития и модернизирования различных информационных инфраструктур и систем для обеспечения высокого уровня

национальной безопасности во многих развитых странах. По справедливому утверждению Колина К. К., «...практически все развитые страны уделяют особое внимание созданию и развитию различного рода информационных структур, которые должны обеспечивать включение экономики стран в мировое экономическое, информационное и научное пространство, так как это является сегодня необходимым условием прогресса и безопасности нации» [3].

Также приоритетной задачей выступает осуществление взаимопомощи отдельных государств в обеспечении безопасности указанного сектора. Так, президент Российской Федерации Путин В. В. отмечает, что «Россия должна помогать другим странам в создании систем информационной безопасности, в том числе предоставлять им соответствующие технологии». По его словам, «серьёзное внимание следует уделить налаживанию практического сотрудничества в обеспечении глобальной информационной безопасности» [4]. Таким образом, взаимные усилия держав по вопросам обеспечения защиты информационного сектора от угроз выступают перспективным направлением деятельности государств, позволяющим решать ряд проблем различного характера с целью снижения уровня социальной напряжённости.

Интенсивное внедрение информационно-коммуникационных технологий во все сферы деятельности современного общества обуславливает переход к новой парадигме инфокоммуникаций. Система защиты информации государства, наряду с другими компонентами, как сложная структура, также отвечает за защиту военной информации. Как отмечают Лутовинов В. И. и Хмара Ю. Н., «потребность государства и общества обезопасить себя в военном отношении является естественной и непреходящей» [5, с. 69].

Возникающие угрозы вооружённого насилия порождают закономерное стремление к их устранению, минимизации негативных последствий, нарушающих мирное существование населения и нормальное функционирование государства в общей системе миропорядка. По данной теме вполне обоснованным считается мнение Ромашкиной Н. П., которая отмечает, что «...угроза применения ИКТ во враждебных и агрессивных военно-политических целях представляется особо острой в силу того, что в современном мире информационные операции предоставляют уникальные возможности для создания деструктивного эффекта» [6, с. 67].

В условиях современного геополитического положения развитых стран возрастает роль военной безопасности и укрепления оборонных систем посредством усиления охраны ключевых компонентов национальной безопасности, в первую очередь информационного потенциала.

Одной из серьёзных угроз в военной сфере является деструктуризация и десакрализация поведения и мышления населения страны путём вброса искажённых или недостоверных фактов, подрывающих репутацию как военного сектора, так и государства в целом.

Так, посредством средств массовой информации, а также глобальной сети Интернет, которые воздействуют на неперсонифицированное число людей, возможны случаи управления сознанием значительного круга лиц путём активного применения приёмов фальсифицирования данных о текущем военно-политическом положении.

Как следствие возникает «...массовая паника, подверженность психологического сознания личности манипуляциям со стороны власти противоборствующей стороны, разжигание межнациональной розни, что всё в совокупности является глобальной угрозой для национальной безопасности государства» [7, с. 80]. В научной литературе такие методы воздействия именуется «мягкой силой», когда в качестве инструментов борьбы применяются средства информационно-психологического и информационно-технологического воздействия [6, с. 68]. Так, в своей работе А. В. Демидов отмечает, что «стратегия «мягкой силы» заключается в том, чтобы поразить системы государственного и военно-политического управления «страны-жертвы», парализовать экономическую активность, дестабилизировать социальную и духовную жизнь страны» [8, с. 89].

Таким образом, страна агрессор, подрывая суверенитет и целостность государства путём ведения военных действий, параллельно осуществляет и так называемую информационную войну, которая представляет собой совокупность специальных приёмов и средств информационного воздействия для дезорганизации систем государственного управления.

Информационная война – один из центральных вопросов, тесно связанных с военной безопасностью. Сторона, которая применяет методы информационной борьбы, имеет дополнительные возможности для достижения поставленных целей

в военном конфликте и занимает более преобладающее положение над противоборствующей стороной.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Осознавая всю глубину и важность процессов трансформации современного общественного порядка, приоритетным направлением в обеспечении военной безопасности в частности и национальной безопасности в целом выступает создание и разработка методов ведения информационной войны и сохранения целостности информационной инфраструктуры государства посредством контроля поступающих информационных потоков.

Таким образом, на основании проведённого исследования была выявлена взаимосвязь информационной безопасности с иными компонентами национальной безопасности, как сложной структуры. Информация как важный национальный стратегический ресурс является потенциально уязвимой в условиях современной геополитической ситуации, что обуславливает особую значимость её защиты для сохранения жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Список использованных источников

1. Сацута, А. А. Национальная безопасность как социальное явление: современная парадигма / А.А. Сацута. – Текст : электронный // Армия и общество. – 2007. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-kak-sotsialnoe-yavlenie-sovremennaya-paradigma> (дата обращения: 25.11.2023). – Загл. с экрана.

2. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108546/?ysclid=1rwwaabwdy2149009849 (дата обращения: 25.11.2023). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

3. Колин, К. К. Информационные аспекты национальной безопасности России / К.К. Колин. – Текст : электронный // Научно-информационный журнал «ВЕСТНИК» Российского общества информатики и вычислительной техники. – 1995. – Вып. 4. – URL: <http://emag.iis.ru/arc/infosoc/emag.nsf/BPA/c683823c26b61333c32576250047fc36> (дата обращения: 25.11.2023). – Загл. с экрана.

4. Путин: в киберпространстве много угроз для глобальной безопасности и суверенитета стран // Информационное агентство ТАСС. – URL: <https://tass.ru/politika/11006783?ysclid=lp1l133pvr>

266550451 (дата обращения: 25.11.2023). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

5. Лутовинов, В. И. Военная безопасность государства: концептуальные основы и современное российское видение / В. И. Лутовинов, Ю. Н. Хмара. – Текст : непосредственный // Социум и власть. – 2015. – № 2 (52). – С. 68-73.

6. Ромашкина, Н. П. Вооружения без контроля: современные угрозы международной информационной безопасности / Н. П. Ромашкина. – Текст : непосредственный // Пути к миру и безопасности. – 2018. – № 2 (55). – С. 64-83.

7. Свиридова, К. Е. Информационно-психологическая война как формат вооружённых конфликтов нового поколения / К. Е. Свиридова. – Текст : непосредственный // Право и правосознание в период вооружённых конфликтов. – 2022. – № 5. – С. 75-81.

8. Демидов, А. В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» / А. В. Демидов. – Текст : непосредственный // Геополитический журнал. – 2014. – № 4. – С. 86-93.

УДК 338.22

DOI 10.5281/zenodo.10686641

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

СИЧКАР И. А.,
старший преподаватель
кафедры учёта и аудита,

СИЧКАР В. А.,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
гражданского и предпринимательского права
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассмотрены актуальные вопросы правового обеспечения экономической безопасности промышленных предприятий. Обеспечение экономической безопасности промышленных предприятий представляет важную задачу в современном корпоративном и экономическом контексте. Анализ современного состояния данной проблематики позволил выявить

ряд существенных факторов и тенденций, которые несут в себе как вызовы, так и потенциал для развития. Успешное преодоление данных вызовов и достижение устойчивого развития предприятий требует комплексного и систематического подхода.

Ключевые слова: экономическая безопасность, нормативные акты, материальные интересы, правовая защита, статус, деловая репутация

PROBLEMS OF LEGAL PROVISION OF ECONOMIC SECURITY OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

**SICHKAR I.A.,
senior lecturer Department
of Accounting and Auditing;**

**SICHKAR V.A.,
candidate of law, associate professor,
associate professor of the Department
of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article discusses the current issues of legal support of economic security of industrial enterprises. Ensuring the economic security of industrial enterprises is an important task in the modern corporate and economic context. Analysis of the current state of this issue has revealed a number of significant factors and trends that carry both challenges and potential for development. Successfully overcoming these challenges and achieving sustainable development of enterprises requires an integrated and systematic approach

Keywords: economic security, regulations, material interests, legal protection, status, business reputation

Постановка задачи. В условиях быстро меняющегося мирового рынка и конкуренции промышленные предприятия сталкиваются с различными рисками, которые могут негативно сказаться на их экономической стабильности и устойчивости. Исследование экономической безопасности поможет предприятию преодолеть эти вызовы и адаптироваться к изменяющимся условиям. Экономическая безопасность предприятия направлена на предотвращение и минимизацию угроз, которые могут возникнуть как внутри, так и вне организации. Разработка стратегий и механизмов защиты позволит предприятию эффективно реагировать на потенциальные угрозы и обеспечить свою устойчивость.

Анализ последних исследований и публикаций. Степень разработанности к моменту начала исследования позволяет рассматривать экономическую безопасность предприятия с разных точек зрения. Сущность экономической безопасности промышленного предприятия освещена в трудах Т. Д. Волковой [1], Е. В. Гридневой, В. И. Шаповалова [2], А. Н. Доценко, Е. А. Матусовой, Д. А. Иванько [3] и многих других авторов.

Актуальность. Экономическая безопасность является одним из ключевых аспектов устойчивого развития промышленных предприятий. Исследование в этой области позволит предприятию выявить уязвимые места, определить стратегические приоритеты и разработать меры по повышению своей устойчивости в долгосрочной перспективе.

Исследование экономической безопасности предприятия является важным аргументом при привлечении инвестиций. Инвесторы стремятся вложить средства в надёжные и безопасные проекты, и знание о том, что предприятие обладает эффективной системой управления рисками и обеспечивает свою экономическую безопасность, может повысить их доверие и заинтересованность.

Цель исследования заключается в выявлении угроз экономической безопасности промышленных предприятий и разработке механизмов их минимизации в правовом аспекте.

Изложение основного материала исследования. Система экономической безопасности является неотъемлемой частью национальной безопасности и опирается на ряд нормативно-правовых актов в Российской Федерации. На государственном уровне действуют законы, указы и постановления, а также на уровне субъектов Федерации, организаций и учреждений существуют дополнительные нормативные акты, дополняющие и расширяющие правовые основы безопасности.

В рамках правовых основ безопасности предприятий большое значение имеют Бюджетный кодекс, Гражданский кодекс, Налоговый кодекс, а также ряд законов, таких как Закон о Федеральной службе безопасности, Закон о контрактной системе, Закон о валютном регулировании, Закон об оперативно-розыскной деятельности, Закон о государственной тайне, Закон о противодействии коррупции, Закон о несостоятельности (банкротстве), Закон о персональных данных, Закон о безопасности и Закон о коммерческой тайне [4].

Не только государственные акты играют важную роль в обеспечении экономической безопасности, но и ряд других официально принятых документов. Например, «Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации» и Постановление Правительства Российской Федерации о мерах по реализации этой стратегии имеют прямое отношение к обеспечению безопасности предприятий.

Важным элементом в обеспечении экономической безопасности являются методические положения по оценке финансового состояния предприятий и установлению неудовлетворительной структуры баланса. Эти методические положения позволяют осуществлять анализ и оценку финансового состояния предприятий с целью выявления рисков и принятия необходимых мер по их устранению.

Нормативно-правовые акты, такие как указы, законы, постановления и методические положения, играют важную роль в формировании и регулировании системы экономической безопасности. Они определяют принципы, положения и механизмы, необходимые для обеспечения безопасности предприятий и страны в целом.

В Российской Федерации правовая защита персонала, материальных и экономических интересов организации от преступных посягательств осуществляется на основе соответствующих нормативно-правовых актов. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Российской Федерации предоставляют основу для привлечения виновных лиц к уголовной ответственности и обеспечивают правовую защиту от преступных действий [4].

В рамках профессиональной деятельности сотрудников организации, их правовая защита гарантируется положениями Трудового кодекса Российской Федерации. Этот кодекс регулирует трудовые отношения, определяет права и обязанности работников и работодателей, а также устанавливает меры защиты трудовых прав работников.

Для обеспечения защиты имущественных и иных материальных интересов организации используется Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации. Этот кодекс предусматривает административные наказания и меры ответственности за нарушения в сфере экономической и имущественной безопасности [4].

В области информационной безопасности существуют соответствующие законы Российской Федерации. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» устанавливает правила обращения с информацией и меры по защите информационных систем и данных. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, а также указы Президента о защите информационно-телекоммуникационных систем и баз данных служат основой для обеспечения информационной безопасности.

Существует система правовой защиты персонала, материальных и экономических интересов организации в Российской Федерации. Нормативно-правовые акты, такие как Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы, Трудовой кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, а также законы об информационной безопасности, обеспечивают правовую защиту и обеспечивают возможность привлечения виновных лиц к ответственности за преступные действия и нарушения [4].

Создание службы безопасности на предприятии основывается на соблюдении соответствующих нормативно-правовых актов. Федеральный закон «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4] являются основой для установления правового статуса службы безопасности.

В рамках защиты имущественных и иных материальных интересов, а также деловой репутации предприятия применяется гражданское, арбитражное и уголовное законодательство. Эти нормативные акты обеспечивают правовую защиту предприятия в случае возникновения угроз и преступных посягательств.

Для эффективного обеспечения безопасности предприятия внутри компании формируется система внутренних нормативных актов. К ним относятся инструкции, положения, правила, регламенты и функциональные обязанности сотрудников структурных подразделений, включая службу безопасности. Эти документы определяют порядок действий, правила работы и ответственности, а также регулируют взаимодействие между сотрудниками и различными службами предприятия.

Таким образом, соблюдение нормативно-правовых актов и разработка внутренних нормативных документов позволяют создать эффективную службу безопасности, способную обеспечить

защиту персонала, материальных и экономических интересов организации от преступных посягательств и обеспечить безопасность предприятия в целом.

Экономическая безопасность предприятия является важным аспектом его деятельности и требует соблюдения соответствующих правовых норм. Правовое регулирование в этой сфере осуществляется через различные нормативно-правовые акты.

Одним из основных аспектов являются гражданско-правовые отношения между хозяйствующими субъектами, которые регулируются Гражданским кодексом РФ. В частности, статьи 393-406 Гражданского кодекса РФ определяют нормы, касающиеся обеспечения безопасности бизнеса. Уголовный кодекс РФ также играет важную роль, содержа в своих статьях многочисленные нормы, направленные на борьбу с преступлениями в сфере экономической деятельности (статьи 169, 173, 176, 177, 182; часть 1 статьи 183, 185, 195-197 Уголовного кодекса РФ) [4].

Экономическая безопасность предприятия регулируется другими нормативно-правовыми актами, такими как Налоговый кодекс РФ, Трудовой кодекс РФ, Бюджетный кодекс РФ, Таможенный кодекс РФ и другие законы [4]. Эти акты определяют требования и обязанности предприятий в сфере экономической безопасности.

Административные отношения между предприятиями и государственными органами имеют значение для обеспечения безопасности бизнеса. Закон РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об оружии» регулируют такие отношения, обеспечивая контроль и надзор за безопасностью [4].

Правовое регулирование экономической безопасности предприятия также связано с государственным управлением и созданием специализированных органов. Закон РФ «О безопасности», Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путём», Закон РФ «О полиции», Федеральный закон «Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации», Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и Налоговый кодекс РФ, а также другие нормативные акты определяют полномочия и функции данных органов для обеспечения безопасности [4].

Для эффективной реализации правового регулирования в области экономической безопасности предприятий необходимо разработать и принять соответствующие локальные нормативные акты. Эти акты должны регулировать внутренние отношения между работниками предприятия, включая меры по обеспечению безопасности предприятия, в том числе экономической безопасности.

Анализ финансовой составляющей экономической безопасности предприятия требует правового регулирования, которое может быть рассмотрено с нескольких точек зрения. Во-первых, с учётно-аналитической перспективы, где основой для проведения анализа служит бухгалтерская (финансовая) отчётность. Эта отчётность отражает текущее финансовое состояние и динамику деятельности организации. Внутренние и внешние пользователи могут использовать такую информацию для разных целей.

Внутренние пользователи, такие как руководство предприятия, могут использовать результаты анализа для принятия управленческих решений. На основе данных о финансовом состоянии и результативности деятельности они могут определить эффективность текущих стратегий и принять меры по улучшению финансовой устойчивости предприятия. Анализ финансовой составляющей экономической безопасности предприятия позволяет выявить уязвимые места и прогнозировать будущие риски.

С другой стороны, внешние пользователи, такие как инвесторы, кредиторы или партнёры, также могут использовать информацию из бухгалтерской отчётности для принятия решений. Результаты анализа финансово-хозяйственной деятельности предприятия могут служить основой для решения об инвестировании в бизнес, предоставлении заёмных средств или заключении взаимовыгодных сделок. Правовое регулирование обеспечивает конфиденциальность и достоверность финансовой информации, обеспечивая защиту интересов всех сторон.

Соблюдение нормативно-правового регулирования позволяет обеспечить единообразие и надёжность финансовой информации, а также обеспечить согласованность отчётности между различными предприятиями. Это важно как для внутренних пользователей, принимающих управленческие решения, так и для внешних пользователей, таких как инвесторы, кредиторы и государственные органы контроля.

Бухгалтерская (финансовая) отчётность является неотъемлемым элементом учётно-аналитического обеспечения и содержит значительный объём информации. Нормативно-правовое регулирование бухгалтерской отчётности осуществляется на четырёх уровнях. Законодательный уровень представлен Федеральным законом № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте», который определяет цель, предмет и общие положения системы регулирования бухгалтерского учёта [4].

На втором уровне находятся нормативные акты, такие как Положение по бухгалтерскому учёту «Бухгалтерская отчётность организации» (ПБУ 4/99), утверждённое Минфином России. Оно содержит требования к бухгалтерской отчётности, правила оценки показателей и состав информации.

Методический уровень представлен приказом Минфина России № 66н «О формах бухгалтерской отчётности организаций» и другими методическими указаниями. Эти документы определяют порядок составления и представления бухгалтерской отчётности.

Четвёртый уровень – локальное нормативное регулирование внутри организации. В этом случае на основе выбранного варианта, утверждённого Минфином России, разрабатывается учётная политика организации, которая устанавливает правила ведения бухгалтерского учёта и отчётности.

При использовании методов и трактовке результатов анализа финансово-хозяйственной деятельности организации, методологическая рекомендация Госкомстата России является важным руководством. Рекомендация содержит основные принципы анализа и разработку показателей для оценки финансово-хозяйственной деятельности на основе бухгалтерской отчётности и статистических данных.

Методологическая рекомендация включает четыре этапа анализа финансово-хозяйственной деятельности: анализ имущества и источников его формирования, анализ финансовой устойчивости и платёжеспособности, анализ совокупных результатов предприятия, эффективности использования активов и источников их формирования, а также оценку текущего финансового состояния организации.

Финансовая составляющая экономической безопасности предприятия подвержена регулированию на различных уровнях. Один из ключевых уровней – законодательный, представлен Федеральным законом № 402-ФЗ «О бухгалтерском учёте». Этот

закон устанавливает цель, предмет и общие положения, определяющие систему регулирования бухгалтерского учёта, а также требования к его ведению [4].

Локальное нормативное регулирование осуществляется через учётную политику предприятия. Она устанавливает правила ведения бухгалтерского учёта и отчётности и основывается на выборе вариантов, предложенных Минфином России.

В контексте использования методов и трактовки результатов анализа финансовой составляющей экономической безопасности, методологическая рекомендация Госкомстата России является важным руководством. Она определяет основные принципы и этапы анализа финансово-хозяйственной деятельности, включая анализ имущества, финансовой устойчивости, результатов и текущего финансового состояния предприятия.

Также стоит отметить Федеральный закон № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», который регулирует процедуры банкротства и включает анализ финансового состояния предприятия-должника [4].

Проблематика, связанная с правовым обеспечением экономической безопасности коммерческих организаций, представляет собой важную и актуальную сферу исследования. В данном контексте выделен ряд проблем, требующих особого внимания, и предложены пути их решения:

1. Недостаточная эффективность нормативно-правовой базы: одной из существенных проблем является неполнота или несовершенство законодательных актов, регулирующих экономическую безопасность коммерческих организаций. Это создаёт предпосылки для неоднозначной трактовки правил и недостаточной законодательной базы.

2. Несоответствие законодательства современным вызовам: быстрое развитие технологий и глобализация создают новые угрозы и вызовы для экономической безопасности коммерческих организаций. Однако законодательство может отставать от этих изменений, что осложняет обеспечение безопасности.

3. Недостаточная жёсткость и ответственность. Даже в случае существования соответствующих нормативных мер для защиты экономической безопасности, их реализация и механизмы привлечения нарушителей к ответственности могут быть недостаточно эффективными. Это может стимулировать негативное поведение и создавать угрозы для коммерческих организаций.

4. Сложность и разнородность законодательства: отсутствие единообразного и простого правового регулирования может привести к трудностям для коммерческих организаций при соблюдении требований безопасности. Разнообразие законов, подзаконных актов и нормативных документов может создавать путаницу и увеличивать бюрократическую нагрузку.

5. Недостаток информации и компетенций: ограниченный доступ к актуальной информации о правовых нормах и требованиях в области экономической безопасности, а также недостаточный уровень образования и подготовки персонала в вопросах безопасности могут привести к неправильной или недостаточной реализации мер безопасности.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Для преодоления данных проблем необходимо активное внимание и усилия со стороны законодателей, правоохранительных органов и коммерческих организаций. Важно обновлять и усовершенствовать нормативно-правовую базу, учитывая современные вызовы и технологические изменения. Также требуется повышение эффективности механизмов контроля и ответственности, содействие обмену информацией и образовательным программам, направленным на повышение уровня компетенции в области экономической безопасности. Только таким образом можно достичь более надёжного и устойчивого правового обеспечения экономической безопасности коммерческих организаций.

Список использованных источников

1. Волкова, Т. Д. Совершенствование стратегии, политики и принципов экономической безопасности компании / Т. Д. Волкова. – Текст : непосредственный // Матрица научного познания. – 2020. – № 6. – С. 182-186.

2. Гриднева, Е. В. Подходы к оценке уровня экономической безопасности предприятия / Е. В. Гриднева, В. И. Шаповалов. – Текст : непосредственный // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2019. – № 12-1. – С. 113-115.

3. Доценко, А. Н. Финансовая безопасность как элемент системы обеспечения экономической безопасности предприятия / А. Н. Доценко, Е. А. Матусова, Д. А. Иванько. – Текст : непосредственный // ADVANCED SCIENCE: сб. ст. VIII Межд. науч.-практ. конф. – В 2 ч. – 2019. – С. 88-90.

4. СПС «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru/> – Текст : электронный.

УДК 340.132/.136.06-048.78
DOI 10.5281/zenodo.10686701

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕХНИКО-ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ КАК СПОСОБ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

СТЕПАНОВА Ю. С.,
старший преподаватель кафедры теории и
истории государства и права
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье поднимается проблема качества нормативных правовых актов и, как способ её решения, предлагается проведение систематизации по двум направлениям. Во-первых, принятие интерактивного «Словаря юридических терминов» как результат терминологической систематизации. Во-вторых, автор предлагает принятие Кодекса нормотворчества общего применения, обосновывая необходимостью выработки и унификации технико-юридических правил и требований.

Ключевые слова: законодательство, качество нормативных правовых актов, систематизация, терминология, технико-юридические нормы

SYSTEMATIZATION OF TECHNICAL AND LEGAL STANDARDS AS A WAY TO IMPROVE THE QUALITY OF LEGISLATION

STEPANOVA Y. S.,
Senior lecturer of the Department of theory
and history of state and law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article raises the problem of the quality of regulatory legal acts and, as a way to solve it, proposes systematization in two directions. Firstly, the adoption of the interactive «Dictionary of Legal Terms» as a result of terminological systematization. Secondly, the author proposes the adoption of a Rulemaking

Code of general application, justifying it by the need to develop and unify technical and legal rules and requirements.

Keywords: legislation, quality of normative legal acts, systematization, terminology, technical and legal norms

Постановка задачи. Формирование отечественной правовой системы во многом определялось конкретно-историческими тенденциями и проблемами его функционирования, которые, в свою очередь, обуславливались объективными закономерностями развития общества, имеющимися условиями и потребностями общественной жизни, внешними факторами. В этих условиях нормотворческая деятельность (и в первую очередь законотворческая) была направлена на расширение и углубление регулирования общественных отношений, отражение в нормативных актах актуальных направлений развития государства, ликвидацию существующих и возникающих пробелов.

Вместе с тем в отечественном законодательстве ещё существуют системные недостатки, что объясняется спонтанностью его формирования в первые годы, без надлежащего установления приоритетов, прогнозирования путей и методов усовершенствования законодательства, определения стратегии его развития. Не было научного комплексного подхода к разработке фундаментальных проблем законодательства, что негативно сказывалось на понимании сущности закона, его социального назначения, а также механизмов реализации действующих законов и т.п. Вместе с тем, как известно, именно научный уровень законотворчества, его культура, и, соответственно, качество принимаемых нормативных правовых актов является показателем цивилизованности и демократичности общества.

Актуальность. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин на международной конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey, расширение внедрения IT-технологий (особенно искусственного интеллекта) во все сферы жизнедеятельности общества становится для всего российского сообщества одной из первоочерёдных задач [1]. Как следствие – изменится и качество правоотношений, что в свою очередь обострит проблему качества нормативно-правовой базы, а также необходимость создания единого нормативно-правового поля, отвечающего современным потребностям, на территории Российской Федерации. Указанные выше положения

свидетельствуют о своевременности и актуальности темы представленного исследования.

Анализ последних исследований и публикаций. Правотворчество (в том числе в аспекте качества нормативных правовых актов) как многогранное и значимое правовое явление не выходит из центра внимания учёных и практиков, в силу чего различные стороны проблемы его совершенствования нашли своё отражение в юридических исследованиях и литературе в различное время. В современной юридической науке исследованию нормотворческой техники в различных её плоскостях уделено внимание такими известными учёными: С. Алексеевым, В. Барановым, О. Богачёвой, Б. Венгеровым, М. Давыдовой, Д. Керимовым, В. Карташовым, Т. Кашаниной, В. Лазаревым, Р. Халфиной и др. Значительное число научных исследований посвящено проблеме правовых дефектов, получившей освещение в отраслевых правовых науках: конституционном праве (С. Авакьян, Н. Богданова), гражданском праве (М. Казанцев, С. Парамонова, С. Матковский), административном (В. Игнатенко), трудовом праве (И. Аленина, С. Головина, М. Жильцов), экологическом праве (Н. Хлуденева). Отдельные виды правовых дефектов комплексно исследовались в теории права: пробелы (В. Баранов, В. Лазарев, А. Пиголкин), коллизии (С. Бобровник, Н. Власенко, В. Денисенко, Э. Сухов), правовая неопределённость (Н. Власенко, Г. Гаджиев, С. Нарутто), дефективные нормативные акты (В. Баранов, О. Зуев, М. Соколова, Т. Москалькова), дефекты юридического языка (Ю. Хижняк, Э. Астафьева, А. Вавилова).

Цель данного исследования заключается в определении направлений систематизации технико-юридических норм как способа повышения качества российского законодательства.

Изложение основного материала исследования. Повышение качества законодательных решений, сведение к минимуму количества неэффективных законов и других нормативно-правовых актов – постоянная задача нормотворческих органов, поскольку совершенствование действующего законодательства, повышение его эффективности является основной целью нормотворческого процесса.

Юридическая наука большое внимание уделяет вопросу создания идеальных по форме и содержанию нормативно-правовых актов. При этом одним из важных условий совершенствования

законодательства является овладение системой определённых требований, предъявляемых к процессу и результату создания нормативных правовых актов.

Имея целью, с одной стороны, рационально и адекватно урегулировать общественные отношения, не допустить пробелов, изложить нормативный правовой акт достаточно чётко, недвусмысленно, по сути, и в то же время кратко, лаконично, в определённой степени однообразно, стандартно; а с другой – сделать нормативные правовые акты в достаточной степени понятными, ясными для лиц, которым они адресованы, чтобы у них не возникали сомнения в их правах и обязанностях, предусмотренных этими актами, требования нормотворческой техники назначаются и используются для познавательно-логического и нормативно-структурного формирования правового материала и подготовки текста нормативного правового акта [2, с. 124-125].

Познавательно-логические требования к подготовке проекта нормативного правового акта означают определение предмета правового регулирования, выбор и анализ процессов, явлений и отношений, которые могут являться объектом правового воздействия. Познавательный аспект проделанной работы может быть отражён в подготовке концепции нормативного правового акта.

Соблюдение нормативно-структурных требований нормотворческой техники заключается в использовании её последовательных элементов, которыми являются её средства, приёмы и правила.

Средствам словесно-документального изложения текста нормативного правового акта, касающихся внешнего и внутреннего построения этого текста, должно быть уделено особое внимание. Как известно, содержание нормативно-правовых предписаний выражается и закрепляется с помощью юридических (законодательных) терминов – словесных определений понятий (слов или словосочетаний), которые в совокупности составляют понятийный аппарат отечественного законодательства и являются отправной точкой формирования всего законодательного массива. От точности внедрения определений в нормативном правовом акте во многом зависит точность выражения воли законодателя, как следствие, и результативность акта. Поэтому основные требования к использованию термина можно представить двумя правилами:

1) термины должны употребляться в нормативном акте в одном общепринятом или установленном законодательством значении;
2) для обозначения одного и того же объекта (явления) должен употребляться один термин.

В силу сказанного крайне актуальной является проблема понятийного аппарата отечественного законодательства. Поскольку унификация юридической терминологии признаётся одним из условий создания единого нормативно-правового поля, считаем целесообразным осуществить обобщение терминологической базы путём создания интерактивного «Словаря юридических терминов» (далее – «Словарь»), термины которого обязательны к применению в процессе нормотворчества на общедоступной бесплатной основе. Причём обязательным условием при создании программного обеспечения Словаря должна стать его связь с действующими нормативными правовыми актами. Фактически интерактивный «Словарь» даст возможность поиска по термину того нормативного правового акта, в котором данный термин использован.

По сути, сама идея создания словаря юридических терминов с их привязкой к нормативным правовым актам не нова. В частности, в качестве примера можно привести «Энциклопедический юридический словарь» О. Румянцева и В. Додонова (1997 г.) [3], в котором авторы указывают ссылки на нормативные акты, нормативно закрепляющие дефиниции. Отличительной особенностью предлагаемого формата является его интерактивность и первичность относительно нормативных правовых актов. Если существующие словари используют термины и их дефиниции, закреплённые в принятых нормативных актах, так сказать на «вторичном уровне», то интерактивный «Словарь» являет собой терминологическую основу, базовый уровень, и при создании норм права могут употребляться только те термины и только в том значении, которое представлено в этом словаре. В силу того, что термины в «Словаре юридических терминов» должны иметь научную обоснованность, его разработка должна осуществляться представителями юридической науки в тесном сотрудничестве с профильными учёными и практическими работниками.

Следующим направлением повышения качества нормативных правовых актов видится создание и принятие Кодекса нормотворчества общего применения, необходимость которого давно назрела, поскольку, как уже отмечалось не раз, эффективная

нормотворческая работа требует выработки и унификации технико-юридических правил и требований.

О необходимости единого унифицированного документа, в частности закона о нормативных правовых актах, начали говорить во второй половине 80-х гг. прошлого века для совершенствования правовой системы СССР. Институтом законодательства и сравнительного правоведения была проведена работа по разработке теоретических основ правового регулирования правотворчества, типологии и действия нормативных правовых актов; и, как результат, представлен проект закона о нормативных правовых актах [4], который в качестве образца был востребован на уровне субъектов Российской Федерации, государств-участников СНГ (Рекомендательный законодательный акт о нормативных правовых актах государств-участников СНГ (1995 г.)) [5]. В странах СНГ в течение последних двух десятилетий активно нарабатывался опыт действия и совершенствования законодательства о нормативных правовых актах. Так, в 1999 г. законы о нормативных правовых актах были приняты в Республике Беларусь и в Азербайджанской Республике, новые редакции которых были приняты в 2018 г. и 2010 г. соответственно. В Республике Казахстан закон о нормативных правовых актах был принят в 1998 г., а в 2016 г. он утратил силу в связи с принятием закона о правовых актах. Закон о правовых актах принят в 2002 г. и действует в Республике Армения [6, с. 159-160].

В самых общих чертах Кодекс нормотворчества должен включать общую и особенную части.

В общую часть должны быть включены нормы, регламентирующие правовую основу правотворчества; виды, принципы и цели правотворчества; перечень субъектов нормотворчества; структура системы нормативных правовых актов (в т.ч. их виды, форма, иерархия, принципы действия нормативных правовых актов); критерии качества нормативных правовых актов – юридико-технические требования к нормативным правовым актам (реквизитные, структурные, лингвистические (стилистические, орфографические и т.д.), логические, правила оформления ссылок, примечаний, таблиц, расчётов и т.п.). Считаю, что особое внимание в Кодексе нормотворчества должно быть уделено лингвистическим требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам.

Нормы особенной части должны содержать такие положения, регламентирующие каждый из этапов нормотворческого процесса, как: мониторинг и прогнозирование; планирование; подготовка проектов; правовая экспертиза; принятие нормативного правового акта (в т.ч. с учётом согласовательных процедур); регистрация; обнародование; внесение изменений, дополнений в действующие нормативные правовые акты, утрата юридической силы; толкование нормативных правовых актов (виды, принципы, общие положения); систематизация и учёт; ответственность должностных лиц за подготовку нормативных правовых актов органов исполнительной власти, не прошедших государственную регистрацию.

Относительно последнего пункта интересна практика Республики Узбекистан, в законе «О нормативных правовых актах» которой содержатся соответствующие положения. Так, ст. 31 закона предусматривает персональную ответственность в рамках исполнительской дисциплины в государственных органах и организациях руководителя заинтересованного государственного органа и организации, допустившего нарушение сроков рассмотрения полученного для согласования проекта нормативно-правового акта. А ст. 37 устанавливает административную ответственность должностных лиц министерств, государственных комитетов и ведомств за введение в действие нормативно-правовых актов, не прошедших государственную регистрацию [7].

Нормативный правовой акт должен представлять собой целостную систему, каждый элемент которой дополняет, конкретизирует или развивает предыдущий и одновременно является основанием для раскрытия следующих элементов. Точность, лаконичность и выдержанность стиля – характерные черты языка нормативных правовых актов.

Стиль является способом внешнего выражения правовых предписаний, который концентрирует на себе использование юридической терминологии, других средств юридической техники (юридических конструкций), применения требований современного литературного языка и языка официальных документов в проекте нормативного правового акта. Главным в соблюдении стилистических требований является обеспечение сочетания, с одной стороны, доступности и убедительности текста

нормативного акта, а с другой – его точности, определённости и высокой юридической культуры.

Текст нормативного правового акта должен соответствовать законодательно установленным критериям качества нормативных правовых актов, определённым принципам, использование которых зависит от характера готовящегося нормативного правового акт, его цели и содержания.

Всё вышесказанное в очередной раз подтверждает, что проблема оптимизации юридической техники как важного средства улучшения доступности текста нормативно-правовых актов должна решаться с привлечением представителей юридической науки. Внедрение Кодекса нормотворчества основанного на едином научном подходе, совершенствовании и разработке чёткого инструментария нормотворческой техники, позволит наиболее адекватно выразить в нормативных правовых актах их социальное содержание и направленность, обеспечить логичность и лаконичность, точность и ясность их языка, доступность законодательства для тех, на кого тот или иной акт рассчитан. При этом невозможно не согласиться с тем, что качество «закона о законах» должно быть на самом высоком научном уровне [6, с. 159-160].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, считаем, что в условиях стремительно изменяющейся реальности создание единого, отвечающего современным потребностям нормативно-правового поля на территории Российской Федерации возможно путём унификации юридической терминологии и кодификации технико-юридических норм. Унификация терминологии должна быть проведена путём создания интерактивного «Словаря юридических терминов», отличительной особенностью которого является его интерактивность и первичность относительно нормативных правовых актов. Кодекс нормотворчества, как результат систематизации технико-юридических норм, должен включать общую и особенную часть и охватывать все аспекты (фундаментальный и организационный) и этапы нормотворческого процесса (мониторинг, прогнозирование, планирование, подготовка проектов, правовая экспертиза, принятие нормативного правового акта (в т.ч. с учётом согласовательных процедур), регистрация, обнародование), а также внесение изменений, дополнений в действующие нормативные правовые акты; утрату юридической силы; толкование нормативных

правовых актов (виды, принципы, общие положения); систематизацию и учёт; ответственность должностных лиц за подготовку нормативных правовых актов органов исполнительной власти, не прошедших государственную регистрацию.

Список использованных источников

1. Путин дал поручение по развитию ИИ в России // РИА Новости. – Москва. – 24.11.2023 // Сайт РИА НОВОСТИ. – URL: <https://ria.ru/20231124/ai-1911660360.html> (дата обращения: 24.11.2023). – Текст : электронный.

2. Попова, С. А. Качество закона как элемент юридической техники (на примере уголовного закона) / С. А. Попова, Е. И. Грузинская // Criminal law and criminology; criminally-executive law; Matters of Russian and International Law., 2019. – С. 43-50. – Текст : непосредственный.

3. Юридический энциклопедический словарь / [Румянцев О. Г., Додонов В. Н.]. – Москва : ИНФРА-М, 1996. – 374 с. – Текст : непосредственный.

4. О нормативных правовых актах Российской Федерации: проект федерального закона // Сайт «Система обеспечения законодательной деятельности». – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96700088-2> (дата обращения: 15.11.2023). – Текст : электронный.

5. О нормативных правовых актах государств-участников СНГ: рекомендательный законодательный акт (принят постановлением Межпарламентской ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, г. Санкт-Петербург, 13.05.1995) // СПС «ГАРАНТ». – URL: <https://base.garant.ru/2567507/> (дата обращения: 15.11.2023). – Текст : электронный.

6. Липень, С. В. Законы о нормативных правовых актах стран СНГ: возможности сравнительно-правового исследования / С. В. Липень. – Текст : непосредственный // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2018. – № 4 (44). – С. 159-160.

7. О нормативных правовых актах Республики Узбекистан: закон Республики Узбекистан [принят Законодательной палатой 24 ноября 2020 года, одобрен Сенатом 18 декабря 2020 года] // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/5378968> (дата обращения: 15.11.2023). – Текст : электронный.

УДК 343.211

DOI 10.5281/zenodo.10686766

ПРЕЗУМПЦИЯ НЕВИНОВНОСТИ КАК ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СУРОВЦЕВА А.А.,

**канд. экон. наук, доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права;**

НАДВОРНАЯ А.А.,

**старший преподаватель кафедры гражданского и
предпринимательского права**

ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,

**Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

В статье рассмотрен принцип презумпции невиновности, который позволяет обеспечить справедливость и целостность правовой системы.

Ключевые слова: презумпция невиновности, уголовное право, уголовный процесс, справедливость

THE PRESUMPTION OF INNOCENCE AS THE PRINCIPLE OF FAIRNESS OF THE LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

SUROVTSEVA A.A.,

**Candidate of economic sciences,
Associate professor of the department
of civil and business Law;**

NADVORNAYA A.A.,

**Senior lecturer of the department
of civil and business Law,**

FSBEI HE «DONAMPA»,

**Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article considers the principle of presumption of innocence, which allows ensuring the fairness and integrity of the legal system.

Keywords: presumption of innocence, criminal law, criminal procedure, justice

Постановка задачи. Презумпция невиновности - является одним из наиболее важных принципов уголовного судопроизводства, а так же гарантией защиты лиц от их незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения прав, свобод и т.д. Лицо, подозреваемое в совершении преступления, либо привлекаемое к уголовной ответственности, а тем более признаваемое виновным от имени государства, не обязано подтверждать невиновность. От реализации принципа невиновности, зависит справедливость правовой системы государства в целом.

Актуальность. Сегодня невозможно себе представить уголовный процесс без использования принципа презумпции невиновности, что является неопровержимым фактом.

В сфере юстиции, презумпция невиновности представляет собой ключевой принцип, который позволяет обеспечить справедливость и целостность правовой системы. Данный правовой принцип выступает в качестве некой гарантии для граждан, согласно которой они считаются невиновными непосредственно до тех пор, пока их вина не будет соответствующим образом доказана в судебном порядке в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, применение каких-либо видов наказаний к обвиняемым, требует четкого установления вины без всяких имеющихся на то сомнений.

Необходимо помнить, что до тех пор, пока не будет признана вина гражданина, он является лишь обвиняемым лицом, который может находиться под стражей в ожидании решения суда, и между тем считаться невиновным до того времени, пока не будут предоставлены прямые доказательства его вины.

Процесс доказывания виновности обвиняемого лица возлагается на сторону обвинения, которая обязана доказать и обосновать аргументированно факт совершенного преступления, по результатам которого судьей или присяжными выносятся решение о том, доказана ли вина стороной обвинения.

Обзор последних исследований и публикаций. Собственно самим принципом презумпции невиновности выражается правовое положение человека. Как указывается в статье Канкулова А. Х., принцип презумпции невиновности обязывает следователей с разных сторон проводить расследование, чтобы их обвинительные доказательства были достаточно убедительными и надежными при

вынесении в последующем приговора о виновности обвиняемого, а судьи должны рассматривать дело с объективной позиции и не принимать предвзятых решений, основанных на предварительных мнениях или стереотипах [1].

Как писала Хамичева Г.П. «В силу общеправового характера Конституции Российской Федерации сфера применения рассматриваемого правового положения не должна ограничиваться лишь уголовным судопроизводством; презумпция невиновности должна действовать в отношении не только обвиняемого или подозреваемого, но и каждого лица, изобличаемого в совершении преступления или иного правонарушения [2].

Целью статьи является исследование принципа презумпции невиновности, как основополагающего принципа справедливости правовой системы.

Изложение основного материала исследования. Еще со времени Аристотеля различают две сферы применения идеи справедливости: распределительная и уравнивательная. В первом случае имеем общество политическое (государство), во втором – экономическое. В экономическом обществе справедливое такое распределение, когда каждый получает долю дохода, пропорционально с его вкладом в общее дело. Так распределяют, скажем, прибыль акционерного общества. В политическом обществе распределяют как благо, прежде всего, власть, должности, награды и т.д. Следовательно, уравнивающая или ретроспективная справедливость регулирует бытие частной (гражданской) сферы общества; дистрибутивная призвана упорядочивать публичную (политическую) сферу.

Принцип справедливости касается индивидуальных свобод – свободы мысли и совести, свободы слова и собраний, политических свобод. Конституция и законы должны гарантировать эффективное использование этих свобод.

Смысл справедливости, как реальности, заключается в трех основных аспектах: степени отдачи, степени требования и правомерности оценки. Анализ различных воплощений идеи справедливости, заключается в том, что по отношению друг к другу люди имеют право на определенное относительное состояние равенства и безусловным, общим моментом всех современных концепций справедливости является идея прав человека, то есть признание одинакового обращения с людьми и отказ от привилегий

и иммунитетов, связанных с национальными и религиозными признаками, или неравенства, соответственно, к которому распределяются блага.

Справедливость входит в понятие права. Исходя из определения, закон является справедливым, а справедливость является неотъемлемым свойством и качеством права. Поэтому всегда актуальным вопросом о справедливости или несправедливости закона является, по существу, вопрос о правовой или неправовой природе права, его соответствии или несоответствии закону. Но такая постановка вопроса неуместна, так как право всегда справедливо и является носителем справедливости в социальном мире.

Соотношение права и правосудия в юридической литературе трактуется неоднозначно. Спектр мнений по данному вопросу лежит между полным непризнанием справедливости правовых категорий и общим определением права как нормативно закрепленного правосудия.

В социальном аспекте справедливость выступает как формальное равенство, единообразие масштаба (требований, законов, правил, норм), с помощью которого «измеряются» и поступки людей, становящихся в таком случае лицами, уравниваемыми между собой как субъекты права. И в морали, и в праве справедливость оказывается равенством, но существенно разной. В праве, справедливой является деятельность, которая больше всего соответствует требованиям закона.

Правовая справедливость, напротив, является равенством единиц, она вполне укладывается в рамки арифметического равенства, но в определенном смысле только ее и можно считать равенством, – люди равны именно как субъекты права.

Главным нормативным правовым актом, имеющим высшую юридическую силу, требования которого обязательны для применения на всей территории Российской Федерации и во всех ее субъектах, является Конституция РФ, частью 1 статьи 49 которой предусмотрено, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда [3].

Включение принципа презумпции невиновности в Конституцию РФ представляет собой огромное значение для

проведения расследования и рассмотрения уголовных дел, предоставляя дополнительную защиту и обеспечивая справедливое правосудие [4]. Кроме того, следует отметить, что принцип презумпции невиновности был отражен и в статьях действующего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, где впервые был закреплен в качестве основополагающего принципа уголовного процесса.

Как гласит статья 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации «Презумпция невиновности», указанная норма распространяет свое действие и на обвиняемое, и на подозреваемое лицо.

В частности, также необходимо выделить, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (часть 1 статьи 14 УПК РФ) [5]. Из чего, в свою очередь следует, что установление вины, должно быть только на основании обвинительного приговора, в то же время, при вынесении судом оправдательного приговора, лицо будет считаться невиновным.

Частью 2 статьи 14 УПК РФ определено, что подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения [5].

Из данной нормы следует, что решение суда о виновности лица не может быть основано на том, что:

1. Обвиняемое/подозреваемое лицо не сумело опровергнуть обвинение в его адрес;
2. Обвиняемое/подозреваемое лицо не смогло предоставить доказательную базу, которая подтверждала бы его невиновность и непричастность к преступлению, в котором оно обвиняется;
3. Обвиняемое/подозреваемое лицо отказывается от предоставлений необходимых пояснений и показаний.

Частью 3 статьи 14 УПК РФ предусмотрено, что все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого [5].

Если подготовленные и предоставленные на рассмотрение доказательства по рассматриваемому делу вызывают у стороны обвинения или суда определенные сомнения, и исчерпаны все

существующие возможности дополнить и расширить доказательную базу, то обвиняемый подлежит оправданию. В то же время, исходя из указанного следует, что сомнения относительно вины обвиняемого и все иные вопросы, связанные с данным делом, также толкуются в пользу обвиняемого. Также, в случае наличия на этапе предварительного расследования сомнений, не подлежащих устранению, уголовное дело прекращается.

Презумпция невиновности, как уже упоминалось выше, является фундаментальным принципом, который определяет правовой статус обвиняемого и в контексте уголовного процесса, и во всех остальных общественных отношениях, где он рассматривается как его участник.

До тех пор, пока приговор суда не станет законным, лицо, находящееся под стражей, все еще имеет право участвовать в выборах, пользоваться недвижимым имуществом и не может быть уволено с работы или исключено из списков учащихся учебного заведения из-за обвинений в совершении преступления.

Отметим также, что часть 4 статьи 14 УПК РФ закрепляет принцип презумпции невиновности с четким и прямым указанием: обвинительный приговор не может быть основан на предположениях [5], в очередной раз подчеркивая, что в рамках российского законодательства лицо считается виновным только лишь на основании решения суда.

В то же время, частью 2 статьи 77 УПК РФ установлено, что признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу [5].

Безусловно, объяснения обвиняемого представляют собой важный элемент при рассмотрении дела. Однако, содержание указанной нормы позволяет утверждать, что показания обвиняемого являются всего лишь информативной базой, которая предоставлена в ходе допроса в качестве основы для сбора доказательств относительно виновности (невиновности) обвиняемого. Показания, представленные обвиняемым, служат не только для подтверждения фактов, связанных с уголовным делом, но также являются средством защиты обвиняемого от предъявленного в его адрес обвинения. Дополнительно, стоит отметить, что обвиняемый имеет право на предоставление не только объяснений, касающихся конкретных сведений о произошедших событиях, но и объяснений, включающих в себя

различные предположения и версии для его защиты. Следовательно, данные пояснения нельзя рассматривать как прямые, достоверные доказательства, поскольку они не опираются на фактические сведения о произошедших обстоятельствах, а представляют собой лишь логические выводы и умозаключения обвиняемого лица. Вместе с тем, объяснения обвиняемого в отличие от объяснений свидетелей и потерпевших, играют особую роль в процессе доказывания, так как обязывают следователя, дознавателя, прокурора и суд осуществлять проверку выдвигаемых обвиняемым версий и предположений, имеющих некоторые разумные основания.

Выводы. В современном цивилизованном мире справедливость означает обретение всеми людьми одинаковых прав и свобод. Общественное продвижение направлено на полное признание равного достоинства и свободы каждого человека. Немало исторических документов, политических обращений и памятников гуманизма начинаются постулатом равенства.

Таким образом, объяснения обвиняемого не могут рассматриваться и приниматься стороной обвинения как окончательное доказательство его вины либо ее отсутствия, ввиду требований к их достоверной проверке, объективному и всестороннему рассмотрению и непосредственному подтверждению доказательствами – фактами и аргументами, собранными и полученными в ходе расследования.

Из вышеуказанного следует, что при вынесении судом обвинений, им должны учитываться все имеющиеся в деле факты, доказательства, а также объяснения обвиняемого, его аргументы, умозаключения, анализ и соответствующая их проверка.

Хотелось бы также отметить, что сохранение принципа презумпции невиновности сопряжено с определенными трудностями - такими как влияние на ход дела и давление на суд общественного мнения о рассматриваемых уголовных делах. Однако, не смотря на это, закрепленный принцип уголовного права позволяет на законодательном уровне избежать и предотвратить такие судебные ошибки как вынесение неправомερных приговоров, в связи с чем, можем сделать вывод, что принцип презумпции невиновности направлен на установление справедливости в уголовном процессе и привлечении к ответственности только виновных лиц.

Таким образом, выделим, что основными нормативными правовыми документами, регулирующими правовой статус обвиняемого в Российской Федерации, в которых закреплён принцип презумпции невиновности как один из основных принципов правового государства, являются Конституция Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Включение презумпции невиновности в Конституцию РФ и УПК РФ является крайне значимым для проведения расследований и судебных процессов по уголовным делам, что в итоге дополнительно обеспечивает справедливое правосудие.

Список использованных источников

1. Канкулов, А. Х. Принцип презумпции невиновности как основа уголовного судопроизводства // Право и государство: теория и практика. - 2021. - № 8 (200). – С. 93-94. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-prezumptsii-nevinovnosti-kak-osnova-ugolovnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 13.10.2023).

2. Химичева, Г.П. К вопросу о корректировке принципа презумпции невиновности // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-korrektirovke-printsipa-prezumptsii-nevinovnosti> (дата обращения: 15.10.2023).

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2023).

4. Смолькова, И. В. Презумпция невиновности – конституционный принцип российского уголовного судопроизводства / И. В. Смолькова, Х. А. Каландаришвили. – Текст: электронный // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2019 - № 2 (24). – С. 88-92. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prezumpsiya-nevinovnosti-konstitutsionnyu-printsip-rossiyskogo-ugolovnogo-sudoproizvodstva> (дата обращения: 14.10.2023).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. N 174-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.10.2023).

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ НАУКИ И ФОРМА ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

ХОРУЖЕНКО К. А.,
канд. ист. наук, доцент кафедры
теории и истории государства и права,
юридический факультет
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассмотрены основные теоретические подходы к пониманию сущности правосознания. Показано, что правосознание выступает основой правовых норм, законов любого государства и распространяется на всех участников общественных отношений. Правовое сознание выступает ключевым компонентом правовой системы государства, и его следует изучать с учётом существующих научных подходов.

Ключевые слова: правосознание, общественное сознание, социология права, теория правовых основ ДНР, государство, общество, нормы права

LEGAL CONSCIOUSNESS AS A SOCIO-LEGAL CATEGORY OF SCIENCE AND A FORM OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

KHORUZHENKO K. A.,
Faculty of Law, Associate Professor,
Candidate of Historical Sciences,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article discusses the main theoretical approaches to understanding the essence of legal consciousness. It is shown that legal awareness is the basis of legal norms, laws of any state and applies to all participants in public relations. Legal consciousness is a key component of the legal system of the state, and it should be studied taking into account existing scientific approaches.

Keywords: legal consciousness, public consciousness, sociology of law, theory of the legal foundations of the DPR, state, society, norms of law

Постановка задачи. Роль правосознания в современном устройстве общества всегда была и остаётся в поле зрения основных направлений и задач социально-правовой и гуманитарной наук. В свою очередь она определяется как объективно необходимым процессом развития самого общества, так и задачами формирования человека как члена этого общества. В данной концепции роль правосознания сводится к одному из важнейших условий развития общественных отношений, определяющего степень участия каждого в управлении делами общества и государства. Это направление особенно важно в условиях становления и развития правовых основ государственности Донецкой Народной Республики. Отсюда вытекает и доказательность взаимосвязи представленного исследования с научной теорией и практическими задачами государства и права ДНР. Тем более что проблема рассматривается на стыке научных социально-психологических течений.

Для современных условий данная проблема имеет не только теоретическую, но и практическую значимость, что продиктовано характером современной политической ситуации. Феномен правосознания как форма общественного сознания всегда имел большое значение. Обладая собственным культурным статусом в социуме, правосознание является реальным фактором изменения правовой реальности. Оно оказывает влияние на все правовые сферы общества, его значение в социально-правовой системе неизмеримо.

Правосознание представляет собой определённую форму человеческого сознания. Данное явление по сущности идеальное, но непосредственно не наблюдаемое, которое с давних пор является предметом дискуссий в научной среде. Попытки определить роль правосознания в процессе правотворчества и правореализации предпринимались неоднократно и в разные периоды.

Анализ исследований и публикаций по данной проблеме. Категория правосознания разрабатывалась и исследовалась ещё в российской юридической науке имперского периода, достаточно вспомнить работы Л. И. Петражицкого [1], И. А. Ильина [2], П. И. Новгородцева [3] и др. Следует отметить и библиографию более позднего периода в истории права, наиболее

фундаментальными среди которых можно отметить отдельные работы, представляющие интерес для данного анализа [4-8].

Как результат многократных исследований вырисовывается итог, что правосознанию чаще всего приписываются нормативные и регулятивные свойства и функции. В качестве целей правосознания авторы указывают на формирование правопорядка [9, с. 18]. Подобные утверждения приводят к смешению содержания категории правосознания с понятиями, отражающими различные стороны правового регулирования.

Следовательно, правосознание существует в качестве самостоятельного правового явления как такового, но в то же время чётко отграничить его от социальных явлений не всегда удаётся однозначно и категорично.

Анализ современных публикаций показал, что проблема правосознания как социально-правовой категории является довольно интересной в ракурсе меняющихся обстоятельств и происходящей реальности. Кроме того, исследование данной категории с позиции философских основ обусловлено самой диалектикой общества и отношений внутри социума.

Так, многие авторы, рассматривая понятие правосознание, а также его структуру и функции, аргументируют, что правосознание – есть отношение людей к праву, основанное на знаниях о праве и чувствах. То есть это субъективное восприятие человеком правовых явлений. Это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права. Здесь следует отметить работы современных исследователей: В. И. Бурлаков [10], О. В. Лещенко [11], А. В. Старикова [12], А. С. Подгорнова [13], В. В. Беденков [14], Е. И. Махрова [15] и др.

На ряд аспектов, касающихся вопросов формирования обыденного правосознания граждан, обращает внимание и В. В. Беденкова [14, с. 23].

Научный анализ обыденного правосознания предполагает исследование правового менталитета общества, без чего трудно понять внутреннюю логику, устойчивость, самобытность правосознания, его типичные социально-психологические реакции.

Указанная работа представляет собой одно из первых исследований теоретических вопросов проявлений обыденного правосознания в праве.

Правосознание – это одна из форм общественного сознания, представляющая собой систему правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений, оценок, настроений, чувств, в которых выражается отношение индивидов, социальных групп, всего общества к существующему и желаемому праву, к правовым явлениям, к поведению людей в сфере права. То есть это субъективное восприятие правовых явлений людьми, считает Е. К. Борисова [8, с. 54-56]. Автор утверждает, что это наиболее распространённые и первичные правовые воззрения людей на состояние законодательства, правосудия, законности и выражающие их оценочное отношение к правовой сфере общества.

Заметный интерес вызывает и правовая природа профессионального правосознания. Исследователь рассматривает роль профессионального правосознания с позиции структурного и функционального подходов. Исследователь даёт квалифицированную характеристику профессионального правосознания в сравнении с обыденным и теоретическим правосознанием, а также здесь перечислены его признаки [15].

Нерешённые ранее части общей проблемы, которым посвящена настоящая статья. Изучение правосознания как феномена социальной жизни всегда значимо, продиктовано его структурной сложностью и обосновано постоянной необходимостью видоизменения в процессе эволюции. Социально-философский анализ позволяет определить взаимосвязь правосознания с социальными явлениями, происходящими в обществе. Тем не менее, не все стороны правового сознания оказались исследованными в той мере, в которой это необходимо на данном этапе и в представленном свете.

Как показывает анализ, на протяжении многих лет правосознание рассматривалось либо как правовое теоретическое сознание, либо как идеология. Такой подход хотя и верно охватывает наиболее существенные черты правосознания, однако далеко не исчерпывает всего его содержания и важных особенностей его отдельных относительно самостоятельных подструктурных образований.

Здесь правовая психология является одним из связующих звеньев между условиями материальной жизни и юридической надстройкой общества. В условиях становления правовой системы ДНР, что вызвано историческим интересом и нуждается в концептуальном развитии, это звено играет важную роль, как в процессе формирования права в целом, так и в процессе обратного воздействия права на общественное развитие.

Правосознание на современном историческом этапе едино для нашего общества. Однако это единство основных правовых принципов, идей, идеалов и ценностей не исключает весьма значительных различий в сфере правовой психологии и социологии относительно более конкретных вопросов, касающихся интересов тех или иных категорий населения. Тщательное исследование и изучение этих особенностей правовой науки, психологии слоёв и социальных групп, учёт влияния на правовую психологию различных социально-демографических факторов, а также изучение процессов воздействия правовой психологии на сознание личности является необходимым условием эффективности познания и научного управления общественными процессами. Отсюда следует актуальность исследования проблем правовой психологии для других наук, предметом изучения которых являются общественные отношения и поведение личности, а именно социологии, социальной психологии и теории правовой науки в целом.

Формулировка целей статьи. Определение нерешённых направлений представленной проблемы даёт возможность сформулировать *цель представленного исследования* – исходя из положения, что главное содержание сознания, характера элементов сознания, их направленность определяются мерой освоения личностью общественных отношений и форм деятельности, очевидна необходимость проследить основные пути формирования правосознания личности.

Для достижения поставленной цели определены основные *задачи*: изучить структуру правосознания и определить место в ней правовой психологии; исследовать эмоциональную сторону правосознания личности в обществе; раскрыть диалектику взаимодействия правовой психологии и идеологии через формирование правосознания.

Изложение основного материала. Правосознание является особой формой общественного сознания, тесно связано с другими

его формами (особенно с политической и нравственной), но не сводится к ним исключительно. Оно возникает и существует на основе особой социальной потребности общества в чётко определённой и обеспеченной силой государства регламентации поведения людей посредством установления прав и обязанностей участников правовых отношений. Как сложное духовное образование оно представляет собой единство интеллектуальных, эмоциональных и волевых моментов. В основном этим трём сферам человеческой психики соответствуют и три главные функции правосознания, общие для сознания в целом, – познавательная, оценочная и регулятивная. Последняя является особенно характерной для правосознания.

Поскольку правовое сознание существует как на уровне профессионального, так и на уровне массового сознания, то его подструктурами правовой сферы духовной жизни будут следующие: теоретическое правовое сознание и обыденное сознание; правовая идеология и правовая психология; научно-теоретическая и организаторско-идеологическая деятельность, с одной стороны, и повседневно-практическая деятельность – с другой. Структурный анализ позволяет более точно определить место правовой психологии в структуре правосознания и соотношение его с понятиями «обыденное сознание» и «правовая идеология».

Правосознание есть особая форма правового мышления. Это ключевой момент в понимании логики проявления и природы правосознания. Отсюда следует, что в основе существования правосознания лежат определённые объективные причины. Характерно, что в совокупности они могут быть сведены к условиям разрешения субъектами практической деятельности противоречий между правовой действительностью и правовой реальностью.

Поскольку при таком понимании правовая психология оказывается особенно тесно связанной с эффективной (оценочной – в более широком смысле) функцией правового сознания, то следует более детально рассмотреть эмоциональную сторону правосознания. При этом нужно обратить внимание на следующие моменты. Во-первых, эмоциональная сторона правосознания (эмоции, настроения, чувства и т.д.) в силу разных причин является менее всего изученной областью этой формы общественного

сознания в представленном ракурсе. Во-вторых, роль эмоциональной сферы правосознания больше всего служит предметом различного рода идеологических спекуляций со стороны представителей противоположных точек зрения в социологии права и юриспруденции. И, в-третьих, в научной литературе сложились различные, порой прямо противоположные точки зрения и взгляды по данной проблеме, что вызывает интерес и желание провести авторское исследование.

Эмоциональная сторона правосознания включает в себя разнопорядковые явления – реакции, состояния, отношения и пр. Им соответствуют эмоции правового типа, настроения и правовые чувства. Правовые чувства – это разновидность так называемых высших чувств человека. Они представляют собой эмоциональные отношения людей к праву, его нормам, правовым актам и другим правовым явлениям. Это своеобразные переживания людей социальных явлений именно под углом зрения и измерения правовых категорий. Основными правовыми чувствами являются чувства законности, справедливости, ответственности, чувства прав и обязанностей и т.п. Основанием и критерием для выделения подобной группы высших предметных чувств человека является специфика их предметного и категориального характера. Правовые чувства и эмоции играют большую роль в процессе познания и оценки общественных явлений и процессов, а также в практической деятельности человека как члена общества.

Массовое правовое сознание – довольно сложное, многослойное и противоречивое образование. И дело не только в том, что оно складывается под влиянием многих факторов и является результатом как целенаправленного процесса обучения и воспитания, так и обобщения непосредственного опыта отдельных групп, слоёв, коллективов. Оно по самой своей природе содержит разные комплексы элементов. Будучи рассмотрено как определённая система знаний и навыков, взятых как бы вне зависимости от интересов и потребностей отдельных лиц, групп и слоёв общества, т.е. объективных по своему содержанию, оно выступает как обыденное правосознание. Но поскольку человек не безразличен к происходящему вокруг него, то его знание чаще всего проникнуто личностным отношением к тем или иным проблемам жизни, регулируемым юридическими нормами. А поскольку указанные проблемы имеют более или менее

определяемое значение в жизни любого человека, их решение может отвечать или не отвечать его потребностям и интересам, а, следовательно, вдохновлять, радовать, огорчать, подавлять и т. д. В таком виде, то есть, будучи соотнесённым уже не столько с объектом, сколько с субъектом познания и деятельности, это правовое сознание выступает уже как правовая психология.

Следует отметить, что правовая психология является совокупностью (или системой) правовых чувств и представлений определённых социальных групп, классов или общества в целом, носящих оценочный характер и складывающихся на уровне массового сознания людей. Отсюда, субъектом, или носителем, в данном случае является социальный субъект – личность, общество и различные общественные группы. Это не сумма индивидуальных сознаний, а качественно новое образование, имеющее свои собственные, отличные от индивидуальной психики, закономерности развития.

В этом своём качестве правосознание играет ту самую роль, которая способствует формированию новых правовых норм, изменению их содержания, или же сохранению старых норм и принципов в новой концепции.

С точки зрения социологии права взаимодействие правовой психологии и правовой идеологии имеет сложную диалектику. При этом следует заметить, роль идеологии имеет преобладающее значение в формировании правовых основ социологии и психологии общества. Но их взаимодействие не является только односторонним. Сама правовая идеология развивается под активным воздействием общественной психологии, присущих ей правовых представлений, воззрений, чаяний и требований. В ней аккумулируется повседневный опыт масс, их интересы и потребности. И в этом смысле правовая идеология является своеобразным продуктом «кристаллизации» и «конденсирования» общественной психологии и социологии.

В данной концепции правовая психология занимает определённое место как звено, соединяющее материальные условия жизни людей и право, систему норм, установленных или санкционированных государством. Правовая психология выступает как этап осознания объективных по своей природе потребностей и интересов, как момент становления самосознания различных социальных групп.

Экономические и иные потребности, пройдя через сознание человека и приобретая форму юридических мотивов, благодаря деятельности государства или уполномоченного им органа, получают выражение в нормах права. Таким образом, отношение между интересами и потребностями членов общества, с одной стороны, и правом, с другой, опосредствуется правовым сознанием.

Путь от права к реализации объективного интереса также проходит через сферу общественного сознания, причём правовая идеология и психология опять же выступают необходимыми звеньями этой цепи. Право – один из важнейших факторов, под влиянием которого формируются мотивы человеческой деятельности. Существенная черта «психологического механизма» воздействия права на общественные отношения состоит в том, что правовое регулирование способствует формированию и развитию мотивов поведения, предусмотренного в нормах права.

Таким образом, процесс осознания общественных интересов и процесс их реализации в значительной своей части протекают именно в той области, которая выражает и представляет правовую психологию личности.

Совокупность чувств, настроений, ценностных ориентаций, взглядов, мнений, убеждений, привычек и т.д., существующих в массовом правовом сознании, и есть общее направление социологии и правовой психологии. При этом характерной чертой их является функциональная связь указанных категорий с потребностями и интересами отдельных социальных групп и общества в целом.

Оценочное отношение социального субъекта к окружающей действительности является наиболее существенным для определения данной функциональной связи элементов массового правового сознания с общественными интересами, так как именно в оценочной стороне правовой психологии и социологии находит своё выражение то особое значение объекта для субъекта и отношение личности к тем или иным явлениям, которые и есть предметом правосознания.

И если специфика общественной психологии вообще в отличие от других подструктурных образований общественного сознания (теоретического и обыденного) состоит в том, что она, как и идеология, всегда выражена интересами отдельных социальных групп, то есть в присутствии её оценочного момента, то специфика различных видов общественной психологии заключается большей

частью именно в особенностях самих оценочных операций, в характере, критериях и предметах оценок.

Правовые суждения, являющиеся моделью деятельности правосознания человека, характеризуются двумя сторонами: 1) они описывают или указывают на конкретное общественное явление (поступок, событие, образ жизни и т.д.), которое существует в действительности, совершается или возможно в будущем; 2) правовые суждения содержат предписания (запреты, дозволения, рекомендации и т.п.) и оценки данного социального явления. В особенностях этой нормативно-оценочной стороны правовых суждений и состоит специфика правосознания как вида общественного сознания.

Интересы личности и общества многообразны, однако далеко не все из них могут быть защищены правом и нуждаются в правовой защите. Во-первых, возможности правовой системы ограничены в смысле детального регламентирования интересов. Во-вторых, не все отношения между членами общества поддаются правовой регламентации. В-третьих, далеко не всегда является целесообразным регламентировать правовыми нормами те или иные общественные отношения. Поэтому правовой оценке и регламентации подвергаются лишь определённые интересы личности, являющиеся жизненно важными для всех членов общества (или части его), типичными, такими, которые наиболее ярко выражают сущность общественных отношений, имеют известное социальное значение. Поэтому правовые нормы и содержащиеся в них оценки в современном обществе носят ярко выраженный структурированный социальный характер.

Правовые нормы, в отличие от нравственных, содержат не столько общий принцип, сколько строгую регламентацию, точно определяющую границу поведения личности. Границы поведения личности строго очерчены, и человек может поступать только так, как это определено рамками нормы, а не иначе. А из этого вытекает ряд различий правовой и нравственной категорий. Нравственная оценка чаще всего основывается на эмоциональных критериях и установках, проявляется в чувствах и эмоциях, удовлетворённости, негодовании, преданности и т.д. В правовом регулировании чувства и эмоции играют значительно менее заметную роль. В подавляющем большинстве случаев правовое регулирование основано на рациональных критериях оценки поведения, точно определённых в законе. А отсюда следует и такая особенность

правовой психологической концепции правосознания, как её довольно ярко выраженный рационалистический характер.

Выводы. Проанализировав основные теоретические подходы к пониманию сущности правосознания, можно сделать вывод о том, что правовое сознание выступает одной из форм общественного и индивидуального познания. Изучение правового сознания отдельных индивидов, групп, всего общества в целом возможно посредством проведения оценки правовых взглядов, теорий, идей, представлений, убеждений к отношению о действующих или желаемых нормах права.

Правосознание как самостоятельный и целостный феномен включает в себя различные теоретико-правовые аспекты психологического, юридического, социального, политического, морального содержания, которые непосредственно влияют на особенности его формирования. Правосознание обуславливает поведение в юридически значимых ситуациях.

Учитывая особенности изучения проблем правосознания в юридической науке и многосторонние взгляды на проблему формирования такового в современном обществе, можно сделать вывод о сущности процесса его формирования и содержательной наполняемости с учётом современных тенденций. В целом сегодня парадигма правосознания общества – это процесс, продвигающий эволюцию общественного сознания к новому уровню коллективного разума. Следовательно, есть основания и благодатная почва для дальнейшего более глубокого анализа.

Список использованных источников

1. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2-х частях. – Часть 1 / Л. И. Петражицкий. – Москва : Юрайт, 2020. – 237 с. – Текст : непосредственный.

2. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – Москва : Рарогъ, 1993. – 235 с. – Текст : непосредственный.

3. Новгородцев, П. И. Сочинения / П. И. Новгородцев. – Москва : Раритет, 1995. – 448 с. – Текст : непосредственный.

4. Остроумов, Г. С. Правовое осознание действительности / Г. С. Остроумов. – Москва : Наука, 1969. – 173 с. – Текст : непосредственный.

5. Чефранов, В. А. Правовое сознание как разновидность социального отражения: (философско-методологический очерк) /

В. А. Чефранов. – Киев : Вища школа, 1976. – 210 с. – Текст : непосредственный.

6. Щегорцев, В. А. Социология правосознания : монография / В. А. Щегорцев. – Москва : Мысль, 1981. – 174 с. – Текст : непосредственный.

7. Малахов, В. П. Правосознание: природа, содержание, логика / В. П. Малахов. – Москва : Право, 2001. – 386 с. – Текст : непосредственный.

8. Борисова, Е. К. Функции правосознания / Е. К. Борисова. – Текст : непосредственный // Вестник науки и образования. – 2019. – № 24 (78), ч. 3. – С. 54-56.

9. Колотов, А.Ф. Правовое сознание: понятие, структура, функции / А. Ф. Колотов. – Оренбург : МГЮА, 1997. – 76 с. – Текст : непосредственный.

10. Бурлаков, В. И. Феномен правосознания / В. И. Бурлаков. – Текст : непосредственный // Мир юридической науки. – 2014. – № 3. – С. 12-19.

11. Лещенко, О. В. Теоретико-правовые подходы к пониманию сущности правового сознания / О. В. Лещенко. – Текст : непосредственный // Вестник Костромского гос. ун-та им. Н. А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 174-178.

12. Старикова, А. В. О проблемах определения сущности правосознания / А. В. Старикова. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук в современных условиях : сборник научных трудов по итогам Междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2016. – С. 35-37.

13. Подгорнова, А. С. Правосознание / А. С. Подгорнова. – Текст : непосредственный // Вестник науки: Международный научный журнал. – 2019. – № 1 (10). – Т. 1. – С. 94-96.

14. Беденков, В. В. Понятие и структура обыденного правосознания / В. В. Беденков. – Текст : электронный // Юридические науки. – Москва, 2019. – С. 23-27. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-obydenного-pravosoznaniya>

15. Махрова, Е. И. Правовая природа профессионального правосознания: понятие, структура и функции / Е. И. Махрова. – Текст : электронный // Общество, политика, экономика, право. – 2021. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-professionalного-pravosoznaniya-ponyatie-struktura-i-funktsii>

РАЗДЕЛ 4

**Гражданское право; гражданско-процессуальное право;
семейное право; бюджетное право; земельное право;
нотариальное право; хозяйственное право; наследственное
право**

УДК 347.9

DOI 10.5281/zenodo.10683547

ОСОБЕННОСТИ КАССАЦИОННОЙ И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

**ДЕРБИШЕВА О. А.,
Преподаватель кафедры государственных и
гражданско-правовых дисциплин,
Донецкий филиал Волгоградской
Академии МВД РФ,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Кассационное и надзорное производство в российском гражданском праве имеет основную задачу в виде четкого обеспечения законности каждого решения. Кассационное и надзорное производство в российском гражданском праве имеет основную цель в виде четкого обеспечения законности каждого судебного решения. Каждому гражданину Российской Федерации Конституцией гарантируется право на обжалование судебных решений и право на защиту прав и законных интересов. Существование всех судебных инстанций неразрывно связаны с судебной системой и играют важнейшую роль в жизни гражданского общества.

Ключевые слова: кассация, процессуальная реформа, сплошная кассация, гражданский процесс, представление

FEATURES OF THE CASSATION AND SUPERVISORY AUTHORITY IN CIVIL PROCEEDINGS

**DERBISHEVA O. A.,
Lecturer of the Department
of State and Civil Law Disciplines,
Donetsk branch of Volgograd
Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

Cassation and supervisory proceedings in Russian criminal law have the main task of clearly ensuring the legality of each decision. Cassation and

supervisory proceedings in Russian civil law have the main goal of clearly ensuring the legality of each court decision. Every citizen of the Russian Federation is guaranteed by the Constitution the right to appeal against court decisions and the right to protection of rights and legitimate interests. The existence of all existing judicial instances is inextricably linked with the judicial system and plays a crucial role in the life of civil society.

Keywords: *cassation, procedural reform, continuous cassation, civil process, performance*

Постановка задачи. В данной работе рассмотрены общие положения о кассационной и надзорной инстанции, изучена их взаимосвязь и их различия между собой, а также выявлена проблематика, которая выражается в увеличенной нагрузке на судебную систему в целом, что выражается в подаче ходатайств о восстановлении процессуальных сроков в суд кассационной и надзорной инстанции. Данные действия обусловлены тем, что в законодательстве не установлен конкретный перечень, при которых могут быть восстановлены процессуальные сроки, в связи с чем лица часто ходатайствуют без уважительных причин, создавая излишнюю нагрузку на суд.

Актуальность. Актуальность данной темы обусловлена прежде всего тем, что решение рассматриваемой проблемы в работе существенно снизит нагрузку на суд кассационной инстанции и позволит в значительно укороченные сроки разрешать судебные дела. На данный момент, исходя из анализа судебной практики, всё чаще складываются случаи, когда в суд подаются ходатайства о восстановлении процессуальных сроков, причём данные ходатайства подаются без уважительных причин на восстановление таких сроков, что замедляет процесс судопроизводства в судах на разъяснение гражданам о их необоснованности ходатайств и вынесении соответствующих решений об отказе в удовлетворении ходатайства. Разработка методов по устранению данной проблемы путём внесения изменений в законодательство Российской Федерации поможет усовершенствовать его и устранить те пробелы, которые имеются в настоящее время в законодательстве, создающие высокую нагрузку на суды всех видов инстанций. Рассматриваемая проблематика имеет важное практическое значение для судов кассационной и надзорной инстанции, так как рассматриваемое явление непосредственно связано с нагрузкой на судебную систему, что значительно замедляет процесс рассмотрения жалоб и создаёт неэффективную систему разрешения судебных дел.

Анализ последних исследований и публикаций. Исследованию вопроса кассационной инстанции как суда надзорной инстанции, а также рассмотрению проблематики данных инстанций в Российской Федерации посвящено множество работ учёных-правоведов, среди которых: Е.И. Жеребцова, Л.Ф. Лесницкая, Д. В. Богословский.

Цель. Целью исследования является анализ теоретических аспектов кассационной и надзорной инстанции, выявлении сходств и отличий кассационной и надзорной инстанции, а также изучение проблем, связанных с рассматриваемым вопросом и разработка методов устранения выявленных проблем. Цель данной работы будет достигнута путём выполнения задач, которые заключаются в анализе кассационной и надзорной инстанции, рассмотрении их сходств и отличий, а также более детальным изучением проблематики вопроса, касаемо судов кассационной и надзорной инстанции для последующего составления путей решения проблематики с усовершенствованием законодательства.

Изложение основного материала исследования. Каждому человеку Конституцией Российской Федерации гарантируется конституционное право на судебную защиту и вынесение судами законных и обоснованных решений. В случае, если судом было вынесено незаконное или необоснованное решение, в данном случае лицо, чьи права были нарушены, имеет право на защиту своих законных интересов и прав. После вынесения судом незаконного решения лицо может подать жалобу на решение, которое ещё не вступило в законную силу и решение будет обжаловано, пересмотрено и вероятнее, если суд признает нарушение за нижестоящим судом, то будет вынесено законное и обоснованное решение по делу. Не всегда дела обжалуются из-за незаконного вынесенного решения суда первой инстанции, иногда, как это исходит из судебной практики Российской Федерации, суд первой инстанции может допустить судебные ошибки, которые влекут за собой необоснованность решения в силу неправильного применения закона или допущения иных ошибок [2].

Анализируя положения законодательных актов Российской Федерации, следует выделить, что кассационное производство – это урегулированное нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее ГПК РФ) общественное отношение, которое возникает в связи с необходимостью проверки вышестоящим судом законности и обоснованности не вступивших

в законную силу решений и определений судов первой инстанции, непосредственно с участием суда первой инстанции, акты которого подвергаются проверке, а также лиц, принимающих участие в деле [8, с. 178].

Как исходит из статьи 347 ГПК РФ, при рассмотрении судебного дела в кассационном порядке, суд проверяет законность и обоснованность решения суда первой инстанции в пределах кассационной жалобы или представления [1].

Суд кассационной инстанции допускает представление в суд дополнительных доказательств, чтобы в последующем дать оценку новым доказательствам и установить те факты, которые не были установлены ранее. Однако, такие доказательства могут быть допущены в суд кассационной инстанции только в том случае, если судом будет установлено, что новые доказательства не могли быть представлены в суд первой инстанции в силу каких-либо обоснованных причин.

Правом на кассационное обжалование обладают лица, которые принимают участие в деле. Таким правом лица наделяются с момента вынесения судебного решения.

В свою очередь прокурор имеет право на подачу кассационного представления в случае, если он принимал непосредственное участие в судебном деле.

Объектом кассационного обжалования является решение суда первой инстанции, которое ещё не вступило в законную силу. В свою очередь следует отметить, что, допустим, постановления суда, которые были вынесены судом второй или надзорной инстанции, не могут быть обжалованы в кассационном порядке, потому что в кассационном порядке обжалуются только решения судов первой инстанции.

Касаясь задачи кассационного производства, стоит выделить то, что основной задачей данного производства является проверка законности и обоснованности обжалованных решений суда, которые не вступили в законную силу.

Рассматривая содержание кассационного производства, следует выделить характерные особенности кассационного производства, которые заключаются в том, что:

1) Кассационное производство обладает доступностью. Доступность заключается в том, что любое лицо, которое принимает участие в деле и если оно не согласно с вынесенным

решением суда, то оно имеет право обжаловать решение суда первой инстанции в кассационном порядке, чтобы в последующем решение было пересмотрено и были устранены все недостатки. Таким образом, доступность, заключающаяся в подаче жалобы на неверное вынесенное решение, позволяет значительно экономить средства и время, что в свою очередь облегчает доступ к правосудию.

2) Кассационное производство экономит денежные средства. В Российской Федерации обращение в кассационную инстанцию обладает характерной чертой в виде дешевизны, так как государственная пошлина имеет незначительную сумму для подачи жалобы в суд для пересмотра дела. В свою очередь частные жалобы на определения федеральных судов первой инстанции вовсе не должны быть оплачиваемыми государственной пошлиной от кассатора.

3) Кассационное производство значительно экономит время. Так, пересмотр судебных решений, которые не вступили в законную силу, довольно таки быстро проверяются и пересматриваются судом кассационной инстанции, в свою очередь сроки кассационного обжалования вовсе краткие. Всё это свидетельствует о том, что в кассационном порядке дела могут быть пересмотрены в короткое время, что значительно экономит временной ресурс всех участников судебного процесса.

4) Кассационное производство отличается коллегиальностью. Гражданские дела в суде кассационной инстанции рассматривается исключительно коллегиально [7, с. 312].

В свою очередь, взяв во внимание надзорную инстанцию отдельно от кассационной инстанции, следует выделить, что надзорная инстанция – это суды, которые обладают правом проверять законность и обоснованность решений и приговоров суда, уже вступивших в законную силу [4, с. 449].

Отмена судебных актов суда первой инстанции осуществляется на основании различных нарушений, которые регламентированы законодательством Российской Федерации. Среди таких нарушений следует выделить:

1) нарушение прав и свобод человека, которые гарантированы международными договорами, нормативно-правовыми актами Российской Федерации и непосредственно Конституцией.

2) нарушение прав и законных интересов лиц или иных законных интересов;

3) единообразии в применении судами норм права.

Те судебные решения, которые уже вступили в законную силу, но являются незаконными или вынесены с нарушениями, могут быть пересмотрены в порядке надзорного производства в Президиуме Верховного Суда Российской Федерации, где непосредственно и будет принята жалоба и пересмотрено дело с учётом допущенных ошибок судов нижестоящих инстанций.

В Президиум Верховного Суда Российской Федерации имеют право обращаться с представлением прокурор, если он принимал непосредственное участие в деле, а также Генеральный прокурор и его заместители.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации после рассмотрения жалобы, которая ему поступила, имеет право:

1) отменить постановление суда первой инстанции полностью либо в определённой части, а также направить дело на повторное рассмотрение в соответствующий суд;

2) оставить постановление суда первой инстанции без изменения, а непосредственно саму жалобу без удовлетворения;

3) прекратить производство по делу;

4) оставить в законной силе одно из принятых по делу судебных постановлений;

5) отменить или же изменить постановление суда первой инстанции, кассационной инстанции, а также принять новое судебное постановление, не отсылая дело на пересмотр в другой суд;

6) в некоторых случаях, при наличии обстоятельств, установленных в законодательстве, имеет право оставить жалобу и представление без рассмотрения.

Кассационное и надзорное производство в российском гражданском процессе имеет основную цель в виде четкого обеспечения законности каждого судебного решения.

Кассационное и надзорное производство имеют между собой множество сходств и можно выделить то, что их общим звеном является пересмотр решений суда. Кассация и надзор между собой отличаются судебными инстанциями, которые проверяют законность вступившего в законную силу судебного акта [5, с. 212].

Рассматривая то, что объединяет кассационное и надзорное производство, необходимо выделить следующее:

1) кассационное и надзорное производство имеют одинаковые цели и задачи;

2) кассационное и надзорное производство имеют одинаковое социально-правовое значение;

3) кассационное и надзорное производство имеют общий предмет, который заключается в том, что законность и справедливость судебных решений нижестоящих судов являются приоритетом;

4) правила об обязательности исполнения нижестоящими судами указаний судов, рассматривающих судебное дело в порядке кассационного или надзорного производства;

5) имеются схожие требования к форме и содержанию кассационных и надзорных жалоб, а также представлений, помимо прочего, в кассационное и надзорное производство возможно представить дополнительные материалы дела, которые в последующем будут рассмотрены и будут учтены новые обстоятельства по делу.

Также необходимо выделить отличия кассационного и надзорного производства. Так, отмечая первое отличие, стоит указать на то, что надзорное и кассационное производство отличаются друг от друга характером обжалуемых судебных решений. В судебном производстве обжалуются решения, которые уже вступили в законную силу, а в кассационном производстве обжалуются решения, которые ещё не вступили в законную силу.

Вторым отличие является то, что в кассационном и надзорном производстве разный порядок представления жалоб в суд. В надзорном порядке подаются жалобы конкретно в суд надзорной инстанции, а в кассационном порядке подаются жалобы через тот суд, который непосредственно вынес судебное решение.

Третьим отличием можно выделить то, что в порядке кассационного и надзорного производства имеются различия в процессуальном порядке рассмотрения судебных дел. Так, суд кассационной инстанции, после того, как получил жалобу, приступает сразу к рассмотрению жалобы и назначает судебное заседание, в котором будут разрешаться вопросы, затрагиваемые в жалобе. В свою очередь в надзорном производстве сперва осуществляется ознакомление с жалобой, также принимается

предварительное решение и уже после этого происходит рассмотрение и разрешение судебного дела.

По мнению Е.И. Жеребцовой «в 2019 году в Российской Федерации была проведена судебная реформа, которая изменила систему судов апелляционной и кассационной инстанции» [6, с. 69].

Анализируя судебную практику Российской Федерации, была обнаружена проблематика. На суды кассационной инстанции возложена большая нагрузка, что связано с обращением в суд кассационной инстанции с ходатайством о восстановлении процессуальных сроков на подачу апелляционной жалобы. Данное право предусмотрено статьей 112 ГПК РФ [1].

Из анализа Постановления Санкт-Петербургского городского суда № 44Г-324/2019 4Г-5423/2019 от 20 ноября 2019 года по делу № 2-1817/2018 было выявлено, что разрешая вопрос о восстановлении пропущенного процессуального срока на подачу апелляционной жалобы гражданина, суд первой инстанции руководствовался положениями частей 1 и 2 статьи 112 ГПК РФ и исходя из тех доводов, которые привёл суду истец по делу, суд пришёл к выводу о том, что достаточных оснований для восстановления пропущенного процессуального срока не имеется, так как у истца была возможность подать жалобу, потому что последним днем процессуального срока на обжалование решения, изготовленного в окончательном виде 29 декабря 2018 года, является 30 января 2019 года, тогда как посредством почтового отправления истца апелляционная жалоба была подана 25 февраля 2019 года [3].

Так как законодательство Российской Федерации не устанавливает каких-либо формальных критериев для определения уважительности причин пропуска процессуальных сроков, данный вопрос решался с учетом обстоятельств дела по усмотрению суда. Всё вышеизложенное оказывает большую нагрузку на суд кассационной инстанции, как и на суд надзорной инстанции, потому что ходатайства о восстановлении процессуальных сроков без уважительных причин подаются достаточно часто и занимают время судебного процесса на рассмотрении запросов от истцов. Решением данной проблемы послужило бы то, что необходимо в законодательстве установить конкретный срок, в течение которого может быть подано рассматриваемое ходатайство. Данный срок должен не превышать трёх месяцев после истечения срока на

подачу кассационной жалобы. При этом необходимо конкретизировать в законодательстве те случаи, при которых возможна подача ходатайства о восстановлении процессуальных сроков, то есть необходимо указать каждый уважительный случай, при котором суд может принять ходатайство и одобрить его. Данные усовершенствования законодательства значительно помогут снизить нагрузку на суды кассационной и надзорной инстанции, что в свою очередь, положительно скажется на судебном процессе в целом и дела, рассматриваемые в данных инстанциях, будут рассматриваться более эффективно и с наименьшими временными затратами.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, основываясь на вышеизложенном, стоит подвести итоги о том, кассационное и надзорное производство в российском гражданском процессе имеет основную цель в виде обеспечения законности каждого судебного решения. Кассационная инстанция как суд надзорной инстанции имеет основной целью пересмотр решений суда. Суд проверяет законность и обоснованность решения суда первой инстанции в пределах кассационной жалобы или представления. Также в некоторых случаях суд кассационной инстанции допускает представление в суд дополнительных доказательств, чтобы в последующем дать оценку новым доказательствам и установить те факты, которые не были установлены ранее. В исследовании была рассмотрена проблематика, которая заключается в том, что на суд кассационной инстанции увеличена нагрузка в силу того, что зачастую, как это исходит из анализа судебной практики, лица подают ходатайства о восстановлении процессуальных сроков без уважительных причин, что в свою очередь оказывает негативное влияние на судебную систему в целом. Для устранения проблематики было предложено решение по усовершенствованию законодательства путём добавления в законодательные акты перечня случаев, когда лица могут подать ходатайство о восстановлении процессуальных сроков, что значительно поможет снизить нагрузку на суд в целом, а также необходимо указать конкретный срок, который не будет превышать трёх месяцев, в течение которого может быть подано соответствующее ходатайство.

Список использованных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СПС «Консультант плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

2. Конституция Российской Федерации принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года.: (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ30 декабря 2008 № 6-ФКЗ и № 8 – ФКЗ) // СПС «Консультант плюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

3. Постановление Санкт-Петербургского городского суда № 44Г-324/2019 4Г-5423/2019 от 20 ноября 2019 года по делу № 2-1817/2018 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kcW2pdrojNR/> (дата обращения: 05.12.2022). – Текст : электронный.

4. Богословский, Д. В. Кассационное и надзорное производство в российском гражданском процессе – Текст : непосредственный // Д. В. Богословский // Молодой ученый. — 2022. — № 21 (416). — С. 499-501.

5. Бондаренко, В. Е. Гражданский процесс: учебное пособие для вузов. / В. Е. Бондаренко, А. Ю. Францифоров. – М.: Юрайт, 2019. – 250 с. – Текст : непосредственный.

6. Жеребцова, Е. И. Кассационное производство в российском гражданском процессе: проблемы совершенствования – Текст : непосредственный // Е.И. Жеребцова // Междунар. науч.-теоретич. конф. курсантов, студентов и слушателей. под общ. ред. Ю.А. Михайловой. Псков, 2020. – С. 69-70.

7. Исаенкова, О. В. Гражданское процессуальное право России: учебник / О.В. Исаенкова. – М.: Норма, 2009. – 446 с. – Текст : непосредственный.

8. Лебедев, М. Ю. Гражданский процесс: краткий курс лекций / М.Ю. Лебедев, Ю.В. Францифоров, А.В. Чекмарева. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2014. – 234 с. – Текст : непосредственный.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРОКУРАТУРЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

КАБЛОВ Д.С.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры
административного и финансового права;

ШВЕЦ А.В.,
аспирант кафедры административного и
финансового права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье исследуются вопросы функционирования органов прокуратуры ДНР в период интеграции в РФ, а также её участия в гражданском судопроизводстве. Рассмотрены вопросы законодательного закрепления участия прокуратуры в гражданском судопроизводстве в переходной период. Также на основании проведенного анализа делается вывод о законодательном закреплении в РФ участия прокурора в гражданском судопроизводстве.

Ключевые слова: прокуратура, защита прав и свобод, процесс, участники производства, гражданское судопроизводство

FUNCTIONING OF THE INSTITUTE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE IN THE CIVIL PROCEDURE IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION INTO THE RUSSIAN FEDERATION

KABLOV D.S.,
PhD in Law, associate professor of the department
of administrative and financial Law;

SHVETS A.V.,
Graduate student of the department of
administrative and financial law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article examines the functioning of the DPR prosecutor's office during the period of integration into the Russian Federation, as well as its participation in civil proceedings. The issues of legislative consolidation of the participation of the prosecutor's office in civil proceedings during the transition period are

considered. Also, based on the analysis, a conclusion is made about the legislative enshrinement in the Russian Federation of the participation of the prosecutor in civil proceedings.

Keywords: prosecutor's office, protection of rights and freedoms, process, participants in proceedings, civil proceedings

Актуальность. Процесс становления новых правовых институтов в ДНР берёт своё начало с момента провозглашения независимости. Данный процесс был связан как со становлением органов власти, так и с реализацией субъективных прав и свобод граждан, защита которых возлагалась, в том числе, на органы прокуратуры.

В условиях интеграции ДНР в качестве нового субъекта Российской Федерации обеспечение прав граждан становится одним из приоритетных направлений деятельности органов прокуратуры. В свою очередь, эффективность деятельности органов прокуратуры базируется на профессиональном аппарате её служащих.

Постановка задачи. Изучение правового статуса государственного служащего позволяет обозначить его роль в государственно-служебных правоотношениях. В свою очередь, особая значимость выражается в необходимости изучения данного института в условиях интеграции ДНР в качестве нового субъекта РФ.

Проводимый в статье анализ деятельности прокуроры в переходной период будет осуществляться с целью изучения его функционирования в условиях интеграции ДНР в качестве нового субъекта РФ.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретической базой исследования являются труды учёных: А. А. Алехина, А. Ф. Козлова, В. В. Комарова, М. Ю. Лебедева, А. А. Мохова, Л. В. Туманова и других.

Целью работы является исследование деятельности института прокуратуры в гражданском процессе в период интеграции ДНР в качестве нового субъекта РФ.

Изложение основного материала исследования. В настоящее время невозможно представить правовое государство без надлежащего обеспечения в нём прав и свобод граждан. Необходимо отметить, что именно на органы прокуратуры возлагается обязанность по защите прав и свобод граждан при реализации своих полномочий, в том числе и в сфере гражданского судопроизводства.

Исходя из анализа истории, можно сказать, что как наука, так и законодательство (гражданско-процессуальное) отводили институту участия прокурора в гражданском процессе ключевую роль в обеспечении законности при судопроизводстве.

Особый интерес у учёных вызвало законодательное закрепление представительства прокуратурой интересов граждан в гражданском судопроизводстве.

В условиях интеграции ДНР в РФ возникают актуальные вопросы правового регулирования деятельности института прокуратуры в гражданском процессе.

Конституция РФ ст. 2 закрепляет, что человек, его права и свободы признаются высшей ценностью. Также в статье говорится о том, что обязанностью государства является признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина [1]. Но, как мы знаем, мало наделить субъектов правом, важно на законодательном уровне закрепить эффективные механизмы и принципы реализации этих прав.

Ст. 129 Конституции РФ возлагает на органы прокуратуры осуществление надзора как за соблюдением Конституции РФ, так и осуществление надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина [1].

В Законе ДНР «О прокуратуре», который действовал до вхождения в состав РФ, в ст. 1 ч. 4 говорится, что прокуроры, в соответствии с процессуальными законами, участвуют в рассмотрении дел судами, опротестовывают противоречащие закону решения, приговоры, определения и постановления судов.

Основанием для предъявления прокурором иска является нарушение прав и законных интересов недееспособных или других лиц, которые сами не в состоянии обратиться за судебной защитой. Следует отметить, что в интересах отдельных граждан прокурор предъявляет иск, как правило, в тех случаях, когда они по состоянию здоровья или по другим уважительным причинам не могут этого сделать сами (статья 28 Закона ДНР «О прокуратуре») [2].

Нередки иски прокурора в интересах престарелых и больных людей, нетрудоспособных и нуждающихся в помощи.

Вмешательство прокурора необходимо при выявлении нарушений законов в сфере договорных отношений, затрагивающих интересы государства, и граждан, прокурор

предъявляет иски о признании сделки недействительной полностью или частично.

Следует сказать, что в настоящий момент происходит интеграции ДНР в качестве нового субъекта РФ, а это в свою очередь влечёт изменения правового регулирования рассматриваемого вопроса.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на норму ФЗ «О прокуратуре РФ», которая содержится в главе 2 «Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина», а именно на то, что на органы прокуратуры возлагается надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина всеми органами власти их должностными лицами, органами управления и руководителями организаций всех форм собственности, а также субъектами осуществления общественного контроля над обеспечением прав человека в местах принудительного содержания.

Также ст. 28 данного федерального закона говорит о том, что прокурор или его заместитель выносит протест на акт, который нарушает права человека и гражданина, в орган или должностному лицу, которые издали такой акт, либо обращается в суд в установленном законом порядке [3].

Представительская деятельность прокуроров не ограничивается подачей исков или заявлений. Значительная роль в ней принадлежит непосредственному участию в рассмотрении дела как по искам (заявлениям) прокурора, так и в других случаях, предусмотренных законом, или, когда этого требует защита прав гражданина, государственных или общественных интересов.

Так, ст. 34 ГПК РФ предусмотрено участие прокурора в рассмотрении гражданских дел [4]. Используя полномочия, предоставленные как лицу, участвующему в гражданском судопроизводстве, прокурор выполняет задачи, поставленные передним ФЗ «О прокуратуре РФ». В частности, обеспечивает верховенство закона, защиту прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

А. Ф. Козлов в своей работе «Прокурорский надзор за законностью возбуждения гражданского дела» писал, что, подавая иск и принимая участие в гражданском процессе, прокурор занимает единственно возможное место стороны истца и в случае нарушения процесса становится причастным к этому спору, поэтому является стороной в процессе [5, с. 126].

Однако следует поддержать мнение тех авторов, которые не соглашаются с такой точкой зрения, так как стороной в процессе может быть только лицо, заинтересованное в деле, то есть то, от имени которого ведётся процесс и в отношении которого судебное решение может установить наличие или отсутствие прав и обязанностей.

Как уже отмечалось ранее, участие прокурора в судебном процессе направлено на: защиту прав и законных интересов граждан и интересов государства; содействие выполнению требований закона о всестороннем, полном и объективном рассмотрении дел и постановлении судебных решений, основывающихся на законе; своевременное принятие мер по устранению нарушений закона, от кого бы они ни исходили, руководствуясь принципами законности, независимости судей, равенства всех перед законом и судом.

Всё вышесказанное нашло своё закрепление в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» [6], действие которого теперь распространяется, в том числе, и на ДНР.

Так, задачами, которые ставятся перед прокурором, участвующим в гражданском и административном судопроизводстве, являются обеспечение законности на всех стадиях производства, защита и восстановление нарушенных прав, а также законных интересов как граждан РФ, так и других лиц, субъектов РФ и муниципальных образований.

Прежде всего прокурор участвует в рассмотрении гражданских дел по его заявлениям о защите прав и законных интересов граждан и (или) государства в случаях, предусмотренных законом. Кроме того, как свидетельствует прокурорская практика, участие прокурора необходимо при рассмотрении отдельных категорий дел, связанных с защитой нарушенных прав в сфере трудовых отношений; в делах, связанных с защитой семьи, в сфере обеспечения права на безопасную окружающую среду; в сфере образования.

В заявлении об обеспечении иска прокурором должны быть чётко указаны: причины, в связи с которыми необходимо обеспечить иск; вид обеспечения иска, который следует применить,

с обоснованием его необходимости; другие сведения, необходимые для обеспечения иска.

Следует сказать, что глава 15 ГПК РФ регламентирует порядок рассмотрения гражданских дел в судебном порядке, а также: строки рассмотрения дел, права и обязанности лиц, участвующих в деле, а также специалистов, свидетеля, переводчика, экспертов; порядок рассмотрения в суде доказательств, ознакомление с экспертизами, вывод звукозаписей, демонстрация видеозаписи и их рассмотрение; проведение судебных дебатов и др. [4].

Суд должен рассматривать дело в течение разумного срока, но не более двух месяцев со дня открытия производства по делу, если иное не предусмотрено ГПК РФ.

Рассмотрение гражданского дела происходит в судебном заседании с обязательным уведомлением лиц, участвующих в деле. Лицо, участвующее в деле, имеет право заявить ходатайство о рассмотрении дела при его отсутствии. Следовательно, прокурор имеет право знать о дне, времени и месте проведения судебного заседания.

В процессе рассмотрения иска прокурор обязан проявлять уважение в суде, выполнять процессуальные нормы, регламентирующие указанный выше порядок судебного разбирательства дел, безоговорочно подчиняться распоряжению председательствующего. Вмешательство прокурора в любой форме в деятельность суда при осуществлении им правосудия недопустимо. Таким образом, поддерживая в суде поданный иск, прокурор действует в пределах полномочий, определённых процессуальным законом.

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной проблеме). Исходя из вышесказанного, можно констатировать, что основной задачей прокуратуры в период интеграции также остаётся защита прав и законных интересов граждан или государства в тех случаях, когда этот регламентировано законами РФ.

Участие прокурора в суде обусловлено закреплёнными в нормах Конституции как ДНР, так и Российской Федерации основ судопроизводства, которые гарантируют каждому гражданину судебную защиту его прав и свобод, а также обеспечение установленного в производствах принципа равенства сторон.

Также необходимо заметить, что, как в ДНР, так и РФ, участие прокурора в гражданском процессе обусловлено необходимостью обеспечить равный доступ лиц в реализации права на судебную защиту.

Представительство прокурором интересов как гражданина, так и государства возможно только в суде, в котором прокурор выступает участником процесса по обеспечению возложенных на него прав и обязанностей, предусмотренных в ФЗ «О прокуратуре РФ», и Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве».

Список использованных источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. – № 237. – Текст : непосредственный.

2. О прокуратуре: Закон ДНР; принят Постановлением Народного Совета 31.08.2018 года № 243-ІНС /официальный сайт НС ДНР. – URL: <https://dnrsovetsu/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-prokurature/> (дата обращения: 25.10.2023). – Текст : электронный.

3. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-І // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г. – № 8. – Ст. 366. – Текст : непосредственный.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 18 ноября 2002 г. – № 46. – Ст. 4532. – Текст : непосредственный.

5. Козлов, А. Ф. Прокурорский надзор за законностью возбуждения гражданского дела / А. Ф. Козлов. – Текст : непосредственный // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Межвузовский научный сборник. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. – С. 126-133.

6. Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве: Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 11 января 2021 г. № 2 / журнал «Законность», 2021 г. – № 2. – Текст : непосредственный.

ВРАЧЕБНАЯ ОШИБКА КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

КРЮЧКОВА К. А.,
старший преподаватель кафедры гражданского
и предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной статье проанализировано понятие «врачебная ошибка», рассмотрена классификация врачебных ошибок по причинам, в частности: диагностических ошибки; лечебно-тактические ошибки; технические ошибки; организационные ошибок и деонтологических ошибок. Отмечено, что основанием для наступления гражданско-правовой ответственности является наличие состава гражданского правонарушения. Также в статье подчеркивается, что медицинские работники несут ответственность не за врачебную ошибку, а именно за вред, причинённый пациенту вследствие этой ошибки. Также утверждается, что с юридической точки зрения врачебная ошибка является противоправным деянием (действием или бездействием), которое является одним из условий ответственности.

Ключевые слова: врачебная ошибка, ответственность, гражданско-правовая ответственность, субъективные факторы, объективные факторы, медицинские работники, врачи

MEDICAL MISTAKE AS THE BASIS FOR THE EMERGENCE OF CIVIL LIABILITY: PROBLEMATIC ASPECTS

KRIUCHKOVA K. A.,
Senior Lecturer of the Department of Civil
and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

This article analyzes the concept of "medical error", considers the classification of medical errors for reasons, in particular: diagnostic errors; therapeutic and tactical errors; technical errors; organizational errors and deontological errors. It is noted that the basis for the onset of civil liability is the presence of the composition of a civil offense. The article also emphasizes that medical workers are not responsible for a medical error, but for the harm caused

to the patient as a result of this error. It is also argued that from a legal point of view, a medical error is an illegal act (action or omission), which is one of the conditions of responsibility.

Keywords: medical mistake, responsibility, civil liability, subjective factors, objective factors, medical workers, doctors

Постановка задачи. Изучение вопросов, связанных с врачебной ошибкой в медицинской практике, имеет важное теоретическое и практическое значение. Поэтому задачами исследования являются – анализ понятия «врачебная ошибка», рассмотрение классификации врачебных ошибок, а также определение оснований наступления гражданско-правовой ответственности.

Актуальность. Врачебные ошибки в медицинской практике являются довольно распространённым явлением. Статистика врачебных ошибок почти совсем закрыта, и лишь отдельные случаи становятся известны общественности. Отечественная судебная практика по этой категории дел не предаётся гласности.

Проблема врачебных ошибок является «популярным» предметом исследований не только врачей, но и юристов. Несмотря на достаточно основательные результаты разработки этой проблематики, термин «врачебная ошибка» не имеет соответствующего правового закрепления. Дефиницию этого понятия нельзя найти ни в одном из нормативных актов действующего законодательства. Также законодательством однозначно не определено, как квалифицировать ошибочные действия медицинских работников.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретические проблемы гражданско-правовой ответственности вследствие врачебных ошибок исследовали в своих трудах такие учёные: Г. Б. Акопов, А. В. Басова, Г. Б. Дерягин, К. В. Егоров, Е. Б. Лупарев и др.

Целью статьи является анализ причин возникновения врачебных ошибок и исследование гражданско-правовой ответственности за врачебные ошибки.

Изложение основного материала исследования. Медицинская деятельность сама по себе характеризуется непредсказуемостью последствий вмешательства (невозможностью предоставления определённого прогноза относительно реакции организма пациента на лекарственные средства, оперативное вмешательство и прочее),

а также высоким риском инвазивного вмешательства. Таким образом, неосторожное или случайное причинение вреда здоровью или жизни пациента является характерным признаком медицинской деятельности.

Под врачебной ошибкой ученые понимают ошибку врача при исполнении своих профессиональных обязанностей, что является следствием добросовестной ошибки при отсутствии состава преступления или признаков вины [1, с. 198].

Согласно другой точке зрения, врачебной ошибкой является ошибочное определение болезни врачом (диагностическая ошибка) или неправильная лекарственная мера (операция, назначение лекарств и т. п.), обусловленные добросовестным заблуждением врача [2, с. 383].

Н. В. Косолапова рассматривает врачебную ошибку как дефект оказания медицинской помощи, связанный с неправильными действиями медицинского персонала, которые характеризуются как добросовестная ошибка при отсутствии признаков злонамеренного или неосторожного проступка [3, с. 162].

К ошибкам, вызванным субъективными факторами, относятся ошибки, допускаемые медицинскими работниками, которые необоснованно отступают от установленных медицинских стандартов, действуют неосторожно, самоуверенно или допускают необоснованный риск при недостаточности опыта или знаний. Такие ошибки возможны, например, в случае невнимательного обследования, неадекватной оценки клинических и лабораторных данных, неучёта или переоценки результатов консультаций других специалистов, а также в случае небрежного выполнения операций и других лечебно-профилактических мероприятий, ухода и наблюдения за пациентом, неудовлетворительной организации различных этапов медицинской помощи в медицинском учреждении, в частности, ведения документации, нарушения деонтологических и других требований по информированию пациента о состоянии его здоровья.

К объективным факторам относятся следующие:

1) несовершенство медицины в лечении определённых видов заболеваний на определённом этапе её развития. Уровень медицины постоянно повышается, и сейчас поддаются лечению болезни, которые вылечить раньше было невозможно. Но, к

сожалению, и сейчас медицина бессильна перед рядом сердечных, онкологических болезней;

2) отсутствие надлежащих условий оказания медицинской помощи или проведения медицинского вмешательства;

3) трудности в диагностике некоторых заболеваний;

4) тяжелое состояние пациента;

5) быстрое развитие болезни. Болезнь может быстро прогрессировать, и даже самые сильные лекарственные средства могут стать неэффективными при таких обстоятельствах;

6) нетипичная реакция организма пациента на проведение лечения. Например, проявление тяжёлой формы аллергической реакции на проведённое лечение, если при этом медицинский работник принял все необходимые меры для безопасности здоровья и жизни пациента, провел все необходимые предварительные действия (сделал аллергопробы), результат которых предоставил ему возможность назначить соответствующее лечение;

7) другие внешние факторы, не зависящие от медика.

Здесь стоит отметить, что объективные причины медицинский работник предсказать не может. Например, врач не может предсказать аллергическую реакцию пациента, атипичное протекание определённого заболевания.

Учитывая это, А. В. Басова считает, что медицинские ошибки, вызванные объективными причинами, можно причислять к категории «несчастных случаев», которые должны освобождать медицинских работников от ответственности, поскольку вина в действиях этих лиц отсутствует [4, с. 277]. Однако при решении вопроса ответственности необходимо учитывать положения ст. 401 ГК РФ, где указано, что исполнитель, нарушивший договор об оказании услуг за плату при осуществлении предпринимательской деятельности (медицинские учреждения, частнопрактикующие медики), несёт ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы, то есть чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств [5].

Если врачебные ошибки возникли в результате объективных причин, непосредственный исполнитель не должен привлекаться к гражданско-правовой ответственности (если только он не предоставил соответствующие услуги на принципах предпринимательской деятельности). Ответственность за

причинённый вред должно нести медицинское учреждение без возможности в дальнейшем выдвигать регрессный иск к непосредственному исполнителю этих услуг.

Е. Б. Лупарев и Е. В. Епифанова выделяют три условия, при которых должна наступать уголовная ответственность медицинских работников за ненадлежащее лечение, в частности: 1) действия медицинского работника, рассматриваемые в конкретном случае, были объективно ошибочными и противоречили общепризнанным и общепринятым правилам медицины; 2) медицинский работник, в силу полученного им образования и занимаемой должности, должен был осознавать, что действия его являются неправильными и могут нанести вред больному; 3) эти объективно неправильные действия повлекли (прямо или косвенно) наступление неблагоприятных последствий – смерть больного или существенный вред его здоровью [6, с. 178-179].

Е. В. Савошкова рекомендует следующую классификацию врачебных ошибок [7, с. 92-93]:

а) диагностические ошибки – ошибки в распознавании заболеваний и их осложнений, ошибочный диагноз заболевания или осложнения. Они обнаруживаются в невнимательном отношении к пациенту и его болезни, жалоб, в неполном осмотре пациента и т. п.;

б) лечебно-тактические ошибки, являющиеся следствием диагностических ошибок, хотя такая зависимость не является абсолютной;

в) технические ошибки (просчёты во время диагностических и лечебных манипуляций, процедур, методик, операций);

г) организационные ошибки – недостатки в организации тех или иных видов медицинской помощи, отсутствие надлежащих условий функционирования той или иной службы;

д) деонтологические ошибки – это ошибки в поведении врача, его общении с больными и их родственниками, средним и младшим медицинским персоналом; ошибки в заполнении медицинской документации (малопонятные, нечёткие записи операций, неправильное ведение дневника послеоперационного периода, погрешности в оформлении выписок в случае направления больного в другое лечебно-профилактическое учреждение).

К. В. Егоров, рассматривая врачебную ошибку как основание для привлечения к гражданско-правовой ответственности, к её

характерным признакам относит наступление гражданско-правовой ответственности по результатам правовой квалификации деяния, тонкую грань с профессиональными преступлениями и различие по объёму вреда: в случае преступления – тяжкие последствия, что является оценочным понятием, обычно предусматривают смерть, тяжкие телесные повреждения. Кроме того, различие заключается в добросовестности ошибки, не связанной с небрежным и недобросовестным отношением к выполнению профессиональных обязанностей [8, с. 145].

Если говорить об ответственности, которую несут медицинские работники в связи с выполнением их профессиональной деятельности, то она подразделяется на уголовную, административную, дисциплинарную и гражданско-правовую. Основанием для наступления гражданско-правовой ответственности является наличие состава гражданского правонарушения.

Стоит отметить, во-первых, что ответственность – это применение санкций, связанных с осуждением поведения нарушителя, тогда как возмещение вреда возможно и при отсутствии противоправного поведения лица, причинившего вред. Во-вторых, ответственность всегда имеет целью воспитательное воздействие на нарушителя, а возмещение вреда – защита интересов потерпевшего. Поскольку понятие вины Гражданский кодекс РФ не содержит, в характеристике этого понятия в обязательствах возмещения вреда по аналогии используют положения уголовного права. Возможность использования такой аналогии в данном случае объясняется тем, что такие обязательства имеют ряд публично-правовых элементов. Под виной в обязательствах по возмещению ущерба подразумевается негативное психическое отношение деликтоспособного лица к его противоправному поведению и его последствиям.

Вина возможна в форме умысла или неосторожности. Умысел означает, что лицо осознавало противоправный характер своих действий, предвидело их негативные последствия и желало наступления вреда. Неосторожная вина в гражданском праве традиционно делится на лёгкую (простую) неосторожность и грубую неосторожность. Под простой (лёгкой) неосторожностью понимают такое отношение лица к своему поведению, когда оно не предвидело и не желало таких последствий, которые фактически

наступили, хотя, исходя из конкретных обстоятельств, объективно могло и обязано было их предвидеть. Грубая неосторожность проявляется тогда, когда лицо не желало наступления неблагоприятных последствий, но предвидело и относилось к этому равнодушно или старалось их самонадеянно избежать.

Г. Б. Акопов утверждает, что гражданско-правовая ответственность в сфере предоставления медицинских услуг возникает при наличии общих условий ответственности. Общими основаниями возникновения гражданской ответственности являются следующие [9, с. 443-444]:

1) нарушение субъективного права при условии наличия противоправности, то есть факта несоблюдения стороной условий договора о возмездном предоставлении медицинских услуг, требований закона и других правовых актов, требований, предъявляемых в медицине к медицинским действиям или деятельности, то есть требований, которые являются общепризнанными и общепринятыми в медицине;

2) наличие вреда. В зависимости от результата посягательства на здоровье вред может иметь моральный и имущественный характер. При этом нарушения, касающиеся здоровья, как правило, затрагивают обе сферы потерпевшего и одновременно причиняют как имущественный, так и неимущественный (моральный) вред;

3) причинно-следственная связь между противоправным нарушением субъективного права пациента и причинённым ему вредом.

Юридическая ответственность врача зависит от наличия вины в его действиях и квалификации отрицательного результата лечения допустимой врачебной ошибкой, требующей отграничения последней от правонарушения, которое было совершено медицинским работником.

С юридической точки зрения, врачебная ошибка является противоправным деянием (действием или бездействием), которое является одним из условий ответственности. В то же время в медицинской литературе термин «врачебная ошибка» применяется в понимании безвиновой ошибки врача, исключая ответственность, поэтому необходимо различать допустимую (безвиновую) и недопустимую (виновную) ошибки. К допустимой врачебной ошибке относят добросовестное заблуждение врача, основанное на несовершенстве современного состояния

медицинской науки и её методов исследования или вызываемое особенностями течения заболевания отдельного больного, объясняется недостаточными знаниями и опытом врача или невозможностью предвидения негативных последствий. При этом основным критерием врачебной ошибки является добросовестное заблуждение врача без элементов халатности, злоупотребления и профессиональной некорректности [1, с. 123].

Но от врачебных ошибок следует отличать казус, что в юридической науке определяется как последствия, находящиеся в причинной связи с действием (или бездействием) лица, которое, однако, не только не предусмотрело возможности их наступления, но и не могло их предвидеть. Под несчастным случаем в медицинской практике предлагают понимать неблагоприятный исход врачебного вмешательства, связанный со случайными обстоятельствами, которые врач не может предвидеть и предотвратить. Признаком, который отделяет эти понятия, является наличие в случае несчастного случая дополнительных непредвиденных обстоятельств (например, аллергическая реакция, недостатки медицинской аппаратуры и т. д.), вызывающих нежелательный результат.

Такое понятие, как профессиональное правонарушение, находит своё выражение в недобросовестных действиях врача и его нежелании выполнить свои обязанности, которое именно этим и отличается от врачебной ошибки, совершаемой при надлежащем исполнении врачом своих обязанностей.

В целях предотвращения судебного преследования из-за неблагоприятного исхода болезни врачи стали избегать риска в своей деятельности. Это явление получило название «защитной медицины» (*defensive medicine*), основными признаками которой являются: назначение чрезмерного объёма методов обследования и средств лечения; отказ от оперативного вмешательства у пациентов при хроническом течении заболевания и применение сложных инвазивных диагностических методов; преимущественное использование более сложных методов, но более безопасных для врача в юридическом аспекте (чрезмерное применение в акушерской практике кесарева сечения); выбор наименее сложных ортодоксальных приёмов вмешательства; организация необоснованных консультаций и консилиумов; необоснованное направление в другие лечебные учреждения и т. п. [10, с. 351].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок по данной тематике. Итак, на данный момент урегулирование правовых отношений, связанных с врачебной ошибкой, является весьма актуальным. В основах законодательства об охране здоровья следует чётко закрепить определение понятия «врачебная ошибка», включить нормы об ответственности за врачебную ошибку, а именно прописать, что включает в себе данное понятие, содержание, состав правонарушения, предоставить понятия «казус» и «несчастный случай», прописать, в каких случаях врач несёт ответственность, а в каких освобождается от ответственности. Кроме этого, следует ввести зарубежный опыт по страхованию профессиональной ответственности медицинских работников, что одинаково будет соответствовать как интересам медицинских работников, так и интересам пациентов.

Список использованных источников

1. Дерягин, Г. Б. Медицинское право: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Г. Б. Дерягин, Д. И. Кича, О. Е. Коновалов. – Текст : непосредственный // Закон и право. – Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 238 с.

2. Сергеев, Ю. Д. Основы медицинского права России: учебное пособие / Ю. Д. Сергеев, А. А. Мохов. – Москва : ООО «Издательство «Медицинское информационное агентство», 2016. – 416 с. – Текст : непосредственный.

3. Косолапова, Н. В. Медицинское право России: учебник / Н. В. Косолапова. – Москва : ЮСТИЦИЯ, 2021. – 244 с. – Текст : непосредственный.

4. Басова, А. В. Медицинское право: учебник для вузов / А. В. Басова; под редакцией Г. Н. Комковой. – Москва : Юрайт, 2023. – 310 с. – Текст : непосредственный.

5. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: офиц. текст [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года]. – Текст : электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

6. Лупарев, Е. Б. Публичное медицинское право: учебное пособие / Е. Б. Лупарев, Е. В. Епифанова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т., 2021. – 190 с. – Текст : непосредственный.

7. Савощикова, Е. В. Медицинское право: монография / Е. В. Савощикова. – Оренбург : ОГУ, 2017. – 146 с. – Текст : непосредственный.

8. Егоров, К. В. Медицинское право: учебное пособие / К. В. Егоров. – Москва : Статут, 2019. – 190 с. – Текст : непосредственный.

9. Акопов, В. И. Медицинское право в вопросах и ответах / В. И. Акопов. – Москва : Феникс, 2016. – 512 с. – Текст : непосредственный.

10. Колоколов, Г. Р. Медицинское право / Г. Р. Колоколов, Н. И. Махонько. – Москва : Дашков и К^о, 2019. – 452 с. – Текст : непосредственный.

УДК 347.65

DOI 10.5281/zenodo.10686133

МЕСТО НАСЛЕДСТВЕННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ СРЕДИ ДРУГИХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

**ЛАПИДУС О. С.,
старший преподаватель кафедры
конституционного и международного права,
ФГБОУ ВО «ДонГУ»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена исследованию места наследственных правоотношений среди других гражданских правоотношений. По мнению автора, без существования других гражданско-правовых институтов, на основании которых возникают гражданские правоотношения, не было бы и наследственного права. Исследование соотношения наследственного права с другими гражданско-правовыми институтами отраслями права даёт основания для вывода о том, что место наследственного права в системе гражданского права полностью соответствует его правовой природе.

***Ключевые слова:** наследственное право, гражданские правоотношения, наследственные правоотношения, семейные правоотношения, хозяйственные правоотношения, имущественные правоотношения*

PLACE OF INHERITANCE LEGAL RELATIONSHIP AMONG OTHER CIVIL RELATIONS

LAPIDUS O. S.,
Senior Lecturer at the Department
of Constitutional and International Law,
FSBEI HE «DonSU»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the study of the place of inheritance legal relations among other civil legal relations. According to the author, without the existence of other civil law institutions on the basis of which civil legal relations arise, there would be no inheritance law. The study of the relationship between inheritance law and other civil law institutions and branches of law gives grounds for the conclusion that the place of inheritance law in the civil law system fully corresponds to its legal nature.

***Keywords:** inheritance law, civil legal relations, inheritance legal relations, family legal relations, economic legal relations, property legal relations*

Постановка задачи. Как свидетельствует анализ исторического развития наследственного законодательства и цивилистической мысли, наследственное право всегда занимало одно из господствующих мест в системе гражданского права. Так же и в системе гражданского права России наследственное право является одним из центральных институтов, учитывая ту большую роль, которую играет этот институт в жизни многих людей - практически каждый оставляет после своей смерти определённое имущество, то есть выступает наследодателем, или может получить право на наследование имущества умершего, то есть потенциальным наследником. Чтобы определить место наследственного правоотношения в системе гражданского права, следует рассмотреть его связь с другими гражданско-правовыми отношениями.

Обзор последних исследований и публикаций. Отдельные проблемы, возникающие при наследовании, проанализированы в трудах Т. И. Зайцевой, П. В. Крашенинникова, А. Л. Маковского, У. А. Омаровой, А. П. Сергеева, Е. А. Суханова, Ю. К. Толстого, О. Ю. Шилохвост, К. Б. Ярошенко и др. Однако, несмотря на большую научную ценность работ всех названных цивилистов, исследование проблем реализации права наследования ещё далеко от завершения.

Актуальность статьи. 1 марта 2002 г. в нашей стране была введена в действие третья часть Гражданского кодекса (далее – ГК) Российской Федерации, содержащая раздел V «Наследственное право». Двадцатилетняя практика применения правовых норм раздела V ГК РФ позволяет выявить сильные и слабые стороны нового законодательства о наследстве, дать им критическую оценку и подвести некоторые итоги реформирования российского наследственного права. Однако, несмотря на накопленный опыт правоприменения, наследственные споры всё чаще становятся предметом судебного разбирательства. Данная тенденция свидетельствует о сложности и распространённости судебных споров по делам о наследовании, а также появлении их новых видов.

Цель статьи заключается в исследовании места наследственных правоотношений среди других гражданских правоотношений.

Изложение основного материала исследования. Не подлежит сомнению тот факт, что наследование является самостоятельным имущественным правом, занимающим место наряду с вещными и обязательственными правами. Кроме того, наследственное право служит цели обретения каждого из этих прав. С этой позиции отдельными нормативными документами-памятниками истории (в частности, Сводом законов Российской империи) место этого института определялось среди числа разнообразных способов обретения прав на имущество. Виды наследования при этом разъединялись и относились к разным категориям способов обретения прав на имущество.

Во Франции основные нормы, регулирующие наследственные отношения, содержатся в первом и втором титулах (соответственно – «О наследовании» и «О дарении между живыми и завещаниях») книги III Гражданского кодекса 1804 г. («О разных способах, которыми приобретаетась собственность») [1, с. 284]. Следовательно, наследование по закону, подобно Своду законов Российской империи, регулируется французским законодательством отдельно от наследования по завещанию.

Рассматривая наследственные отношения с этой точки зрения, П. И. Стучка стоял на позиции отнесения наследования по закону и по завещанию к одному из видов перехода прав на вещи. Из этого следовало, что отношения, возникающие в связи с наследованием,

по его мнению, должны быть урегулированы обязательственным правом [2, с. 256]. Представляется, что указанная позиция не имеет достаточного обоснования, не соответствует природе наследственного правоотношения и существенно унижает его значение, сводя его к одному из способов приобретения имущества.

Особый взгляд на вопрос систематизации гражданских прав выражал Г. Ф. Пухта. Согласно его точке зрения, в целях упорядочения субъективных гражданских прав их классификацию следует осуществлять в зависимости от объектов, к которым они относятся. Таким образом, система гражданского права по Г. Ф. Пухте состоит из следующих пяти разделов: право на личную собственность, право на вещи, право на действия, право на чужую собственность, право на собственность другого, перешедшую к нам [3, с. 245].

Рассматривая предложенную Г. Ф. Пухтой систему, нетрудно заметить, что наследственному праву в основном посвящён пятый, последний её раздел. Впрочем, из названия этого раздела ясно, что его нормы сосредоточены на урегулировании субъективного наследственного права – права наследования, оставляя в стороне вопросы, связанные с правовым положением наследодателя. Следовательно, вся совокупность прав наследодателя и, прежде всего, право на составление завещательного распоряжения, определение формы и содержания последнего неоправданно выносятся за пределы последнего раздела данной системы. Подобно вышеуказанным гражданско-правовым актам, классификация, сформулированная Г. Ф. Пухтой, предусматривает возможность урегулирования отношений в сфере наследования разными разделами. Иными словами, происходит разъединение целостного – форм наследования – что совсем не способствует построению гармонической системы гражданского права.

Систематизация законодательства, предложенная Г. Ф. Пухтой, была подвергнута справедливой критике со стороны К.-Ф. Савиньи, согласно убеждению которого одного только понятия субъективного права недостаточно для классификации гражданских прав. Субъективное право выступает лишь элементом содержания более широкого по своей правовой природе явления – правоотношения. Конкретные дела, в которые вступают лица в процессе жизнедеятельности и которые вследствие урегулирования их нормами права трансформируются в правоотношение, должны

быть положены в базу гражданско-правовой систематизации. Система гражданского права в таком случае будет представлять собой не случайный конгломерат субъективных гражданских прав, а, наоборот, будет состоять из естественной совокупности тесно связанных и родственных явлений, приобретёт «органическое единство и целостность, из которой легко выделяются природой юридического отношения определённое ему место и суть нормы, определяющей то или иное из них, место её в составе отдельных институтов и всей их системы» [3, с. 246-249].

Обращает на себя внимание размещение в ГК Франции в одном разделе норм, которыми регулируются договоры дарения и наследования по завещанию. Данное структурное построение французского законодательства было заимствовано и некоторыми другими западноевропейскими правовыми системами, в частности ГК Италии 1942 г., где институт дарения между живыми включён в книгу вторую – «Наследование» [4, с. 8].

Между дарением *inter vivos* и наследованием действительно имеются общие черты. Во-первых, поскольку с помощью обоих институтов происходит переход имущества от правопредшественника к правопреемнику – переход, опирающийся на право другого лица, они опосредуют отношения производного, или деривативного, приобретения прав – правопреемства. Во-вторых, переход имущества к правопреемнику – одаренному или наследнику – всегда безвозмездный.

Однако между этими основаниями правопреемства существуют ещё более существенные отличия, а именно:

– договором дарения регулируются отношения между живыми, в то время как наследственное преемство возникает только в случае и с момента смерти лица;

– если посредством договора дарения происходит передача определённой совокупности из всей массы прав, принадлежащих правопредшественнику (сингулярное преемство), то наследование является, по общему правилу, преемством во всей совокупности прав и обязанностей наследодателя (универсальным преемником);

– пожалование может быть осуществлено только путём заключения одностороннего договора. Напротив, возникновение наследственной преемственности возможно и без письменного выражения наследодателем собственной воли путём заключения одностороннего соглашения – завещания;

– договор дарения является безвозвратным. Напротив, завещание как основание приобретения наследства может быть изменено или отменено составителем в любое время;

– разница между правовой природой договора дарения и завещания влечёт установление законодательством различных требований относительно формы и содержания этих сделок;

– по договору дарения имущество всегда передаётся одаренному в собственность, в то время как объектом наследственного преемства могут быть также определённые имущественные и личные неимущественные права.

Промежуточной формой между дарением *inter vivos* и завещательным распоряжением является договор дарения на случай смерти, вступающий в силу после смерти дарителя, может быть изменён или отменён им при жизни и по содержанию которого наследнику передаются отдельные права из состава наследства.

Даже поверхностное рассмотрение дарения и наследования как правовых конструкций, посредством которых происходит переход имущества, свидетельствует о существовании значительных отличий в юридической природе данных институтов. Как следствие, нецелесообразным представляется отделение договоров дарения от других гражданско-правовых соглашений и изъятие их из состава отношений, урегулированных обязательственным правом.

Иногда в советской гражданско-правовой науке высказывалось мнение о том, что место наследственного права наряду с правом собственности, поскольку указанный институт регулирует преемство в праве личной собственности. При этом, как правило, ссылались на положения Основного Закона, в котором право личной собственности и право её наследования регулировались одной статьёй [5, с. 46].

Эта позиция получила свою поддержку и в трудах отдельных современных авторов. Так, В. П. Емельяновым в учебном пособии по гражданскому праву институт наследования рассматривается в главе, посвящённой праву собственности и другим вещным правам, что объясняется тесной связью наследственного права с правом собственности. «С одной стороны, – пишет В. П. Емельянов, – наследование позволяет реализовать правомочие распоряжения своим имуществом, а с другой – является одним из оснований возникновения права собственности» [6, с. 107].

Не подвергая сомнению справедливость приведенных соображений, свидетельствующих о наличии связи между наследственным правом и правом собственности, следует, однако, отметить, что вывод о том, что наследственное право должно занимать место наряду с правом собственности неприемлемо, поскольку по наследству могут переходить не только права собственности, но и другие имущественные права, прежде всего права требования по обязательствам, а также отдельные личные неимущественные права (право на получение диплома автора открытия, изобретения, рационализаторского предложения и т.п.).

В соответствии с другим подходом по структурному построению гражданского законодательства, сформулированного В. Кнаппом, все гражданские права делятся на два вида – абсолютные и относительные, которые вместе с общей частью составляют систему гражданского права. Наследственное право, по мнению В. Кнаппа, наряду с правом собственности и личными неимущественными правами должно включаться в раздел «Абсолютные права» [7, с. 190].

На уязвимую сторону приведенной классификации и спорное понимание в ней места наследственных отношений обратил внимание проф. С. Н. Братусь, который, справедливо считая предметом регулирования института наследования не только абсолютное, но и относительное правоотношение, выступил с убедительной позицией о теоретической и практической невозможности чёткого отнесения наследственных прав ни к абсолютным, ни к относительным гражданским правам [7, с. 191].

Следует обратить особое внимание, что без существования других гражданско-правовых институтов, на основании которых возникают гражданские правоотношения, не было бы и наследственного права, поскольку, как верно отметил профессор О. С. Иоффе, «наследование применяется только к таким гражданским правам и обязанностям, которые уже существуют и возникли на основе других гражданско-правовых институтов» [8, с. 277].

Следовательно, если наследование возникает на основе других цивилистических институтов, вполне логичен тот факт, что последние предшествуют ему в системе гражданского законодательства. Но есть и другая сторона понимания места наследственного правоотношения в качестве заключительного института системы гражданского права.

Гражданское право является, по сути, правом частным, оно сосредоточено на урегулировании отношений, представляющих личностный интерес в жизни человека. основополагающий правовой акт этой отрасли – Гражданский кодекс – должен стать Кодексом частной жизни. Рассмотрение жизненного пути каждого лица (рождение, возникновение право- и дееспособности, вступление в брак, создание юридических лиц, заключение сделок и, наконец, смерть как конечный итог любой жизни) даёт обоснованные основания полагать, что посмертный переход имущества умершего к другим лицам является своего рода конечным пунктом жизнедеятельности личности как субъекта права. Соответственно, изложению права наследования должно предшествовать изложение тех гражданских прав, которые имеют значение, пока лицо участвует в сфере гражданского оборота.

Из приведенного следует вывод о том, что завершающее место наследственного права как последнего раздела гражданского права является наиболее соответствующим природе данной подотрасли.

Отдельные представители школы хозяйственного права, отрицательно относясь к гражданскому праву и считая составляющие институты этой отрасли не соответствующими духу и назначению советского права, предрекали отмирание последних [9, с. 244]. Бесспорно, при таком понимании значения гражданских правоотношений наследственному правоотношению вообще не было места в системе гражданского права.

Другие авторы, признавая наследственное право самостоятельным институтом, совершенно безосновательно относили его к предмету регулирования не гражданского права, а хозяйственного права [10, с. 227-267].

Проблема определения предмета и метода регулирования хозяйственных правоотношений, которые позволили бы чётко выделить хозяйственное право в отдельную отрасль, – сложный вопрос, требующий отдельного исследования. Очевидно, однако, что отношения, входящие в предмет регулирования наследственного права, по своей природе не могут быть включены в предмет хозяйственного права, поскольку последнее призвано регулировать специфические отношения между субъектами, складывающимися в процессе осуществляемой ими деятельности,

направленной на извлечение прибыли (хозяйственной деятельности).

Приведенный взгляд является отражением советской идеологии 20-30-х гг. XX в., построенной вокруг политико-правовых взглядов представителей диалектического материализма. Марксистско-ленинская теория, отрицательно относясь к праву частной собственности вообще, не могла смириться и с существованием институтов, тесно с ней связанных. Соответственно, гражданское право как отрасль права, обладающая своим предметом регулирования частно-правовых отношений, была признана несовместимой с советским государственно-правовым строем.

Хозяйственное право, призванное заменить «буржуазное» гражданское право, фактически не имело своего предмета регулирования. Исходя из этого, советскими идеологами был осуществлён искусственный перенос гражданских правоотношений в сферу регулирования вновь созданной отрасли хозяйственного права и вследствие этого опубликование последних. Этим и объясняется отнесение институтов, по своей юридической природе присущих гражданскому праву, к предмету регулирования «социалистического» хозяйственного права в трудах авторов того времени – А. Г. Гойхбарга, П. И. Стучки, М. Рейснера и др.

Имея целью уничтожить право частной собственности на средства производства, К. Маркс указывал на необходимость ликвидации наследственного права, которое приводит к сосредоточению крупных капиталов в руках отдельных лиц, и видел в исчезновении права наследования результат той социальной перестройки, которая отменит частную собственность на средства производства [11, с. 384].

Как уже было сказано выше, К. Маркс предусматривал постепенное исчезновение наследственного права. Имелось в виду, что этот институт прекратит своё существование сам по себе, поскольку по наследству нечего будет передавать.

К полному исчезновению права наследования К. Маркс указывал на необходимость так называемых «переходных мер», к которым относятся: увеличение ставки налога на наследство и обращение полученных сумм на «цели социального освобождения», а также ограничение права наследования по

завещанию. В последнем К. Маркс видел «преувеличение самого принципа частной собственности» [11, с. 385] .

При всём разнообразии подходов и взглядов на природу наследственного права учение представителей диалектического материализма о необходимости ликвидации института наследования невыгодно отличается своей искусственностью и оторванностью от социально-экономических реалий. На наш взгляд, нет необходимости опровергать очевидное – необходимость существования наследственного права является общепризнанным постулатом не только среди сторонников современного порядка наследования, но и среди желающих внести в него определённые ограничения, а отмена этого института в первые постреволюционные годы привела к злоупотреблениям со стороны правящего аппарата, присвоению последним имущества, по праву принадлежавшего другим.

Некоторые правоведы, не подвергая сомнению вхождение изучаемого института в систему гражданского права, приходили к выводу, что наследственное право является ещё и институтом семейного права [12, с. 67-68]. С одной стороны, не подлежит сомнению наличие тесной связи, существующей между наследственным правом и семьёй: наследниками по закону являются преимущественно члены семьи наследодателя, по отношению к некоторым категориям последних установлено правило обязательной доли, да и наследниками по завещанию являются, в основном, ближайшие умершие члены семьи.

Неразрывная связь между наследственным и семейным правом прослеживается также и в историческом развитии института наследования. Изначально имущество находится в общей собственности рода или семьи, что обуславливает особенность наследственного преемства на раннем историческом этапе. Смерть главы семьи не влечёт наследования в его современном виде: имущество остаётся в собственности того же рода или семьи, а на место умершего (управляющего имуществом) становится другое лицо.

С появлением института права частной собственности на орудия и средства труда и постепенным превращением личных отношений между членами семьи в юридические [13, с. 112], встал вопрос о создании правовой конструкции, на которой регулировался переход имущества после смерти его собственника.

Именно в этот период и возникает наследование в его собственном понимании – как переход имущества умершего к другому лицу. Но хотя движимое имущество уже признаётся личной собственностью, влияние рода, семьи всё ещё настолько велико, что ещё нет полной свободы распоряжения движимым имуществом на случай смерти. Имущество в таких случаях переходит, прежде всего, в собственность родственников умершего. Члены семьи призываются к наследованию не из-за наличия с умершим кровных связей, а из-за того, что они совместно вели хозяйство, входили в одну хозяйственную ячейку.

В дальнейшем, с развитием и укреплением права индивидуальной собственности, расширяется круг лиц, к которым имущество переходит в порядке наследования по закону; при этом всё большее значение приобретает факт кровного родства. Кроме того, утверждается и развивается право составления завещания с возможностью оставления имущества не только членам семей, но и посторонним лицам.

Как видим, эволюция института наследования в правовых системах любого государства в различных формах проявления и вариациях рассматривается через призму развития семейного правоотношения.

В советский период типичным примером влияния семейного строя на формирование правил о наследовании имущества являлся особый порядок наследственного преемства в колхозном дворе, когда наследство открывалось только после смерти его последнего члена. Специфика данного наследственного перехода была обусловлена особенностями социально-экономической жизнедеятельности крестьянских семей. Колхозный двор был объединением труда членов одной семьи, а входившее в его состав имущество принадлежало всем членам двора на праве общей совместной собственности. Владение, использование и распоряжение указанным имуществом осуществлялось с согласия всех членов двора.

Указанными особенностями объяснялись и особенности наследования по завещанию. Имущество колхозного двора могло быть предметом завещательного распоряжения только в том случае, когда завещатель был единственным и последним членом колхозного двора.

Не менее значимо влияние семейного права на наследование и на современном этапе, ведь некоторые институты наследственного

права фактически отражают конкретное состояние, динамику семейных отношений. Последние влекут важные имущественные последствия в сфере наследственного права, в частности, с их помощью происходит определение круга лиц, которых следует считать членами семьи и, соответственно, включаются в очередь наследников по закону.

Позиция о связи наследственного права с семьёй, наличие прямой зависимости отдельных норм последнего от форм семьи находит широкую поддержку в литературе, однако указанное совсем не свидетельствует о том, что институт наследования входит в состав семейного права, поглощается нормами последнего.

В круг наследников по закону входят не только члены семьи, но и нетрудоспособные иждивенцы, даже имеющие привилегированное положение по сравнению с некоторыми членами семьи. При наследовании по завещанию наследниками могут выступать не только близкие или дальние родственники, но и лица, вообще не связанные родственными связями с наследодателем. Наконец, наследниками могут выступать юридические лица, а также государство.

Именно нормами наследственного права, а не семейного, регулируются вопросы открытия и охраны наследства, его принятия или отказа от него, ответственности наследников за долги наследодателя, составление и исполнение завещания и т.п.

Современные цивилисты понимают наследование как переход после смерти гражданина всей совокупности принадлежащего ему на праве частной собственности имущества, включающие имущественные и некоторые личные неимущественные права, к одному или нескольким лицам [14-16].

Мы в целом согласны с мнением Р. Р. Ленковской, которая считает, что под наследственными правоотношениями следует понимать совокупность юридических связей, основанных на нормах наследственного права и возникающих между наследодателем, наследниками и другими лицами по составлению завещания, открытия наследства, принятия либо отказа от наследства, охраны наследства, исполнения завещания и другие правовые отношения, которые основаны на нормах наследственного права [17, с. 50].

Выводы по проведенному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении (по данной

проблеме). Таким образом, без существования других гражданско-правовых институтов, на основании которых возникают гражданские правоотношения, не было бы и наследственного права. Поэтому если наследование возникает на основе других цивилистических институтов, то вполне логичен тот факт, что последние предшествуют ему в системе гражданского законодательства. Исследование соотношения наследственного права с другими гражданско-правовыми институтами (правом собственности, обязательственным правом), отраслями права (семейным правом, хозяйственным правом) даёт основания для вывода о том, что завершающее место наследственного права в системе гражданского права полностью соответствует его правовой природе.

Список использованных источников

1. Гражданское и торговое право капиталистических государств / [Р. Л. Нарышкина, Е. А. Васильев, В. В. Зайцев, Ю. И. Свядосц] и др. – Москва : Международные отношения, 1984. – Ч. II. – 298 с. – Текст : непосредственный.

2. Стучка, П. И. Курс советского гражданского права / П. И. Стучка. – Москва : Соцэгиз, 1931. – Т. I. Введение в теорию гражданского права. – 260 с. – Текст : непосредственный.

3. Дювернуа, Н. Л. Чтения по гражданскому праву / Н. Л. Дювернуа. – Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1898. – Т. 1. Введение и часть общая. – 800 с. – Текст : непосредственный.

4. Основные институты гражданского права зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / В. В. Залесский, Г. Е. Авилов, М. М. Вильданова и др. – Москва : НОРМА, 1999. – 648 с. – Текст : непосредственный.

5. Серебровский, В. И. Очерки советского наследственного права / В. В. Серебровский. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. – 240 с. – Текст : непосредственный.

6. Емельянов, В. П. Гражданское право: практическое пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. / В. П. Емельянов. – Харьков : НПКФ «Консум», 1996. – 236 с. – Текст : непосредственный.

7. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – Москва : Госюриздат, 1963 – 197 с. – Текст : непосредственный.

8. Иоффе, О. С. Советское гражданское право / О. С. Иоффе. – Ч.3. Правоотношения, связанные с продуктами творческой деятельности. Семейное право. Наследственное право. – Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1965. – 347 с. – Текст : непосредственный.

9. Рейснер, М. Право. Наше право, чужое право, общее право / М. Рейснер. – Москва : Госиздат, 1925. – 274 с. – Текст : непосредственный.

10. Гойхбарг, А. Г. Хозяйственное право Р. С. Ф. С. Р. / А. Г. Ройсбарх. – Москва : Госиздат, 1924. – Т. 1. Гражданский кодекс. – 269 с. – Текст : непосредственный.

11. Маркс, К. Сочинения. 2-е изд. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – Москва : Госполитиздат, 1960. – Т. 16. – 839 с. – Текст : непосредственный.

12. Свердлов, Г. М. О предмете и системе социалистического семейного права / Г. М. Свердлов. – Текст : непосредственный // Советское государство и право. – 1941. – № 1. – С. 67-68.

13. Кавелин, К. Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза / К. Кавелин. – Санкт-Петербург : Типография Правительствующего Сената, 1884. – 172 с. – Текст : непосредственный.

14. Крашенинников, П. В. Наследственное право / П. В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2017. – 273 с. – Текст : непосредственный.

15. Максина, С. В. Наследственное право: учебное пособие / С. В. Максина, Е. А. Низамова. – Санкт-Петербург : СПбГАУ, 2018. – 63 с. – Текст : непосредственный.

16. Алиева, А. Б. Наследственное право: учебное пособие (Курс лекций) для направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция, профиля «Гражданское право» / А. Б. Алиева, Ж. К. Раджабова. – Махачкала : ДГУНХ, 2019. – 142 с. – Текст : непосредственный.

17. Ленковская, Р. Р. Наследственные правоотношения: понятие и содержание / Р. Р. Ленковская. – Текст : непосредственный // Социально-политические науки. – 2017. – № 4. – С. 47-50.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИРЕНКО Б. Н.,
канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права;

БЕЛОУСОВА Т. И.,
обучающаяся группы ЮРМ-23-з-3 факультета
юриспруденции и социальных технологий,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Статья посвящена анализу современного состояния и проблемам реализации права наследования в Российской Федерации. Изучены совместное завещание, наследственный договор, формирование и изменение состава наследственной массы при жизни наследодателя, наследственные фонды, наследование цифровых валют как проблемы, требующие внесения соответствующих изменений в гражданское законодательство Российской Федерации.

Ключевые слова: наследственное право, завещание, договор, наследственная масса, фонд

THE CURRENT STATE AND PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE RIGHT OF INHERITANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

SIRENKO B. N.,
PhD. jurid. Associate Professor of the Department of
Civil and Business Law;

BELOUSOVA T. I.,
Student of the YUR group M-23-z-3 of the faculty
of jurisprudence and social technologies,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article is devoted to the analysis of the current state and problems of the implementation of the right of inheritance in the Russian Federation. A joint will, an inheritance contract, the formation and change of the composition of the inheritance mass during the life of the testator, inheritance funds, inheritance of

digital currencies as problems requiring appropriate amendments to the civil legislation of the Russian Federation are studied.

Keywords: inheritance law, will, contract, inheritance estate, fund

Постановка задачи. Современное состояние и проблемы реализации права наследования в Российской Федерации требуют внимательного исследования и анализа с целью выявления факторов, влияющих на наследственные процессы, а также выявления «пробелов» в законодательстве, особенностей практической его реализации и восприятия обществом.

Актуальность. На сегодняшний день вопросы наследования остаются одной из наиболее актуальных, важных и значимых тем в российском обществе. Это связано с увеличением количества объектов, подпадающих под наследственное правопреемство, как закономерный результат развития рыночных отношений и института частной собственности. Соответственно, законодательство, регулирующее процедурные вопросы наследования, становится более актуальным, важным и востребованным.

Заслуживает внимания тот факт, что право наследования имеет тесную связь с правом собственности и является непосредственно гарантированным Конституцией Российской Федерации. В целом, вопросы наследственных отношений представляют собой важный аспект современного общества, значимый институт гражданского права, укоренённый в традициях и культуре, характерный для правовой системы каждого государства мирового сообщества, и способствует передаче права имущества и имущественных прав, что является одной из важнейших потребностей человека.

Часто проблемы, связанные с осуществлением конкретных прав, могут стать очевидными после анализа судебной практики в определённых категориях споров. В случае наследственных разногласий представляется возможным заметить, что большинство таких ситуаций не представляют собой конфликты, а скорее устанавливают права: к примеру, право банка на взыскание долгов наследодателя с наследника в разумных пределах; право потенциального наследника на восстановление срока для принятия наследства; вопросы, связанные с признанием завещания недействительным либо достоинством наследника.

Анализ последних исследований и публикаций. Среди работ, посвящённых наследственным правоотношениям, следует отметить труды выдающихся учёных, таких как М. В. Гордон, К. П. Победоносцев, И. А. Покровский, В. И. Серебровский и других. Вопросы, связанные с правовой природой наследования, затрагиваются в работах Б. С. Антимонова, А. С. Кутузова, А. П. Сергеева, Е. А. Суханова, О. Ю. Шилохвост, Г. Ф. Шершеневича и многих других. В целом, указанная тема характеризуется высоким уровнем научной и практической разработанности, но в нынешних условиях развития Донецкой Народной Республики как субъекта Российской Федерации вопросы состояния и реализации права наследования требуют дополнительного изучения и анализа, что и обосновывает актуальность, важность и своевременность настоящей работы.

Так, в современных условиях в Российской Федерации значительное внимание уделяется совершенствованию наследственного законодательства, поскольку наблюдается тенденция по стремительному увеличению потребности в реализации принципа «социальной справедливости» в общественной сфере. Учитывая, что наследственное право остаётся одной из наиболее востребованных подотраслей гражданского права в практической деятельности, существует значительное количество исследований и научных работ, посвящённых вопросам правового регулирования наследственных отношений. Особое внимание, при этом, уделяется аспектам, связанным с наследованием по закону.

Цель статьи заключается в проведении анализа современного состояния права наследования в Российской Федерации с последующим определением как проблем его реализации, так и формулированием соответствующих изменений в гражданское законодательство России.

Изложение основного материала исследования. Гражданскому кодексу Российской Федерации (далее – ГК РФ) принадлежит ключевая роль в регулировании множества аспектов наследования разнообразных видов имущества и имущественных прав [1]. Указанный нормативный акт также содержит основные термины и понятия, используемые в сфере наследственных отношений, и выделяет две основные формы наследования: *наследование по закону*, которое определяется условиями и

порядком, установленными законом и не подлежащие изменению в соответствии с волей наследодателя; и *наследование по завещанию*, где переход имущества к наследникам осуществляется на основе личного распоряжения физического лица на случай его смерти, с указанием наследников в соответствии с установленными законом формами.

ГК РФ также чётко предопределяет восемь очередей наследников по закону. Наследники последующих очередей приобретают права только в случаях, когда наследники предыдущих очередей отсутствуют или отказались от наследства. Определены также категории физических лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве, включая несовершеннолетних (нетрудоспособных) детей наследодателя, нетрудоспособных супругов и родителей наследодателя, а также нетрудоспособных иждивенцев наследодателя.

В настоящее время наследование по завещанию считается приоритетным способом наследования, поскольку это позволяет учесть интересы физического лица относительно распределения его имущества и имущественных прав после смерти. Вне зависимости от формы наследования важно, чтобы процедура передачи имущества и имущественных прав наследодателя соответствовала принципам справедливости, учитывала интересы всех возможных наследников и осуществлялась в соответствии с волей умершего.

Следовательно, создание современной правовой основы для регулирования наследственных отношений, которая не теряла бы своей актуальности при смене социокультурных обстоятельств, была гибкой и соответствовала условиям развития общества, признаётся одной из приоритетных задач законодателя по созданию, развитию и модернизации правовых норм гражданско-правовой сферы общественных отношений, регулирующих процедуру наследования, а также разработки, внедрения инновационных методик и современных, складывающихся в соответствии с формирующимися общественными отношениями, положений ГК РФ в рассматриваемую отрасль права.

В период с 2017 по 2019 годы в Российской Федерации была реализована объёмная работа по внедрению новых норм в сферу наследственного законодательства, которые были обусловлены особенностями исторического развития, появлением инновационных формулировок, институтов и общественных

отношений, а также развитием частной собственности. Внедрение новаций в законодательство вызвало вопросы о сущности и практической реализации этих изменений, что оправдывает необходимость детального рассмотрения каждой из указанных новаций [2, с. 82].

Стоит указать, что в нынешних условиях одним из наиболее обсуждаемых и дискуссионных вопросов признаётся процедура совместного завещания. Такой институт наследственного права уже на протяжении многих лет действует в законодательстве многих зарубежных стран и предполагает возможность супругов совместно определить судьбу своего имущества до смерти одного из них. Введение норм о совместном завещании в ГК РФ стало попыткой унификации и применения мирового опыта в российской правовой сфере общественных отношений.

Однако учёные отмечают, что это произошло слишком рано, без достаточного исследования и разработки, что делает институт совместного завещания малоэффективным и не в полной мере применяемым на практике. По сути, институт совместного завещания в российском правовом пространстве несколько напоминает институт брачного договора, который вступает в силу после смерти одного из супругов и предполагает раздел имущества и имущественных прав супругов по двум различным наследственным массам, не подпадающим под обычные правила совместно нажитого имущества.

При этом считаем важным указать, что супруги правомочны включить в своё совместное завещание следующие *положения*:

1. Завещание общего имущества какому-либо лицу.
2. Завещание личного имущества какому-либо лицу.
3. Определение долей наследников в наследственных массах.
4. Определение имущества и имущественных прав, входящих в наследственную массу каждого супруга.
5. Лишение конкретных наследников наследства.
6. Другие завещательные распоряжения [3, с. 32].

Совместное завещание представляет собой важный институт для российского гражданского законодательства, но, что немаловажно, требующий определённой доработки и усовершенствования. Так, одной из ключевых проблем является возможность отмены совместного завещания после смерти одного из супругов и составления индивидуального завещания, что, в свою

очередь, может не лучшим образом повлиять на защиту прав наследников. Поэтому, на наш взгляд, важно внести положение о сроке, в течение которого возможно отменить совместное завещание, к примеру, в пределах 6 месяцев со дня открытия наследства.

Кроме того, отмена совместного завещания после смерти одного из супругов и составление индивидуального завещания может вызвать спорные вопросы относительно обратной силы отмены для тех наследников, которые уже оформили свои права. Для решения этой проблемы усматривается целесообразным включить положение, запрещающее отмену совместного завещания для имущества, которое уже было принято и оформлено наследниками умершего супруга.

Кроме того, действующие правила о совместном завещании могут потенциально привести к злоупотреблению правами в отношении имущества, включённого в завещание. Имущество, указанное в совместном завещании, может быть передано другому наследнику, по желанию одного из супругов, что может противоречить воле умершего. Для предотвращения таких ситуаций важно установить, что имущество и имущественные права, указанные в совместном завещании, находятся в виде обременения и могут быть переданы только тому наследнику, который был указан в этом завещании.

Также внедрение совместного завещания не изменило правового статуса обязательной доли в наследстве. В настоящее время не существует норм, которые бы регулировали расчёт обязательной доли при совместном завещании. Это может вызвать споры о наследстве. Проблему можно решить, включив в законодательство положение о том, что обязательная доля должна быть учтена при составлении совместного завещания.

Следовательно, имеются несколько изменений, которые могли бы улучшить положения о совместном завещании в российском гражданском праве.

Другой новацией в гражданском законодательстве является наследственный договор, под которым следует понимать соглашение между наследодателем, наследниками и (или) третьими лицами, что регулирует распределение потенциального наследства. ГК РФ определяет, что такая сделка может быть заключена между различными физическими лицами, включая супругов, что

представляет собой альтернативу совместному завещанию. Наследственный договор может содержать условия относительно:

1. Порядка перехода имущества и имущественных прав к определённым лицам.

2. Задания имущественных или иных обязательств потенциальным наследникам [3, с. 35].

Наследственный договор и завещание разнятся тем, что действительным считается первое заключённое соглашение (завещание, составленное ближе к моменту смерти наследодателя).

Внедрение наследственного договора также повлекло за собой некоторые сложности в правовом регулировании наследования. Прежде всего, стоит отметить, что, согласно ГК РФ, заключение наследственного договора делает завещание полностью или частично недействительным. Наследственный договор призван защитить права сторон, заключивших его, но может также создать риск оспаривания завещаний недобросовестными наследниками на основе поддельных наследственных договоров. Для решения этой проблемы может потребоваться принятие более строгого законодательства о заключении наследственных договоров, к примеру, по аналогии с Германией, где такие соглашения могут заключаться только в суде при обязательном участии сторон, свидетелей и двух нотариусов.

Подобно совместному завещанию, наследственный договор не регулирует вопрос об обязательной доле в наследстве. Однако, помимо интересов наследников, которые имеют право на обязательную долю, необходимо защитить интересы наследодателя от вмешательства в его имущество и имущественные права, переданные через наследственный договор. Для этой цели можно предусмотреть законодательное положение, ограничивающее предмет наследственного договора до доли, не превышающей $\frac{3}{4}$ общего объёма имущества и имущественных прав, принадлежащих физическому лицу.

Кроме того, существующие положения о наследственных договорах не урегулировали вопросы обязательств, оставшихся без исполнения со стороны наследодателя при его жизни. В этом контексте приобретатель, договорившийся о наследственном праве, не должен нести ответственность за долги наследодателя, что существенно отличает его от наследников. Для предотвращения возможных споров в такой ситуации важно закрепить в

гражданском законодательстве норму, которая бы определяла распределение обязательств только в пределах обязательной доли наследников, в случаях, где не заключён наследственный договор (с учётом обязательной доли в размере 1/4 общего объёма имущества и имущественных прав наследодателя) [4, с. 57].

Также остаётся актуальным вопрос о формировании и изменении состава наследственной массы в период жизни наследодателя. В настоящее время гражданское законодательство не ограничивает возможность наследодателя совершать сделки, в результате которых он правомочен приобретать новое имущество и (или) имущественные права либо отчуждать их. ГК РФ также предусматривает, что соглашение, запрещающее лицу распоряжаться своим имуществом и имущественными правами, ничтожно. Для решения этой проблемы усматривается необходимым ввести специальное положение в законодательство, которое бы запрещало отчуждение имущества, включённого в наследственный договор, и признавало сделки с таким имуществом недействительными.

Следовательно, текущее правовое регулирование наследственных договоров оказывается недостаточным и неэффективным в практическом применении.

Ещё одной инновацией в российском гражданском праве стало введение института наследственного фонда, представляющего собой юридическое лицо, создаваемое с целью исполнения завещания и управления наследственной массой после смерти завещателя. Наследственный фонд действует на основе принципов неразделённости и статичности наследственной массы. К примеру, вышеуказанный институт правомочен передать предприятие в наследство без деления бизнеса на активы среди наследников. Для создания наследственного фонда требуется:

1. Разработать Устав организации.
2. Определить условия и правила.
3. Составить и удостоверить нотариально собственную волю наследодателя.

Создание наследственных фондов должно облегчить процедуры распоряжения имуществом и имущественными правами после смерти наследодателя. Однако на практике создание таких фондов в рамках действующего законодательства сопряжено с определёнными проблемами.

Так, одним из ключевых вопросов усматривается тот факт, что наследственный фонд создаётся уже после смерти наследодателя. А это означает, что он не может контролировать управление фондом и вмешиваться в его деятельность. В других странах гражданское законодательство позволяет создавать наследственные фонды при жизни наследодателя, что обеспечивает возможность воздействия на их деятельность при выявлении недопустимых решений. Поэтому следовало бы включить подобное положение в ГК РФ [2, с. 84].

Более того, в гражданском законодательстве не установлен критерий для определения размера наследственного фонда. Такое обстоятельство обуславливает наличие возможности создания таких фондов различных категорий лиц, что может стать нецелесообразным. Это может повлечь увеличение бремени на нотариусов, которые обязаны передавать документы для регистрации наследственных фондов в государственные органы, а также к увеличению количества нарушений в деятельности таких организаций. Вышеуказанное, на наш взгляд, чётко обосновывает необходимость внесения поправок в ГК РФ, которые бы устанавливали, что создание наследственного фонда разрешено только в случае, когда наследственная масса превышает 1 млн руб.

Кроме того, следует принимать во внимание, что наследственные фонды являются юридическими лицами и, следовательно, обязаны уплачивать налоги. И хотя они считаются некоммерческими организациями, их целью является управление имуществом и имущественными правами, полученными в результате наследования, что может привести к увеличению объёма наследства в пользу выгодоприобретателей. Однако в законодательстве не определён правовой механизм обложения налогами доходов наследников, которые получают средства от деятельности наследственных фондов. Исходя из этого, усматривается необходимость закрепления в гражданском и налоговом законодательстве норм, которые исключали бы налогообложение доходов от деятельности наследственных фондов [5].

Следовательно, до тех пор, пока вышеуказанные проблемы не будут разрешены, наследственные фонды так и будут оставаться недостаточно эффективными в национальном правовом пространстве.

Более того, в настоящее время наблюдаются упущения в регулировании наследования выморочного имущества, особенно в отношении наследников, стоящих в «девятой очереди» – государства. Отсутствие чётких норм о передаче выморочного имущества субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям создаёт правовую неопределённость, что может вызвать ситуации, когда имущество уже перешло в муниципальную собственность до того, как федеральные органы выявили его как выморочное.

Эти проблемы порождают ошибки в регистрации собственности на выморочное имущество. Сложившуюся ситуацию ещё больше усугубляет отсутствие учёта такого имущества и закрепление норм, регулирующих этот институт, в различных нормативных актах.

Как следствие, наследование доменов, которые могут иметь огромную стоимость и существенное значение для предпринимательской деятельности, остаётся недостаточным образом урегулированным. Поднят вопрос о включении доменных имён в правовое поле наследования, что пока остаётся предметом обсуждения. Также существует сложность в наследовании криптовалют, особенно в случае наследования по закону без конкретных данных о наследодателе. Отсутствие идентификационных сведений усложняет определение принадлежности криптовалюты наследодателю. Поэтому наследование криптовалют более предпочтительно с завещанием, где указан ключ доступа. В противном случае, наследникам придётся доказывать принадлежность криптовалюты, что может оказаться весьма сложной задачей [6, с. 95].

Учёный Е. С. Теушова подчёркивает, что наследование цифровых валют через завещание может осуществляться путём заключения секретного завещания или передачи электронных документов в виде файла, направляемого в Федеральную нотариальную палату [7, с. 56].

Ещё одним ценным цифровым активом являются аккаунты в онлайн-играх, социальных сетях или на других интернет-платформах. Их ценность может заключаться в интеллектуальной деятельности результатов или коммерческих аспектах. Нередко эти аккаунты подвергаются сделкам купли-продажи, если не установлены иные правила платформы. Однако вопрос наследования остаётся без решения из-за отсутствия правовых

норм, регулирующих аккаунты. На некоторых платформах существуют внутренние правила наследования.

Аккаунты в социальных сетях, таких как Facebook, Twitter, Tik-Tok, Google, Yandex, а также почтовые аккаунты Microsoft, Yahoo, Apple, WhatsApp, VK, Telegram, «Одноклассники» и «Яндекс Почта» не могут быть унаследованы, так как они остаются собственностью соответствующих компаний согласно пользовательским соглашениям. Более того, наследникам будет отказано в доступе к ценной информации в этих аккаунтах, поскольку платформы строго соблюдают конфиденциальность данных умерших пользователей [7, с. 57].

По причине отсутствия чёткого регулирования в национальном гражданском законодательстве и не принятия правовых норм для доменных имён и аккаунтов предлагается признать их объектами гражданских прав и затем закрепить особенности наследования цифровых активов, гарантируя право наследования. В настоящий момент в законодательстве нет соответствующего нормативного акта, который бы мог содержать такие нормы. Тем не менее, уже рассматривается идея создания «Цифрового кодекса», в котором будет целесообразным предусмотреть следующее: обязанность интернет-платформ установить единый порядок наследования цифровых активов; внедрение обязательной функции «цифрового наследника»; обязательное предоставление методических рекомендаций, информирующих пользователей о правовых последствиях отсутствия завещания и о важности указания потенциальных наследников или лиц, которые будут уведомлены о наличии цифровых активов после истечения определённого срока (особенно для особо ценных активов, таких как криптовалюта).

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в этом направлении. Итак, пересмотр и внесение изменений в законодательство о наследовании необходимо в свете изменений в общественной жизни и экономической динамики. Новые нормы о наследственных правоотношениях и наследственных фондах, введённые в последние годы в ГК РФ, могут быть привлекательными и актуальными, но требуют доработки из-за существующих юридических «пробелов» и спорных вопросов, которые могут возникнуть при их применении.

Учитывая недостаточное правовое регулирование в сфере выморочного имущества, предлагается принять Федеральный закон «О порядке наследования выморочного имущества».

В связи с отсутствием чёткого правового регулирования доменных имён и аккаунтов предлагается классифицировать их как объекты гражданских прав и в дальнейшем закрепить специфику наследования цифровых активов, обеспечивающую право наследования. В настоящее время до сих пор не принят нормативный акт, содержащий соответствующие положения, но уже обсуждается возможность создания «Цифрового кодекса», в рамках которого усматривается целесообразным предложить следующие меры: обязательность для интернет-платформ установить единый порядок наследования цифровых прав; внедрение обязательной функции «цифрового наследника»; размещение методических рекомендаций, информирующих пользователей о возможных правовых последствиях отсутствия завещания; о важности указания потенциальных наследников или лиц, которые будут уведомлены о наличии цифровых активов после истечения определённого времени (особенно для особо ценных активов, таких как криптовалюта).

Таким образом, с учётом вышеизложенного, представляется целесообразным предложить законодателю и в последующем и дальше сосредоточивать внимание и усилия на вопросах обеспечения эффективности деятельности правовых институтов общества и защите его интересов, а также поддержании стабильности и прозрачности наследственных правоотношений.

Список использованных источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301. – Текст : непосредственный.

2. Протас, Е. В. Правовое регулирование наследования: актуальные проблемы и пути их решения / Е. В. Протас. – Текст : непосредственный // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 1. – С. 81-86.

3. Крашенинников, П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П. В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2019. – 302 с. – Текст : непосредственный.

4. Муртазина, Г. М. Актуальные вопросы и совершенствование норм наследственного права / Г. М. Муртазина. – Текст : непосредственный // *Oeconomia et Jus*. – 2019. – № 1. – С. 56-63.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // *Собрание законодательства РФ*. – 03.08.1998. – № 31. – Ст. 3824. – Текст : непосредственный.

6. Завьялова, Д. С. Проблемы приобретения права государственной собственности на выморочное имущество: анализ судебной практики / Д. С. Завьялова. – Текст : непосредственный // *Вестник магистратуры*. – 2019. – № 1-1 (88). – С. 94-97.

7. Туешова, Е. С. К вопросу о наследовании цифровых валют / Е. С. Туешова. – Текст : непосредственный // *Пролог: журнал о праве*. – 2023. – № 1 (37). – С. 54-61.

УДК 34.05

DOI 10.5281/zenodo.10686542

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОРЯДКА НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ПО ГРАЖДАНСКО- ПРАВОВЫМ ДЕЛАМ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

СИРЕНКО Б. Н.,
канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права;

СТРЕЛЬЦОВА Н.Л.,
канд. экон. наук,
доцент кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье рассмотрены процессуальные особенности назначения и проведения экспертиз в гражданском процессе Российской Федерации и стран Европейского Союза: вопросы регламентации экспертизы, выбора экспертов, прав и обязанностей экспертов, порядка проведения экспертизы и реализации принципа состязательности в рамках гражданского процесса. Особое внимание уделено анализу порядка реализации принципа состязательности как

одного из важнейших постулатов гражданского процесса. Указанные вопросы более подробно рассмотрены на примере Франции как представителя группы романского права, Германии – группы германского права, Финляндии – группы скандинавского права.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебная экспертиза, судебный эксперт, назначение экспертизы, полномочия экспертов, принцип состязательности

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE PROCEDURE FOR APPOINTING EXAMINATIONS IN CIVIL CASES IN RUSSIAN FEDERATION AND THE COUNTRIES OF THE EUROPEAN UNION

SIRENKO B. N.,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil and Business Law;

STRELTSOVA N.L.,
Ph.D. econ. sciences,
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article considers the procedural features of the appointment and conduct of examinations in the civil process of the Russian Federation and the countries of the European Union: the issues of the regulation of expertise, the selection of experts, the rights and obligations of experts, the procedure for conducting expertise and the implementation of the principle of competition in civil proceedings. Special attention is paid to the analysis of the order of implementation of the principle of competition as one of the most important postulates of the civil process. These issues are considered in more detail on the example of France as a representative of the group of Romance law, Germany – the group of German law, Finland – the group of Scandinavian law.

Keywords: civil process, forensic examination, forensic expert, appointment of examination, powers of experts, adversarial principle

Постановка задачи. В социально-экономических условиях современной России в гражданском судопроизводстве существенно возрастает роль специальных знаний, что обусловлено, в первую очередь, необходимостью объективизации процесса доказывания, обеспечения защиты имущественных, неимущественных прав и

законных интересов личности. Кроме того, происходящая на настоящем этапе научно-технической революции интеграция и дифференциация научного знания предоставляет возможность использования в доказывании всё новых достижений современной науки.

Обзор последних исследований и публикаций. Основания и порядок проведения экспертизы в гражданском процессе – базовые проблемы гражданско-процессуального права, которые в разное время поднимали такие авторы: Е. И. Галяшина, Е. Н. Дмитриев, А. М. Зинин, А. С. Иоффе, А. Ф. Клейнман, Г. Б. Мирзоев, И. А. Покровский, Е. Р. Россинская, Е. А. Суханов, М. К. Треушников, Г. Ф. Шершеневич и др.

Актуальность статьи. Перечень решаемых посредством экспертизы вопросов весьма разнообразен, поскольку их постановка определяется потребностями практической деятельности субъектов правореализационного процесса. Так, экспертизы качества и безопасности товаров, а также экспертизы по фактам нарушения прав потребителей обеспечивают государственную и общественную защиту прав и интересов потребителей на приобретение товаров надлежащего качества и безопасных для жизни и здоровья, на получение информации о товарах (работах, услугах) и об их изготовителях (исполнителях, продавцах). В сфере строительства проводятся технико-экономические экспертизы для оценки проектно-изыскательских и строительных работ; в торговле – товароведческие экспертизы, для определения качества и сортности товаров, причин их порчи и т. п.; медико-санитарные экспертные комиссии (МСЭК), решения которых, в большинстве случаев, имеют чётко определённый срочный характер – с указанием даты следующей МСЭК для подтверждения ранее установленного диагноза; с указанием степени утраты трудоспособности и группы инвалидности для последующего назначения пенсии; разовой финансовой выплаты, размер которой зависит от степени потери трудоспособности; ежемесячного пособия (для лиц, не достигших пенсионного возраста), размер и срочность которого зависит от решения МСЭК о предоставлении лицу группы инвалидности.

Существуют и другие виды экспертиз: патентные, историко-культурные, религиоведческие, этнологические, которые применяются в правотворческой, страховой деятельности и т. д.

И это, не говоря о судебных экспертизах, к которым часто прибегают на практике не только при раскрытии и предупреждении преступлений в процессе доказывания по уголовным делам, но и в гражданском, арбитражном судопроизводстве, производстве по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, представляется возможным констатировать, что в современном правовом пространстве Российской Федерации экспертиза как инструмент поддержки управленческих, правовых и иных решений широко применяется во многих сферах жизнедеятельности граждан.

Вместе с тем, стоит отметить, что, несмотря на активное использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве, их потенциал далеко не исчерпан. Это объясняется не только развитием методов исследования, но и недостаточной реализацией сторонами всех предоставляемых законодательством возможностей.

Все вышеперечисленные обстоятельства определяют актуальность, важность и своевременность настоящей работы.

Цель статьи заключается в исследовании сравнительно-правового анализа порядка назначения экспертиз по гражданско-правовым делам в РФ и странах Евросоюза.

Изложение основного материала исследования. В Российской Федерации вопросы экспертизы в гражданском процессе регламентируются ст. 79-80 Гражданского процессуального кодекса (далее – ГПК) РФ [1], а также и другими нормативными актами, к примеру, Федеральным законом РФ от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2], Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» [3], ведомственными инструкциями.

Европейские государства вопросы экспертизы регламентируют в своих Гражданских процессуальных кодексах.

Так, сфера деятельности судебных экспертов в сфере гражданского права в Германии регулируется § 402-414 Гражданско-процессуального кодекса. В частности, кодексы регламентируют порядок назначения экспертов, определяют их права и обязанности, обязанности суда в ходе назначения экспертизы; функции экспертных заключений при рассмотрении

дела; гонорар эксперта, а также некоторые частные случаи, в которых назначается экспертиза [4].

Во Франции экспертиза, проводимая в гражданской или торговой сфере, регламентируется Гражданским процессуальным кодексом [5].

В Финляндии же производство судебной экспертизы в гражданском и уголовном процессе регулируется Процессуальным кодексом (далее – ПК) Финляндии. В значительной мере указанный нормативный акт закрепляет процедуру по гражданским делам, однако некоторые общие положения распространяются и на уголовно-правовые производства, в частности, все положения по доказательствам, касающимся статуса адвоката, по судебным расходам и т. п. [6].

В современных условиях в России экспертиза представляет собой процессуальное действие, состоящее из проведения исследований с последующим формулированием заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла, и которые были поставлены перед экспертом судом, судьёй, органом дознания, лицом, производящим дознание либо следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Судебная экспертиза представляет собой не просто исследование, а процессуальное действие, строго регламентированное законами и иными нормативными актами. Судебный эксперт несёт уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения, так как заключение эксперта признаётся доказательством по делу.

Считаем целесообразным указать, что в странах Европейского Союза распространение получили две основные организационные формы судебной экспертизы. Основным отличием для первой из них является отнесение права на её выполнение к специальным экспертным учреждениям, а второй организационно-процессуальной формой занимаются конкретные специалисты – судебные эксперты. Форма организации судебной экспертизы, за которой закреплены конкретные специалисты, в некоторых европейских странах известна как *институт присяжных экспертов*, в качестве которых выступают принявшие присягу специалисты в определённой области знаний.

Институт судебной экспертизы, согласно французскому законодательству, наделён важным значением, поскольку участниками судебного процесса указанная процедура рассматривается одновременно как предоставление доказательства и как помощь суду в вынесении решения. В целом, во Франции используется достаточно широкое представление о судебной экспертизе и судебных экспертах.

В юридической системе Франции судебная экспертиза представляет собой техническое исследование, проводимое по поручению судьи либо другого уполномоченного лица, компетентным и признанным специалистом для разъяснения ряда вопросов (ст. 263 ГПК Франции), среди которых:

- объяснение фактов, их содержания (в т. ч. с технической стороны) для субъектов (суда, участников и уполномоченных лиц);
- предоставление средств для устранения недостатка в судебном познании специальных фактов;
- экспертиза как результат проведения исследования, в отличие от констатации (*constatation*) или консультации (*consultation*), которые направлены на определение состояния (положения) свойств предмета, места в письменном документе или устном выступлении, имеющем значение «простого пояснения» (*simple renseignement*) (ст. 249-255 ГПК Франции) [5].

В целом, экспертиза в юридической системе указанного государства рассматривается как мера расследования, которую проводит технический специалист, цель которой заключается в предоставлении доказательства и помощи судье в вынесении решения ввиду специального характера вопроса.

Что касается Германии, считаем важным отметить, что в этой стране законодательство не содержит конкретной нормы, предусматривающей возможность закрепления перечня случаев, требующих обязательного назначения судебной экспертизы. Преимущественно, при необходимости, суд требует от сторон процесса указания лиц, которые могли бы быть допрошены в качестве эксперта. Также эксперт может быть назначен по ходатайству участвующих в процессе лиц. Но такое право имеется до момента отправления дела в суд на рассмотрение.

Немецкая юридическая система, в случаях возникновения вопросов, которые требуют специальных знаний в конкретной сфере права, допускает назначение экспертизы в этой отрасли. В

таком случае немецкий закон предусматривает, что, несмотря на компетентность и высокую юридическую квалификацию судьи, иногда могут возникнуть вопросы, требующие специальных правовых знаний.

При этом судебная экспертиза призвана разрешать такие обстоятельства:

- состояние конкретного лица или состояние либо стоимость отдельного имущества;
- причина телесного повреждения, повреждения имущества или недостатка имущества;
- затраты на устранение телесного повреждения, повреждения имущества или недостатка вещи [4].

В немецком законодательстве различают такие виды экспертиз, в зависимости от субъекта, ходатайствующего о её назначении:

- судебные, которые проводятся по поручению суда либо на основе ходатайства стороны о назначении экспертизы;
- экспертизы по распоряжению прокуратуры;
- ведомственные, которые могут быть проведены по поручению суда различными ведомствами, либо официальными лицами этих ведомств, заключения которых также рассматриваются судом в качестве экспертных;
- частные экспертизы, которые проводятся до суда.

Важно отметить, что особого стандарта (формы) экспертизы формально не существует, поскольку они проводятся отдельными экспертами в свободной форме. Также не требуется соблюдения единых образцов и определённых формальностей при составлении экспертного заключения.

Так, в Кельне действует Институт экспертизы (Institut für Sachverständigenwesen), который проводит курсы обучения экспертов, занимается разработкой и стандартизацией требований к назначению экспертиз и разрабатывает нормативы по проверке уровня квалификации кандидатов в сертифицированные эксперты.

Кроме того, указанное заведение оказывает поддержку организациям, заказывающим экспертизы (Палата архитекторов, Палата ремесленников, Торгово-промышленная палата и др.) К тому же с примерами экспертиз представляется возможным ознакомиться на страницах частных экспертов в открытом доступе.

Что касается Финляндии, то в её законодательстве закреплены определённые требования к заключению эксперта. В соответствии с этими требованиями, когда такой документ не ясен либо не отвечает требованиям или противоречив, а дефект не может быть исправлен посредством устного выступления, суд вправе потребовать новое экспертное исследование либо новое заключение от него/её или от другого эксперта. Если заключение было выполнено должностным лицом в силу выполняемой им функции, то суд вправе запросить новое заключение от вышестоящих органов [6].

В России экспертиза назначается судом в случае, когда в процессе возникают вопросы, требующие специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла. Судебная экспертиза может быть назначена на любой стадии процесса до вынесения судом окончательного постановления как судом непосредственно, так и по ходатайству сторон либо других лиц, участвующих в деле. При этом, стороны и другие лица, участвующие в деле, также вправе просить назначить для проведения экспертизы конкретную организацию либо эксперта; заявлять отводы эксперта; ходатайствовать о назначении повторной экспертизы, дополнительной, комплексной или комиссионной экспертизы, а также знакомиться с определением суда о назначении экспертизы (со сформулированными в нём вопросами) и заключением эксперта.

В случае назначения судом экспертизы стороны и лица, участвующие в деле, могут предъявить вопросы, на которые эксперту будет необходимо ответить при её проведении, однако, окончательный круг вопросов определяется судом. Отклонение того либо иного вопроса, предложенного какой-либо из сторон или лицами, участвующими в деле, должно быть мотивировано судом с указанием причин такого отклонения.

В европейских странах экспертов назначает суд, но стороны процесса также могут воспользоваться таким правом.

Во Франции экспертиза назначается по заявлению сторон или судьей до начала процесса, а также в рамках уже начатого судебного дела. Решение о назначении эксперта принимается на судебном заседании с участием сторон и/или их адвокатов.

Согласно германскому законодательству, только суд принимает решение о рассмотрении экспертизы в качестве средства

доказывания, хотя у сторон имеется возможность заказать экспертизу самостоятельно, вне зависимости от решения суда. Во многих случаях, к примеру, в вопросах помещения в психиатрическую лечебницу, суд обязан привлечь эксперта. Чаще всего представители прокуратуры, защитники или стороны дела могут подать ходатайство о проведении экспертизы, и, если нет причин для отказа, суд должен его удовлетворить [4].

В Финляндии суд разрешает вопрос о принятии экспертного заключения в доказательственную базу сторон на стадии подготовки к судебному процессу. Эти вопросы регулируются ст. 25 (1052/1991) главы 5 ПК Финляндии. Стороны или представители прокуратуры, в интересах которых приняты определённые меры, в т. ч. о назначении производства судебной экспертизы, представляют ходатайство о назначении судебной экспертизы именно на стадии подготовки к судебному разбирательству [6].

Согласно ГПК РФ, эксперт представляет собой лицо, обладающее специальными познаниями и привлекаемое судом к участию в процессе для дачи заключения по вопросам, требующим таких познаний. В качестве эксперта может выступать гражданин, но не организация.

В соответствии с ГПК РФ, заключение эксперта является доказательством по делу и предоставляет возможность участникам процесса ссылаться на него для обоснования своей позиции в части возражений и требований [1].

Специальные знания определяются как глубокие знания в науке, технике, искусстве или любой иной сфере человеческой деятельности, приобретённые благодаря обучению и специальной подготовке или профессиональной деятельности и необходимые для проведения экспертизы.

В случае, когда поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, он обязан направить в суд соответствующее сообщение. Эксперт обязан обеспечить сохранность предоставленных ему документов, а также вернуть их в суд вместе с заключением или сообщением о невозможности дать заключение.

В российском законодательстве эксперт не вправе вступать в личные контакты с участниками дела, если такие контакты могут вызвать сомнения в незаинтересованности эксперта;

самостоятельно собирать материалы для проведения экспертизы; сообщать кому-либо о результатах проведения экспертизы, за исключением суда, который её назначил; разглашать какую-либо информацию, которая стала ему известна в ходе проведения экспертизы.

В странах ЕС эксперт – это официально назначенное либо уполномоченное лицо, которое по роду своей профессиональной деятельности владеет специальными знаниями в области науки, искусства или ремесла, что является основанием для дачи экспертного заключения.

В европейских государствах единого подхода к деятельности судебных экспертов не выработано. Эксперты подразделяются на следующие группы:

- технические специалисты-эксперты, назначаемые судом для рассмотрения или установления определённых научных и технических фактов;

- эксперты-свидетели, демонстрирующие свои экспертные познания для поддержания определённых аргументов по запросу сторон. Такие эксперты-свидетели действуют в качестве отдельных личностей и нанимаются сторонами, оказывают содействие суду путём ответов на вопросы, которые ставятся перед ними адвокатами сторон. Показания экспертов-свидетелей, по результатам перекрёстного опроса, оцениваются судьёй на предмет компетентности с последующим выводом о возможности полагаться на такие показания. По сути, в такой ситуации эксперт выступает свидетелем;

- эксперты-консультанты по праву, которые не принимают участия в вынесении решения, но могут оказать консультационную поддержку судье по определённым правовым вопросам, представляют ему имеющие значение для дела информацию или соображения (также таких экспертов называют «друг суда», лат. *amicus curiae*) [7].

В западной цивилистике привлечение эксперта-свидетеля выходит за рамки обычной роли свидетеля в том, что он не просто описывает обстоятельства дела, как многие неспециалисты, но высказывает мнения и даёт подробные объяснения смысла доказательств, представленных в суде.

Существует чёткая разница между свидетелем, который должен изложить суду определённые сведения (информацию),

которые он имел возможность наблюдать, и экспертом, в обязанности которого входит доведение к сведению суда данными, которыми он располагает по итогам изучения вещественных доказательств и выстраивания алгоритма (схемы) противоправного деяния правонарушителя на месте происшествия, а также по результатам проведенных экспертиз в рамках возбужденного уголовного (административного) производства.

В странах ЕС основная роль эксперта заключается в предоставлении помощи судьям и другим лицам, принимающим решения в ходе судебного производства. Основное отличие от российской системы состоит в том, что эксперты могут проводить собственное установление фактов, а также оказывать помощь сторонам процесса в представлении доказательств.

Таким образом, эксперты либо дополняют недостаточные технические знания судьи, либо оказывают помощь в установлении фактов. При этом стоит отметить, что работа экспертов заканчивается там, где начинается оценка фактов, что является задачей только судьи. Это преобладает и в тех случаях, когда эксперту разрешено руководить или выполнять дачу показаний. Работа эксперта (экспертного заключения) очень важна во время судебного разбирательства, поскольку он специализируется на рассматриваемом вопросе. Судья не обязан следовать рекомендациям экспертного заключения, но тем не менее, суд должен обосновать свою точку зрения, которая расходится с мнением эксперта.

Эксперт должен составить и довести до сведения заинтересованных лиц экспертное заключение лично. Он также несёт за его содержание полную индивидуальную ответственность и не имеет права делегировать свои полномочия третьим лицам.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок по рассматриваемой тематике. Как показал проведённый анализ, при сходных функциях в процессуальных механизмах привлечения экспертов и экспертных организаций в странах Европейского Союза и Российской Федерации имеются различия в нормах регулирования и исторически сложившемся порядке осуществления экспертной деятельности.

Процедуры регламентации составления экспертного заключения в РФ и ЕС имеют много общего.

Существенной является разница в подходе к процедуре выбора эксперта. Ряд стран, в том числе не относящихся к системе англо-саксонского права (Дания, Кипр), предусматривают право выбора эксперта сторонами, в русле принципа состязательности. В отдельных государствах выбор эксперта осуществляют государственные органы (Министерство юстиции, прокуратура), что по мнению авторов не может рассматриваться как качественное отличие от положения, когда выбор эксперта осуществляет суд. И в том, и в другом случае выбор осуществляется государственными органами, хотя в случае выбора эксперта не судом, а органом, обладающим сетью подведомственных экспертных учреждений (как, к примеру, Министерство юстиции РФ), возможно, выбор может осуществляться более квалифицированно. В этом случае принцип состязательности не реализуется в полной мере.

Более важным усматривается отличие в случае, когда в государстве действует система так называемых «сертифицированных» экспертов (Франция). В этом случае участники процесса ограждены от риска назначения некомпетентного эксперта. С другой стороны, в случае территориальной привязки эксперта к конкретному суду, не в полной мере будет реализован принцип состязательности.

По нашему мнению, российскому законодателю было бы целесообразно присмотреться к подобной реализации системы выбора эксперта. Возможно, наиболее перспективным решением было бы такое, когда сертификация экспертов реализована без формальной территориальной привязки. В этом случае, когда предмет исследований эксперта требует высокой квалификации (например, сложные оценочные или финансово-экономические экспертизы), суд не будет поставлен в ситуацию, когда отсутствует необходимый эксперт, а выбор сертифицированного эксперта будет служить гарантией качества. Наличие же множества сертифицированных экспертов, возможность их выбора будет являться соблюдением принципа состязательности.

Список использованных источников

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002. – № 138-ФЗ. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/.

2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/.

3. О судебной экспертизе по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28. – Текст: электронный. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108437/.

4. Лукичев, Б. А. Сравнительно-правовой анализ нормативных актов, регламентирующих производство судебной экспертизы и процессуальный статус сведущих лиц в уголовном процессе России и Германии / Б. А. Лукичев, С. Г. Алексеев. – Текст: непосредственный // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2020. – Том 45. – № 3. – С. 516-526.

5. Дюпре Дени. Нормы и стандарты экспертизы во Франции / Дени Дюпре. – Текст: электронный. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575015&pos=1;-16#pos=1;-16.

6. Фролычева, Е. А. Сравнительный анализ порядка назначения судебной экспертизы в уголовном процессе России и Финляндии / Е. А. Фролычева. – Текст: непосредственный // *Вестник Удмуртского Университета.* – 2011. – Вып. 3. – С. 155-158.

7. Пен С. Г. Изучение зарубежного опыта судебно-экспертной деятельности / С. Г. Пен. – Текст: электронный. - URL: <http://repository.kazguu.kz/bitstream/handle/123456789/626/%D0%9F%D0%B5%D0%BD%20%D0%A1%D0%93%20%D0%98%D0%B7%D1%83%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%B7%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82%D0%B0%20%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%BE-%D1%8D%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%B4%D0%B5%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20%28%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%8F%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

РАЗДЕЛ 5
Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право; уголовный процесс,
криминалистика; оперативно-розыскная деятельность

УДК 343.2

DOI 10.5281/zenodo.10683025

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ
УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

ВИТВИЦКАЯ В. В.,
канд. юрид. наук, доцент,
доцент кафедры административного права;

КУЛИКОВА О. А.,
магистрант,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье исследованы особенности исторического развития системы уголовных наказаний в России и некоторых зарубежных странах. Проведён анализ формирования ключевых основ уголовного наказания. Проанализированы в сравнительно-правовом аспекте виды уголовных наказаний.

Ключевые слова: уголовное наказание, система уголовных наказаний, Россия, зарубежные страны, исторический аспект, генезис

THE HISTORICAL ASPECT OF THE FORMATION OF THE
SYSTEM OF CRIMINAL PENALTIES IN RUSSIA AND
FOREIGN COUNTRIES

VITVITSKAYA V.V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Administrative Law;

KULIKOVA O. A.,
graduate student,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article examines the features of the historical development of the system of criminal penalties in Russia and some foreign countries. The analysis

of the formation of the key foundations of criminal punishment is carried out. The types of criminal penalties are analyzed in the comparative legal aspect.

Keywords: criminal punishment, system of criminal penalties, Russia, foreign countries, historical aspect, genesis

Актуальность и постановка задачи. Изучение системы уголовных наказаний в исторической перспективе является актуальным и важным для формирования правильного понимания современной системы наказаний, её эффективности и возможных направлений развития. Исследуя эволюцию уголовных наказаний в сравнительно-правовом аспекте, можно выявить определённые тенденции и закономерности, которые могут быть использованы для улучшения системы наказаний в современном обществе.

Анализ исторических данных позволяет понять процесс изменений системы уголовных наказаний на протяжении веков, узнать, какие были основные виды наказаний и как они применялись, какие наказания были наиболее эффективными, а какие – нет, и почему.

Кроме того, изучение истории системы уголовных наказаний позволяет оценить роль и влияние различных социальных, экономических и политических факторов на развитие данной системы. Знание этих факторов может помочь лучше понять, какие проблемы в обществе вызывают необходимость применения уголовных наказаний и какие изменения в системе могут способствовать снижению уровня преступности.

Исследование системы уголовных наказаний в истории России и зарубежных стран может помочь разработать более эффективные и гуманные методы наказания преступников.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретической основой статьи послужили научные разработки отечественных и зарубежных авторов, среди которых следует назвать труды А. Ф. Буниной, К. А. Долгополова, А. В. Новикова, О. В. Середы, Д. Н. Слабкой, А. М. Сугаиповой, И. Ю. Пустоварова, М. С. Рыбака и другие.

Целью статьи является анализ исторического аспекта формирования системы уголовных наказаний в России и зарубежных странах.

Изложение основного материала исследования. Система уголовных наказаний зародилась в древности и прошла длительный путь развития. На разных этапах истории наказания имели свои

особенности и были связаны с социальными, экономическими и политическими условиями жизни общества.

Система уголовных наказаний появилась вместе с возникновением государства и права. В древних обществах наказания за преступления были довольно жестокими и часто включали в себя смертную казнь или телесные наказания. С развитием общества и государства наказания стали более гуманными и направленными на исправление преступника, а не на его непосредственную кару.

В разных культурах и государствах существовали свои системы наказаний, которые были направлены на устрашение преступников и предупреждение преступлений.

Как справедливо отмечают Д. Н. Слабкая и А. В. Новиков, русско-византийские договоры следует отнести к первым письменным памятникам уголовного права России. Русско-византийские договоры 9-го века являются важными историческими документами, которые регулировали отношения между Русью и Византийской империей. Договоры, подписанные в 911 и 944 годах, содержали положения о торговле, дипломатии, военном сотрудничестве, а также о уголовных наказаниях и других аспектах отношений между двумя государствами. Например, подписанный Византией с князем Олегом договор содержал положения о штрафе как уголовном наказании за причинение телесных повреждений [1, с. 36].

Русская Правда имела три редакции: Краткую, Пространную и Сокращённую. Краткая редакция Русской Правды содержала разные виды наказаний, различавшиеся в зависимости от степени тяжести вреда потерпевшему, предметов совершения преступления. Существовала необходимость предоставления свидетельских показаний по некоторым категориям дел [2, с. 35]. В целом, Русская Правда была памятником обычного права, выражавшим интересы общества, построенного на принципе всеобщего равенства, но учитывалось социальное положение как преступника, так и пострадавшего, всё же наказаниям была присуща некоторая классовость. Положения Русской Правды воплотили христианские традиции, закрепили множество норм о преступлениях и наказаниях, выработали ряд важных правовых категорий, заложили фундамент для развития различных институтов уголовного законодательства [3, с. 70].

В древнерусский период основным видом наказания были штрафы, сложная система которых была закреплена в Русской Правде. Наибольшей строгостью среди штрафов отличалось уголовное наказание «поставить на поток и разграбление». У лица, приговоренного к такому виду наказания, подлежало конфискации всё имущество, а лицо, которое было признано виновным, продавалось в рабство. Смертная казнь не регламентировалась Русской Правдой так же, как и телесные наказания. Однако, известно о применении таких наказаний, в частности, к лицам, принимавшим участие в восстаниях против княжеской власти. Кроме того, в рассматриваемый период применялись наказания, связанные с лишением свободы – «поруб» или «погреб» [4, с. 22].

Важным историческим документом, содержащим сведения об уголовно-правовых наказаниях в России, следует считать Псковскую Судную грамоту 1397 года, в которой были закреплены такие виды наказаний как смертная казнь, денежные взыскания, заключение в колодки, а основным видом наказания являлся штраф.

Значительную роль в развитии системы уголовных наказаний сыграли Судебники 1497 и 1550 годов. Данными нормативными актами закреплялась суровая система уголовных наказаний, основной целью которых являлось запугивание населения: смертная казнь, телесные наказания (в частности, битьё кнутом). Смертная казнь назначалась за большинство преступлений и вытеснила распространённую на то время систему штрафов. В Судебниках 1550 и 1589 годов содержалось упоминание о таком виде наказания как лишение свободы (заключение в тюрьму). Соборное Уложение 1649 года расширило применение тюремного заключения. Оно могло назначаться на определённый срок (до 4 лет) либо на неопределённый (на какой государь укажет) срок [5, с. 171].

Отдельные аспекты уголовно-правовой охраны в России имели свои особенности, связанные с особой важностью охраняемого объекта. Автор О. В. Середа подчёркивает, что правовые нормы, которые были направлены на охрану некоторых видов древесины, содержались в Указе от 1703 года Императора Петра I, запрещавшем вырубку лесов, пригодных для построения кораблей. В первой редакции данного нормативного правового акта за указанное преступление предусматривалась высшая мера наказания – смертная казнь. Однако в дальнейшем были внесены изменения: смертная казнь была заменена каторгой и денежным

штрафов за вырубку заповедных пород деревьев. Смертная казнь была оставлена в качестве наказания за вырубку дуба, оставшегося под особой охраной государства [6].

В германском уголовном праве среди наказаний существовала кровная месть, она носила коллективный характер. Также существовала потеря мира. Впоследствии возникает ограничение применения кровной мести – композиция, т.е. заключение мирного соглашения между сторонами с предоставлением выкупа (денежной суммы) потерпевшей стороне.

В уголовном праве известны судебные разбирательства, применявшиеся в германском праве, которые были предназначены для определения виновности или невиновности лица. Обвиняемый должен был доказать свою невиновность, подвергнув себя таким испытаниям как удержание раскаленного камня или кипящей воды. Если он был в состоянии это вынести, было понятно, что Бог помогает ему за то, что он невиновен [7]. Как видим, на становление уголовного права повлияли существующие пережитки в сфере религии, система наказаний формировалась под влиянием общинно-родовых устоев и обычаев.

С падением Западной Римской империи (средневековье) происходит слияние римского права с германским и каноническим. Многие авторы говорят о начале эволюции, которая приводит к инкорпорации права в уголовно-правовые институты, созданные римским и каноническим правом.

Так, в Германии Бамбергское Уложение было по своей сущности уголовным постановлением, подготовленным в 1507 году, которое обеспечивалось эффективным подтверждением государственного характера карательной деятельности в применении наказаний. В Уложении регламентировалась смертная казнь, определялся порядок её исполнения. В целом, законодательство допускало толкование по аналогии, таким образом, применение уголовного закона носило субъективный характер.

Эпоха Просвещения повлияла на эволюцию идей уголовного права о системе наказаний. В XVII веке во времена монархического абсолютизма с признаками деспотизма и произвола наказаниями были пытки, нанесение увечий обвиняемым и применение смертной казни, усугубленной жестокими пытками. Наиболее часто используемым доказательством вины подозреваемого лица было

признание его под пыткой. Присутствовала диспропорция между преступлением и наказанием. Обвиняемому не хватало защиты в суде. Этот произвол вызвал общественную реакцию, которая легла в основу новых философско-правовых идей, основанных на естественном праве и разуме. Новые теории нашли конкретное выражение в философском движении эпохи Просвещения, в трудах Монтескье, Руссо, Локка и других просветителей. Представители данного движения выступали за глубокие изменения, основанные на рациональности, законности, равенстве и соразмерности наказаний, а также критиковали применение смертной казни государством [7].

В Испании в Семи Статьях короля Альфонсо X (1256-1265 гг.) устанавливался публичный характер уголовного права, существование неподсудных лиц, определялось различие между преступными и умышленными деяниями, закреплялись категории оправданных деяний лица [7]. Среди различных видов наказания, существовавших в Испании с XIII по XIX век, наиболее суровым являлось заключение на галеры. Данный вид наказания заключался в использовании заключённых, запряжённых в галеоты, для передвижения на вёслах военных кораблей. Быть приговорённым к заключению на галеры означало не что иное, как провести остаток своей жизни на королевских галерах, не получая за это жалованья, до тех пор, пока не настанет смерть заключённого. В зарубежной литературе того периода галеру заслуженно называли «судном с кровавым двигателем» или «плавучей тюрьмой». С начала XVI века этот вид наказания занял определяющее положение в системе уголовных наказаний Испании как одной из ведущих морских держав. Использование бесплатного каторжного труда заключённых на галерах имел экономический и военный потенциал в ту эпоху. Принудительный труд заключённых в итоге стал преобладающим элементом этого наказания на море. Его основная цель – использование труда преступников на благо государства, никоим образом не претендуя на то, чтобы они были исправлены. Иными словами, единственной целью этого наказания была собственная выгода испанского короля, поскольку в то время ещё не существовало идеи исправления осуждённых [8].

Это наказание согласуется с концепцией рабства, поскольку фактически осуждённые были «королевскими рабами», которых заставляли пожизненно работать на Испанскую империю. В 1653

году это наказание было ограничено 10 годами. Наказание в виде принудительного содержания на галерах действовало до 28 ноября 1748 года, когда оно было отменено по приказу короля Фердинанда VI ввиду неиспользования и военной бесполезности таких судов как галеры. Из этого следует, что труд заключённых на галеры носил чисто экономический и военный характер.

Так как Испания к XVIII веку стала великой колониальной империей, было принято решение заменить наказание в виде заключения на галерах отправкой заключённых на работы в шахты Альмадена или в тюрьмы Африки.

В 1784 году Карлом III наказание в виде отправления на галеры было восстановлено с целью борьбы с алжирцами, но в итоге это наказание было окончательно отменено Королевским указом Карла IV от 30 декабря 1803 года [8].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок. В древнерусский период не была сформирована система уголовных наказаний как таковая, единый их перечень не закреплялся ни в одном правовом источнике. Однако в целом число наказаний, которые назначались лицам, виновным в совершении преступлений, было ограничено. Далее в российской истории наказания как ужесточались, так и становились более гуманными, выделялись наиболее важные области правоотношений, в которых устанавливалась особая уголовно-правовая охрана, применялись наиболее строгие наказания.

В зарубежных странах с историческим развитием системы уголовных наказаний происходила их постепенная гуманизация и исключение религиозного характера их применения.

На современном этапе система уголовных наказаний в Российской Федерации проходит новый этап гуманизации с учётом принципа справедливости, чтобы наказание было соразмерно тяжести совершённого деяния и отношения к потерпевшему лицу.

Материалы данного исследования могут быть использованы в дальнейших научных изысканиях вопроса исторического развития системы уголовных наказаний.

Список использованных источников

1. Слабкая, Д. Н. Историко-правовой обзор штрафа как вида наказания в уголовном законодательстве Древнерусского государства / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков. – Текст :

непосредственный // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Т. 13. – № 1-2-1. – С. 35-40.

2. Сугаипова, А. М. Становление и эволюция в российском праве ответственности за деяния, причиняющие вред здоровью человека / А. М. Сугаипова. – Текст : непосредственный // Военное право. – 2023. – № 2 (78). – С. 31-45.

3. Рыбак, М. С. Эволюция системы уголовного наказания в России / М. С. Рыбак. – Текст : непосредственный // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 6. – С. 70-79.

4. Бунина, А. Ф. Развитие института уголовного наказания в России / А. Ф. Бунина, И. Ю. Пустоваров. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. – 2019. – № 4. – С. 21-23.

5. Долгополов, К. А. История развития института уголовного наказания в период с XV века по 1845 год / К. А. Долгополов. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современной науки: V Международная научно-практическая конференция в двух томах. – 2016. – С. 171-173.

6. Середа, О. В. Формирование уголовного законодательства о защите леса от незаконного использования в царской России / О. В. Середа. – Текст : электронный // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. – 2023. – № 48. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50367941> (дата обращения: 27.10.2023). – Заголовок с экрана.

7. Miranda, D. Historia de la pena: como se ha dado la evolucion historica de la pena: 1 / D. Miranda. – Текст : электронный // Criminología. – 2017. – URL: https://www.academia.edu/40222123/HISTORIA_DE_LA_PENA_COMO_SE_HA_DADO_LA_EVOLUCION_HISTORICA_DE_LA_PENA_1 (дата обращения: 27.10.2023). – Заголовок с экрана.

8. El sistema penitenciario. Orígenes y evolución histórica The Penitentiary System. Origins and Historical Evolution / Natalia Checa Rivera Varona. – Текст : электронный. – 2017. – URL: <https://ebuah.uah.es/dspace/bitstream/handle/10017/31992/TFM%20NATALIA%20CHECA%20RIVERA.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 27.10.2023). – Заголовок с экрана.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЭКСТРЕМИСТА

ВОЙТОВ А. В.,
канд. юрид. наук,
заместитель директора института магистратуры
и подготовки кадров высшей квалификации,
ДГУЮ Минюста России,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной статье рассмотрены проблемные вопросы, которые возникают при оценке криминологической характеристики личности экстремиста.

Ключевые слова: криминологическая характеристика личности, преступление, экстремизм

CRIMINOLOGICAL PORTRAIT OF AN EXTREMIST

VOYTOV A. V.,
kand. jurid. sciences
Deputy Director of the Institute of Magistracy and
Training of Highly Qualified Personnel,
DSUJ,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

This article discusses the problematic issues that arise when assessing the criminological characteristics of an extremist's personality.

Keywords: criminological characteristics of personality, crime, extremism

Постановка задачи. Личность преступника – это составной элемент предмета криминологии. Поэтому значимость исследования криминологической характеристики личности экстремиста состоит, прежде всего, в том, что посредством понятия личности экстремиста сотрудники правоохранительных органов выясняют взаимодействие причин и условий, приводящих к совершению преступлений для последующего принятия мер по предупреждению их отрицательного воздействия. Знание подобных особенностей позволяет выстраивать не только алгоритм

соответствующего расследования, но и конкретные профилактические мероприятия.

Анализ последних исследований и публикаций. Теоретическую базу исследования составили научные труды таких учёных: А. В. Петрянин, И. А. Коннов, С. А. Воронцов, А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевалков, С. В. Борисов, Р. М. Узденов, Ю. С. Варанкина, В. Д. Ларичев, А. С. Скудин и другие.

Следует отметить, что в работах указанных авторов рассматривались отдельные элементы личности преступника, но комплексное исследование личности экстремиста не проводилось.

Актуальность. Криминологическое изучение личности преступника в целом и «экстремиста» в частности осуществляется главным образом для «выявления и оценки тех её свойств и черт, которые порождают преступное поведение, в целях его профилактики» [1, с. 47]. В связи с этим в данном исследовании мы попытаемся рассмотреть личность преступника, виновного в совершении преступлений экстремистской направленности.

Представляется целесообразным проанализировать личность экстремиста в социальном аспекте, учитывая особенности массового сознания молодёжи.

Цель статьи. В рамках настоящей работы затронуты дискуссионные вопросы о подходах к определению криминологического портрета экстремиста. В связи с этим считаем необходимым рассмотреть подходы ученых-юристов к определению понятия «терроризм» и уже на основании проделанного анализа самостоятельно сформулировать криминологический портрет экстремиста.

Для достижения поставленной цели в процессе исследования были использованы методы, сформировавшиеся в рамках диалектического, исторического, сравнительно-правового, формально-логического подходов к объекту познания. Применение этих методов обеспечило основу для теоретических выводов.

Изложение основного материала исследования А. С. Грачев, исследуя всплеск экстремизма в Западной Европе 70-х – 80-х годов прошлого века, пришел к выводу о чрезвычайной привлекательности данных идей для молодых людей в возрасте до 25 лет и мигрантов [2, с. 52].

Экстремизм в молодёжной среде проявляется в деформациях сознания, в увлечённости националистическими, нефашистскими

идеологиями, нетрадиционными для Российской Федерации, новыми религиозными доктринами, в участии в деятельности радикальных движений и групп, в совершении противоправных, а иногда и преступных действий, совершаемых ими в связи со своими убеждениями.

При изучении студенческой молодёжи, согласно данным А. С. Зайналабидова и В. В. Черноуса, 31,8% опрошенных были свидетелями унижений и оскорблений лиц в связи с их национальной или расовой принадлежностью, 5,4% – являются пострадавшими [3, с. 79].

Л. Гудков, опираясь на значительный эмпирический материал, убедительно доказал, что молодых респондентов в возрасте до 24-х лет характеризуют «особенно агрессивные и экстремистско-радикальные формы отношения к этническим чужакам» [4, с. 44-60].

И. А. Милюкова зафиксировала рост социальной нетерпимости, националистических и экстремистских настроений среди учащейся молодёжи Карелии (эта республика традиционно рассматривалась как регион с высокой степенью толерантности). Более двух третей опрошенных молодых людей поддерживали требование к властям Карелии ограничить разрешение на въезд в республику «лицам кавказской национальности» [5, с. 69].

Негативное отношение к представителям той или иной национальной, расовой, религиозной или социальной группы, сформировавшееся под влиянием пропаганды, а также на основании собственного жизненного опыта, под воздействием определённых факторов (избытка свободного времени и его неорганизованности [6, с. 187; 7, с. 114,164; 8, с. 143], отсутствия возможности или желания продолжать образование [9, с. 14; 10, с. 16] и, как следствие, невозможности трудоустроиться на высокооплачиваемую работу, несформированности или ограниченности интересов [11, с. 98]) толкает молодёжь на участие в экстремистской деятельности.

Действительно, как показали результаты исследования протестующих на «Майдане» в 2014 году, мы можем наблюдать значительное число молодых людей, которые под воздействием «ораторов Майдана», а также средств массовой информации осуществляли акты уголовно наказуемого деяния, подпадающие под признаки экстремизма, «разжигая» тем самым недовольство в обществе. Например, студенты г. Львова, вместо учёбы вышли

поддерживать протестные акции в г. Киеве [12]. Помимо этого, во время событий в г. Киеве в 2014-м году практически все СМИ подавали информацию неправдиво, однобоко, искажали события, извращали факты, настраивали население против правоохранительных органов. Проводилась работа по подмене понятий в сознании граждан. Правоохранителей в СМИ не называли «сотрудниками милиции» или «силами правопорядка», или хотя бы «милиционерами», а называли «беркутовцы», «спецназовцы», «силовики». Участники беспорядков именовались не «правонарушителями», «хулиганами» и «преступниками», а «общественными активистами», «студентами» и «мирными протестующими». Процесс ликвидации очагов беспорядков называли «жестоким разгоном», «избиением мирных протестующих». В результате в сознании граждан, в частности, в сознании молодёжи, сформировался устойчивый образ невинных жертв кровавого режима, притесняемых продажными силовиками. Вместе с тем, помимо СМИ, и в сети «интернет» преднамеренно демонизировался облик сотрудника милиции, очернялась репутация органов правопорядка в целом и пропагандировалась открытая неприязнь и агрессия к представителям власти. Насаждался миф о том, что вокруг творится «ментовский беспредел», а несчастные студенты – «дети», вышедшие на мирный протест, терпят жестокие побои со стороны правоохранительных органов («Беркута» и ВВ), которые за огромные деньги готовы на любые зверства [13].

Если обратиться к половому признаку состава молодёжи, то мы можем наблюдать, что в основном молодёжь составляли лица мужского пола. Так, Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян отметили, что лица мужского пола наиболее склонны к совершению актов уголовно наказуемого экстремизма в возрасте от 16 до 18 лет, а девушки включаются в экстремистскую деятельность в возрасте от 18 до 25 лет [14, с. 62]. Ведь именно несовершеннолетние в возрасте от 13 до 17 лет, как показало изучение документов радикальных организаций, представляют собой их основной контингент. Аналогичные данные были получены А. А. Мейтиным при изучении личности футбольного болельщика [15, с. 10] и А. И. Русаковым относительно личностей, совершивших акты вандализма [16, с. 20].

Подобные совпадения, на наш взгляд, неслучайны. Наблюдаемые нами события 2 мая 2014 года в г. Одесса показали участников противоправных действий, которые являлись активными болельщиками футбольных клубов. Используя футбольный матч, они осуществляли нападения на лиц различных национальностей и совершали акты вандализма.

Ещё в середине 60-х годов Г. М. Миньковским была выявлена следующая закономерность: наибольшее число преступных посягательств выявляется среди подростков, которые не учатся и не работают. В рассматриваемый период времени их доля в числе преступников в 15-20 раз превышала соответствующую долю в контрольных группах [17, с. 18].

Эта же тенденция сохраняется до настоящего времени. Н. В. Валуйсков констатирует, что «наиболее криминальной категорией являются не учащиеся и неработающие подростки, с низким уровнем образования, культуры и правосознания, избытком свободного времени и отсутствием социально значимых интересов» [18, с. 151].

Как правило, совершению преступления экстремистской направленности предшествовала длительная антиобщественная [19, с. 58] или противоправная деятельность, которая сопровождается употреблением каких-либо веществ. Так, согласно исследованиям Игнатенко В. И., помимо незанятости, в данной категории граждан фиксируется устойчивый рост употребления алкогольных напитков, наркотиков, токсических веществ и одновременное снижение возраста приобщающейся к ним молодёжи [6, с. 71; 20, с. 101; 21, с. 18].

Вместе с тем, согласно утверждениям Брускина Г. З., а также Миньковского Г. М., действия несовершеннолетних зачастую бывают спровоцированы взрослыми [22, с. 64-65; 23, с. 12], как неким катализатором, позволяющим воздействовать на более активные действия несовершеннолетних.

Кроме того, на наш взгляд, особое влияние оказывает на действия молодёжи и религиозный фактор. Представляется, что на индивидуальном уровне вступление в религиозную организацию (с экстремистской направленностью) является следствием социально-психологической дезадаптации человека, которая представляет собой «постоянный процесс активного приспособления индивида к условиям социальной среды» [24, с. 59]. Согласно концепции социально-психологической адаптации,

предложенной А. Г. Амбрумовой, существует четыре основных направления человеческой деятельности, по которым идёт адаптация, а именно: познавательное, преобразовательное, ценностно-ориентационное и коммуникативное. При дезадаптации первыми нарушаются ценностно-ориентационная и коммуникативная деятельность [25, с. 6-28]. Именно поэтому, как показывает объёмный эмпирический материал, накопленный западными исследователями, потенциальными адептами тоталитарных сект являются, прежде всего, те люди, которые: ищут работу, испытывают беспокойство по поводу своего будущего; недавно уехали из дома, пережили какую-либо личную трагедию (смерть близких, развод, несчастную любовь, потерю работы, тяжёлую болезнь), часто меняют место жительства, т. е. в той или иной степени дезадаптированы [26; 27; 28].

Субъективно дезадаптация может проявляться в очень широкой гамме психоэмоциональных сдвигов. Непереносимое чувство одиночества, собственной ненужности, бесцельности существования, потеря жизненных ориентиров, ощущение невозможности в одиночку справиться со сложившейся ситуацией – всё это может являться субъективным проявлением дезадаптации [25, с. 10].

Болезненное переживание существующей разницы между своими ожиданиями, надеждами, претензиями и реальными достижениями, т. е. относительной депривации [29] также является субъективным проявлением дезадаптации.

По мнению Д. Аберля, Ч. Глока, ощущение относительной депривации является необходимым условием возникновения, распространения новых религиозных движений [30], что не всегда эти религиозные движения направлены на солидарность и мир, а характеризуются крайними взглядами на миропорядок.

Выводы. Подводя итоги исследования, можно заключить, что чрезвычайная бедность, ощущение отсутствия каких-либо жизненных перспектив, разрушение светской системы социализации человека, отсутствие условий для правовой защиты своих интересов, возвращение традиционных обычаев в их самой жестокой и извращённой форме – всё это создаёт питательную среду для вовлечения незанятой части населения, а в особенности молодёжи, в экстремистскую деятельность, направленную на разрушение государственности.

Указанное позволило нам выделить некие общие черты и свойства «экстремиста» вне зависимости от содержания разделяемой им идеологии. Здесь следует отметить, что молодёжь представляет собой наиболее уязвимую, с точки зрения распространения экстремизма, среду в силу своих возрастных особенностей. Экстремистскому «влиянию» в большей степени подвержена та часть населения, которая является временно не занятой (учёбой или работой) или располагает свободным времяпрепровождением, не связанным с временем нахождения в отпуске, отдыха, уходом за кем-либо или нахождением на заслуженном пенсионном обеспечении. Кроме того, высокий уровень экстремизации сознания значительной части молодёжи позволяет прогнозировать рост числа проявлений экстремизма в обществе.

В дальнейшем мы продолжим исследование криминологического портрета экстремиста с учётом проведения специальной военной операции (СВО).

Список использованных источников

1. Антонян, Ю. М. Личность преступника / Ю. М. Антонян, В. Н. Кудрявцев, В. Е. Эминов. – Санкт-Петербург : Юрид. центр Пресс, 2004. – 366 с. – Текст : непосредственный.
2. Грачев, А. С. Политический экстремизм / А. С. Грачев. – Москва : Мысль, 1986. – С. 52. – Текст : непосредственный.
3. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодёжи Дона / Под ред. А. С. Зайналабидова и В. В. Черноуса. – Ростов на Дону, 2004. – С. 79.
4. Гудков, Л. Д. Антисемитизм в постсоветской России / Л. Д. Гудков. – Текст : непосредственный // Нетерпимость в России : старые и новые фобии / Под ред. Г. Витковской, А. Малашенко. – Москва : б/и, 1999. – С. 44-60.
5. Милюкова, И. А. «Повседневный расизм» и этническая толерантность молодёжи Республики Карелия : к постановке проблемы. – Текст : непосредственный // Актуальные вопросы исследования профилактики экстремизма : Материалы международной научно-практической конференции / Под. ред. А. А. Козлова. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 69.
6. Игнатенко, В. И. Предупреждение антиобщественного образа жизни и рецидива преступлений несовершеннолетних / В. И. Игнатенко. – Рязань : Изд-во Акад. права и управления Минюста России, 2004. – С. 187. – Текст : непосредственный.

7. Зиядова, Д. З. Преступность среди учащихся общеобразовательных школ и проблемы её предупреждения / Д. З. Зиядова. – Москва : Юристъ, 2005. – С. 164, 114. – Текст : непосредственный.

8. Борбат, А. В. Криминологические аспекты образа жизни несовершеннолетних правонарушителей / А. В. Борбат. – Текст : непосредственный // Правовая культура молодёжи и формирование правомерного поведения. – Москва : Изд-во «СПАРК», 1985. – С. 143.

9. Севастьянова, И. В. Девиантное поведение несовершеннолетних : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2004. – С. 14. – Текст : непосредственный.

10. Ильчикова, Е. М. Противоправное поведение лиц молодёжного возраста и проблемы его предупреждения : автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – С. 16. – Текст : непосредственный.

11. Миньковский, Г. М. Правовое воспитание и профилактика правонарушений молодых членов общества / Г. М. Миньковский. – Текст : непосредственный // Правовая культура молодёжи и формирование правомерного поведения. – Москва, 1985. – С. 98.

12. Хроника студенческого Евромайदानа. Основной движущей силой протестов осени-2013 стало именно молодое поколение. – Текст : электронный // LB.UA. – URL: https://lb.ua/news/2013/11/26/242839_hronika_studencheskogo_evromaydana.html.

13. Аминов, Д. И. Молодёжный экстремизм / Д. И. Аминов, Р. Э. Оганян. – Москва : Триада, 2005. – С. 62. – Текст : непосредственный.

14. Мейтин, А. А. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками и их предупреждение: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2004. – С. 14. – Текст : непосредственный.

15. Русаков, А. П. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с вандализмом : автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2001. – С. 23. – Текст : непосредственный.

16. Миньковский, Г. М. Влияние недостатков в организации учебно-воспитательной работы в общеобразовательных школах, профтехучилищах, в производственном обучении на поведение несовершеннолетних / Г. М. Миньковский // Избранные труды. – Москва, 2004. – Т. 1. – С. 23. – Текст : непосредственный.

17. Валуйсков, Н. В. Правовые проблемы предупреждения ювенальной преступности : Дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. – С. 151. – Текст : непосредственный.

18. Лихачев, В. Нацизм в России / В. Лихачев. – Москва, 2002. – С. 58. – Текст : непосредственный.

19. Башкатов, И. Д. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодёжи / И. Д. Башкатов. – Москва, 2002. – С. 101. – Текст : непосредственный.

20. Пудовочкин, Ю. Е. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологические аспекты : Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999. – С. 18. – Текст : непосредственный.

21. Брускин, Г. Э. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика вовлечения несовершеннолетних в антиобщественное поведение и актуальные вопросы деятельности суда по борьбе с этим преступлением : Дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 1976. – С. 64-65. – Текст : непосредственный.

22. Брускин, Г. Э. Общая характеристика вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и иное антиобщественное поведение / Г. Э. Брускин, Г. М. Миньковский. – Текст : непосредственный // Проблемы борьбы с вовлечением несовершеннолетних в антиобщественное поведение. – Москва, 1981. – С. 12.

23. Дербанова, И. Б. Типы социально-психологической адаптации и комплекс неполноценности / И. Б. Дербанова. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 1996. Серия 6. – № 1. – С. 59.

24. Амбрумова, А. Г. Суицид как феномен социально-психологической дезадаптации личности / А. Г. Амбрумова, В. Л. Тихоненко. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы суицидологии. – Москва, 1978. – С. 6-28.

25. Wuthnow R. The New Religions in Social Context // The New Religious Consciousness. Ed. by Ch. Clock. L, 1976. – P. 267-293.

26. Durham D. The life among the Moonies: Three years in the Unification Church. New Jersey, 1981. – P. 1-14.

27. Fucs Ebaugh H.R., Richman K., Saltzman Shafetz J. Life crisis among the religiously committed: do sectarian differences matter? // Journal for the Scientific study of religion. March, 1984. – Vol. 23. – № 1. – P. 19-32.

28. Gurr R. Why men rebel. New Jersey, 1971. – P. 13.

29. Clock Ch. The new religious consciousness. Berkley, 1976. – P. 353-366.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПО ДЕЛАМ О ПОХИЩЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

МАТЮШАЙТИСЬ Н.В.,
канд. юрид. наук, доцент, доцент
кафедры административного права;

БРОВАРЬ Н.А.,
магистрант кафедры гражданского и
предпринимательского права
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В статье проведено исследование особенностей взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании похищения человека, а также рассмотрены пути совершенствования организационных и тактических основ следственной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: похищение человека, взаимодействие следственных и оперативных подразделений, розыскные мероприятия, следственные действия

ON THE INTERACTION BETWEEN INVESTIGATIVE AND OPERATIONAL UNITS IN CASES OF KIDNAPPING

MATYUSHAITIS N.V.,
PhD in Law, associate professor, associate professor
of the department of administrative law;

BROVAR N.A.,
graduate student of the group
of the Department of Civil and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

The article studies the peculiarities of interaction between investigative and operational units in the investigation of kidnapping, and also considers ways to improve the organizational and tactical foundations of investigative and operational and investigative activities of internal affairs bodies.

Keywords: kidnapping, interaction of investigative and operational units, investigative measures, investigative actions

Постановка задачи. Кроме того, постоянного совершенствования организационных и тактических основ следственной и оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел требует многообразие способов совершения похищения человека. Научная разработка данных основ служит, прежде всего, дальнейшему совершенствованию структуры и системы, выбору оптимальной модели следственной и оперативно-розыскной деятельности, использованию рациональных форм и методов их воздействия на социальные процессы.

Актуальность. Расследование похищения человека, обычно характеризуется сложностью в получении доказательственной информации из различных источников. Ведь, во-первых, преступники оставляют не так много материальной доказательственной информации на месте происшествия, во-вторых, свидетелей и очевидцев совершения исследуемой категории уголовных правонарушений бывает достаточно мало. Поэтому на начальном этапе расследования важным моментом является взаимодействие следственных и оперативных подразделений. Ведь слаженное взаимодействие всех работников полиции, а также умение следователя организовать и провести соответствующие следственные (розыскные) действия позволяет тщательно собрать всю возможную информацию. Поэтому особенности взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании похищения человека, требуют обстоятельного освещения.

Анализ последних исследований и публикаций. Похожую проблематику в своих работах исследовали такие ученые и научные деятели, как Л.А. Щигорец, Н.П. Яблоков, В.В. Крылов, В.Я. Колдин, В.В. Топчий, А.Я. Дубинский, Ю.И. Шостак, Ю.С. Чичерин, Р.Р. Хусаинов, Н.В. Шувалов, Р.Р. Грень, Н.С. Тюрин, Ю.К. Якимович, Д.В. Ушатов и др.

Целью данной статьи является анализ особенностей взаимодействия следственных и оперативных подразделений при расследовании похищения человека.

Изложение основного материала исследования. Л.А. Щигорец определяет взаимодействие следователя с сотрудниками

оперативных подразделений при осуществлении уголовного производства как основанную на законе и общности задач в уголовном судопроизводстве согласованную коллективную деятельность, которая предусматривает эффективное использование правовых мер и сил следователей, обусловлена их компетенцией и формами деятельности и направлена на расследование и предупреждение преступлений [1, с. 454].

Некоторые авторы отмечают, что взаимодействие следователя и оперативного работника заключается в их согласованной деятельности по обеспечению успешного раскрытия и расследования преступлений, которое осуществляется каждой из сторон в рамках своей компетенции присущими ей средствами и методами. Хорошо налаженное и рациональное взаимодействие следователя с оперативным работником является одним из важных условий, которое обеспечивает успешное раскрытие и расследование преступлений. Известно, что следователи и оперативные подразделения имеют специфические, только им присущие средства и методы раскрытия преступлений, поэтому чрезвычайно важно, чтобы эти возможности были использованы не разрозненно, а в комплексе.

Н.П. Яблоков и В.В. Крылов утверждают, что взаимодействие следователей с оперативно-розыскными органами - это основанная на законе и согласованная по всем принципиальным условиям деятельность указанных лиц и органов, направленная на раскрытие преступлений и решение всех других задач их расследования и предупреждения [2, с. 363].

В свою очередь В.В. Топчий отмечает, что сущность взаимодействия следователя и оперативного работника по выявлению и раскрытию преступлений заключается в комплексе согласованных процессуальных и оперативно-розыскных действий, направленных на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений [3, с. 168].

А уже А.Я. Дубинский и Ю.И. Шостак рассматривают взаимодействие как основанную на законе согласованную с целью, местом и временем деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов, выражающееся в наиболее целесообразном сочетании присущих этим органам средств и методов и направлена при организующей роли следователя на предупреждение, пресечение, раскрытие и всестороннее, полное и

объективное расследование преступлений, отнесенных к компетенции следователя [4, с. 5-7].

Таким образом, большинство авторов включает в понятие взаимодействия следующие критерии:

– соответствие требованиям Закона и ведомственным нормативным актам;

– согласованность по времени, месту и некоторым другим условиям;

– осуществление совместной деятельности с целью предупреждения и расследования уголовных преступлений.

Таким образом, взаимодействие является элементом организации расследования, заключается в проведении под единым руководством уполномоченного лица (следователя) и по согласованию с соответствующими подразделениями следственных (розыскных) действий, других мероприятий для эффективного и быстрого решения определенных задач, возникающих в уголовном производстве.

Также важным вопросом в аспекте взаимодействия правоохранительных органов является розыскная работа. Она проводится следователем в процессе расследования и только процессуальными или организационно-техническими средствами. Поскольку розыскные мероприятия и следственные (розыскные) действия, проводимые с целью розыска, осуществляются в процессе расследования уголовного преступления они являются элементами этого процесса.

В свою очередь, Ю.С. Чичерин по поводу особенностей взаимодействия оперативных и следственных подразделений отмечает ряд положений. В частности, взаимодействие имеет организационные и уголовно-процессуальные аспекты, и если в отдельных случаях могут осуществляться согласованные действия во время участия оперативных работников в проведении отдельных следственных действий и это будет совместной деятельностью следователя и оперативного работника, то участие следователя в проведении оперативных мероприятий исключена. Но если такие оперативные мероприятия будут осуществляться в целях выполнения согласованных задач в сочетании с процессуальными действиями, то несмотря на отсутствие общности действий оперативного работника и следователя, вопросам взаимодействия имеется место. Поэтому во взаимодействии оперативных и

следственных подразделений следует акцентировать внимание не на общности, а на согласованности действий следственных и оперативных подразделений, если такими действиями выполняются общие или взаимовыгодные задачи. Однако при определенных обстоятельствах взаимодействие будет проявлено именно в совместных действиях и только в пределах полномочий, предоставленных следователю и оперативному работнику [5, с. 106].

Как отмечают ученые, субъектами розыскной работы во время проведения досудебного расследования является следователь и орган дознания в лице начальника органа дознания или лица, производящего дознание. Субъектами взаимодействия и координации в ходе розыскной работы также могут быть прокурор, эксперты, специалисты, представители общественности и средств массовой информации.

Важным вопросом является определение объектов розыскной работы. По нашему мнению, правильной считается позиция ученых, которые среди объектов розыскной работы выделяют: людей (подозреваемые, осужденные, потерпевшие, свидетели), трупы и их части, животных (как предмет преступного посягательства) и трупы, вещественные доказательства и другие предметы (документы, транспортные средства), имущество, на которое может быть наложен арест.

В общем, взаимодействие оперативных и следственных работников осуществляется в определенных рамках, которые продиктованы интересами конспирации и защиты средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Среди характерных закономерностей розыскной работы следователя, которые имеют важное криминалистическое значение, необходимо отметить следующие:

- отражение объектов в материальном мире, что позволяет их индивидуализировать и отождествлять;
- зависимость поведения разыскиваемых лиц от места и условий, где они находятся;
- обусловленность выбора и способа сокрытия разыскиваемых объектов от профессиональных способностей, психологических качеств, опыта лица;
- взаимосвязь между способами сокрытия разыскиваемых объектов и их применением [6, с. 25].

По нашему мнению, правильной считается позиция Н.В. Шувалова, который выделил следующие принципы взаимодействия:

- взаимная ответственность, активное применение современных методик, оптимальное использование имеющихся возможностей;

- соблюдение общих принципов оперативно-розыскного и уголовного производства;

- обеспечение неразглашения данных оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных (розыскных) действий;

- ответственность [7, с. 203].

Итак, исследуя организацию взаимодействия следственных и оперативных работников при расследовании похищения человека, необходимо учитывать факт двух ее управленческих уровней:

- уровень деятельности служб и подразделений;

- уровень расследования конкретного уголовного преступления.

Взаимодействие следователей и работников оперативных подразделений реализуется в определенных формах. Под формами взаимодействия следователя и работников дознания имеем в виду организационные приемы и методы, способы и порядок связей между ними, основанные на уголовно-процессуальном законе и ведомственных нормативных актах правоохранительных органов, а также передового опыта следственной практики, направленные на обеспечение согласованной их деятельности и правильное сочетание присущих каждому из этих органов методов и средств работы. В общем, среди основных форм взаимодействия отдельные авторы выделяют следующий перечень:

- согласованное планирование деятельности по выявлению и пресечению преступлений;

- совместное обсуждение вопросов о необходимости и момент возбуждения уголовного дела, определение направлений расследования;

- совместное определение тактики и методов проведения проверки имеющейся информации;

- совместное планирование по делу следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий;

– взаимное информирование и совместное обсуждение результатов следственных, поисковых и оперативно-розыскных мероприятий;

– согласованное использование сил и средств взаимодействующих подразделений при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий уголовно-процессуальной и иной деятельности;

– выполнение оперативным работником поручений следователя;

– содействие оперативного работника следователю при осуществлении последних следственных действий;

– совместная согласованная деятельность в составе следственно-оперативной группы.

На наш взгляд, среди основных форм взаимодействия следователя с сотрудниками оперативных подразделений целесообразно выделить две группы - организационные и процессуальные. Как уместно отмечает Р.Р. Грень, выбор форм взаимодействия определяется самими участниками учитывая конкретную обстановку. Они весьма разнообразны и зависят не только от конкретных условий, но и от специфики деятельности названных субъектов взаимодействия, их реальных возможностей, ряда субъективных факторов [8, с. 100].

В соответствии с УПК РФ к процессуальным формам взаимодействия можно отнести следующие [9]:

– оказание помощи следователю при проведении негласных следственных (розыскных) действий;

– поручения и указания следователя о проведении негласных следственных (розыскных) действий;

– фиксация и предоставление следователю (прокурору) результатов проведения негласных следственных (розыскных) действий.

Большое количество групповых похищений человека, как отмечает Д.В. Ушатов, осуществляется в условиях неочевидности или «условной очевидности», с обязательной предварительной подготовкой и сокрытием следов преступления, что существенно затрудняет раскрытие таких преступлений следственным путем. Поэтому в таких случаях создание следственно-оперативной группы является обязательным. При создании следственно-

оперативной группы необходимо учитывать психологические особенности ее участников [10, с. 16].

Одной из особенностей работы по делам о похищении человека является ограниченность возможностей получения процессуальным путем доказательственной информации. Поэтому по делам данной категории следует перенести акцент на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Н.С. Тюрин отмечает, что «если процессуальные формы можно назвать способами сотрудничества, то организационные формы будут характеризоваться как способы связи. Организационные формы связи существуют вне процессуальной деятельности следователя» [11, с. 67-68].

Важным элементом организационного взаимодействия является составление плана. На наш взгляд, согласованный план, на основе которого строится взаимодействие должен содержать:

- изложение следственных и розыскных версий;
- перечень обстоятельств, подлежащих установлению и выяснению - по каждой из выдвинутых версий;
- перечень необходимых мероприятий, с помощью которых должны быть установлены и исследованы все обстоятельства и порядок таких действий;
- перечень обстоятельств, подлежащих установлению оперативно розыскным путем (сами оперативно-розыскные мероприятия, пути установления этих обстоятельств в плане не указываются);
- сроки выполнения, в том числе промежуточные: обмен информацией, корректировки плана (при необходимости);
- исполнители по каждому пункту плана.

К наиболее распространенным формам взаимодействия работников различных подразделений полиции при расследовании похищения человека, следует отнести:

- обмен информацией - 93%;
- совместное планирование розыскных мероприятий – 76%;
- выполнение поручений следователя о проведении следственно-розыскных действий – 68%.

Обычно, расследование уголовных производств этой категории затруднено из-за отсутствия незаинтересованных в исходе дела свидетелей и осуществления со стороны подозреваемых активного противодействия (воздействия на

потерпевших и свидетелей, дачи заведомо ложных показаний и т.д.). Поэтому залогом успешного преодоления этих факторов является тесное взаимодействие процессуального руководителя со следователем, владение и умелое применение методики проведения отдельных следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий.

Выводы по данному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Констатируя приведенное выше, отметим, что взаимодействие при расследовании похищения человека является его важным аспектом. В целом, это - составляющая организации расследования, основанная на законе и общности задач в уголовном судопроизводстве, согласованная коллективная деятельность, которая предусматривает эффективное использование правовых мер и сил следователей, обусловленная их компетенцией и формами деятельности и направленная на расследование и предупреждение преступлений. Взаимодействие при расследовании похищения человека - это тесное сотрудничество всех участников процесса, их согласованные действия под единым руководством следователя.

Список использованных источников

1. Щигорец, Л. А. Некоторые аспекты взаимодействия следователя с оперативно-розыскными органами / Л. А. Щигорец. – Текст : электронный // Молодой ученый. – 2019. – № 49 (287). – URL: <https://moluch.ru/archive/287/64864/> (дата обращения: 10.11.2023). – Загл. с экрана.

2. Яблоков, Н. П. Криминалистика : учебное пособие / Н. П. Яблокова, В. Я. Колдина. – Москва : МГУ, 1990. – 463 с. – Текст : непосредственный.

3. Топчий, В. В. Взаимодействие и координация в деятельности органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений / В. В. Топчий // Научный вестник Ужгородского национального университета, серия «Право». - 2015. – Вып. 30 (том 2). – С. 165-169. – Текст : непосредственный.

4. Дубинский, А. Я. Организация и деятельность следственно-оперативной группы : учебное пособие / А. Я. Дубинский, Ю. И. Шостак. - Киев : Науч.-исслед. отд. Киев. высш. школы МВД СССР, 1981. – 49 с. – Текст : непосредственный.

5. Чичерин, Ю. С. Теоретические основы и проблемные вопросы взаимодействия следователей и сотрудников оперативных подразделений в раскрытии и расследовании преступлений / Ю. С. Чичерин // Вестник Волгоградской академии МВД России. - 2016. - № 1 (36). - С. 103-111. – Текст : непосредственный.

6. Хусаинов, Р. Р. Формы взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений / Р. Р. Хусаинов // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. - 2017. - Т. 5. - № 5. - С. 24-27. – Текст : непосредственный.

7. Шувалов, Н. В. О проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений / Н. В. Шувалов // Современные проблемы предварительного следствия в ОВД. Сборник статей Международной научно-практической конференции. - 2015. - С. 203-204. – Текст : непосредственный.

8. Грень, Р. Р. Взаимодействие оперативных подразделений правоохранительных органов Украины в противодействии преступлениям в сфере оборота наркотических средств / Р. Р. Грень // Научный вестник Ужгородского национального университета. Серия «Право». – 2016. – Вып. 38, т. 2. – С. 99-102. – Текст : непосредственный.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 11.11.2023). – Загл. с экрана. – Текст : электронный.

10. Ушатов, Д. В. Методика расследования похищения человека, совершенного преступными группами / Д. В. Ушатов. - Автореф.дисс....канд.юрид.наук: 12.00.09 - Волгоград. Акад. МВД России. – Волгоград. – 2014. – 25 с. – Текст : непосредственный.

11. Тюрин, Н. С. Формы оперативно-розыскной и следственной деятельности. Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 10: Проблемы уголовного процесса в свете нового Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / Н. С. Тюрин, Ю. К. Якимович. – Томск : Изд-во Томск. ун-та. – 2012. – С. 136-147. – Текст : непосредственный.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПРАВЛЕНИЯ И РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ ПРЕСТУПНИКОВ-НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

САЕНКО Б. Е.,
канд. юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой
гражданского и предпринимательского права;

БОГОСЛАВСКАЯ К. Э.,
магистрант группы ЮР-22м факультета
юриспруденции и социальных технологий,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

Научная статья посвящена изучению вопроса об исправлении и ресоциализации осуждённых несовершеннолетних. Несмотря на значительное количество научных публикаций, в данной работе была предпринята попытка исследовать и обобщить методы исправления несовершеннолетних пенитенциарных преступников. В ходе исследования было выявлено, что уголовно-исполнительной системе РФ необходимо взять на себя ведущий внешний опыт в регулировании данной проблемы, внедряя новые методы для успешной реализации основной коррекции целей и повторной ресоциализации осуждённых несовершеннолетних.

Ключевые слова: исправление и ресоциализация осуждённых несовершеннолетних, опыт зарубежных стран, преступность несовершеннолетних, адаптация

ACTUAL ISSUES OF CORRECTION AND RESOCIALIZATION OF PENITENTIARY CRIMINALS-UNIVERSAL

SAENKO B. E.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil and Business Law;

BOGOSLAVSKAYA K.E.,
undergraduate group YUR-22m of the faculty of
jurisprudence and social technologies,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

A scientific article is devoted to the study of the issue of the correction and resocialization of convicted minors. Despite a significant number of scientific publications, this work made an attempt to explore and generalize

methods of correction of juvenile penitentiary offenders. In the course of the study, it was revealed that the criminal executive system of the Russian Federation needs to take over the leading external experience in regulating this problem, introducing new methods to successfully implement the basic correction of goals and re-socialize convicted minors.

Keywords: correction and resocialization of convicted minors, experience of foreign countries, juvenile delinquency, adaptation

Постановка задачи. Основополагающая цель уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также большинства других ведущих стран мира – исправление осуждённых и предупреждение совершения ими новых преступлений. В период роста преступности (включая преступности несовершеннолетних) перед государством и его структурами важнейшими проблемами является профилактика преступлений, коррекция поведения преступников, их ресоциализация. В настоящее время исправление и ресоциализация осуждённых несовершеннолетних являются приоритетными вопросами, которые рассматриваются рядом отечественных и иностранных учёных.

К этой проблеме следует подходить тщательно, поскольку несовершеннолетние составляют особую категорию заключённых. Это связано с тем, что молодые люди являются будущим государства, и от того, как государство относится к молодёжи, зависит и его будущее.

Актуальность. Исторически сложилось, что преступность несовершеннолетних имеет статус одной из самых важных социальных и юридических проблем. Преступность несовершеннолетних имеет многолетнюю историю. Впервые данный вопрос был затронут Платоном и Аристотелем в древние времена. По словам знаменитого криминолога А.И. Домагова, несовершеннолетняя преступность – это своего рода «резерв» преступности на будущие десятилетия.

Нынешнее состояние преступности несовершеннолетних заслуживает особого внимания и требует поиска и использования новых форм, методов и средств для постепенного сокращения преступных проявлений в среде несовершеннолетних.

Исправление и ресоциализация несовершеннолетних осуждённых на нынешнем этапе является приоритетной задачей не только в РФ, но и в других ведущих странах мира. Различные пути приводят подростка к правонарушению и преступлению, различные

причины могут способствовать ситуации конфликта с законом. Независимо от тяжести совершённого преступления, он является личностью, которой необходима особая социальная, психологическая и педагогическая помощь и поддержка.

Анализ последних исследований и публикаций. Значительный вклад в развитие учения о преступности несовершеннолетних и работы с ними во время отбывания наказания в виде лишения свободы сделали такие отечественные и зарубежные учёные, как И. И. Артеменко, О. В. Вакуленко, А. А. Гребенкин, А. Ф. Зелинский, А. И. Кибыш, М. Ю. Кутепов, О. С. Можайкина, И. И. Пампура, В. В. Стадник и др.

Целью статьи является анализ мер и способов исправления и ресоциализации осуждённых несовершеннолетних, исследование иностранного опыта в исправлении и ресоциализации несовершеннолетних, внедрение новых методов и способов исправления и ресоциализации осуждённых несовершеннолетних.

Изложение основного материала исследования. Преступность несовершеннолетних во все времена существования Российской Федерации – актуальная проблема, которой уделяется значительное внимание. В криминологии преступность несовершеннолетних рассматривается как негативное явление, проявляющееся в совокупности преступлений, совершённых лицами в возрасте от 14 до 18 лет. Несовершеннолетние, отбывшие наказание и вернувшиеся из мест лишения свободы, попадают в сложную жизненную ситуацию, поскольку после длительной изоляции от общества им сложно адаптироваться к социальной среде, интегрироваться в социальные группы.

Слово «адаптация» в переводе с латинского означает «приспособление». Его широко применяют в разных науках для обозначения путей моральной, психологической и организационной подготовки к жизни на свободе. Социальная адаптация как составляющая ресоциализации включает в себя поддержание нарушенных социальных связей или восстановление их через систему мер, предусмотренных государством и применённых к лицам, совершившим преступление, с целью их коррекции, а также укрепление и установление социально полезных связей, нарушенных вследствие антисоциального противоправного поведения. А. Ф. Зелинский считает, что адаптация связана с процессом воспитания и ресоциализации

осуждённых, и использует понятие «моральное и юридическое исправление» [1, с. 84].

Что касается ресоциализации несовершеннолетних осуждённых, то под данным термином в основном понимают «длительный процесс, который имеет в своей основе сложный комплекс психолого-педагогических, экономических, медицинских, юридических и организационных мероприятий, направленных на формирование у каждого осуждённого способности и готовности к включению после отбывания наказания в обычные условия жизни общества» [2, с. 675].

В настоящее время важным направлением деятельности учреждений исполнения наказаний для несовершеннолетних является повышение качества и уровня социально-педагогической и коррекционно-воспитательной работы с осуждёнными. В условиях воспитательной колонии перевоспитание личности несовершеннолетнего, прежде всего, направлено на изменение стиля поведения, антиобщественных взглядов и убеждений, приведение их в соответствие с общепринятыми общественными нормами. Для достижения этой цели в учреждениях исполнения наказаний создаются определённые условия: осуждённые несовершеннолетние принимают участие в воспитательной, культурно-массовой работе, привлекаются к обучению и труду. Однако данные меры являются только внешними влияниями на личность осуждённого несовершеннолетнего. Без осознания такой личностью возможности своего исправления, возможности изменить свою жизнь к лучшему это влияние может приносить только минимальный результат. Не будут достигнуты надлежащие результаты, если сам осуждённый не желает преодолеть в себе антиобщественные намерения и сформировать качества, необходимые для честной жизни.

Важным аспектом ресоциализационного процесса осуждённых несовершеннолетних является то, что подросток попадает в места лишения свободы в возрасте от 14 до 18 лет, когда происходит процесс формирования личности человека. В этом возрасте ребёнок начинает усваивать те социальные задачи, которые ему придётся выполнять в самостоятельной, взрослой жизни, когда определяется его место в обществе, формируются жизненно необходимые принципы. Поэтому работникам органов и учреждений системы исполнения наказаний следует

сосредоточивать внимание, прежде всего, на воспитании всесторонней и гармоничной личности, обеспечении получения несовершеннолетними необходимого образования, помощи им в выборе жизненного пути и определении социальных приоритетов.

Необходимо отметить важность воспитания и самовоспитания в процессе ресоциализации осуждённых несовершеннолетних. «Воспитание» – это сложное понятие, включающее деятельность работников органов и учреждений исполнения наказания, на которых возложена обязанность содействовать исправлению несовершеннолетних и созданию условий для их будущей адаптации в обществе. Что касается «самовоспитания», то под этим термином в научной литературе понимается процесс интегрирования внешних воздействий, осуществляемых на несовершеннолетнего, принятие и осознание им этих влияний.

Чтобы несовершеннолетний в местах лишения свободы стал полноценной личностью, воспитательный процесс должен быть интеграцией нравственного, правового, трудового, физического, эстетического и этического воспитания. Должное место должно отводиться и перевоспитанию, при осуществлении которого необходимо исправлять предыдущий негативный жизненный опыт воспитанника путём направления его активности в социально значимую сферу деятельности. Наряду с воспитанием в колониях для несовершеннолетних важно сосредоточиваться и на восстановлении их семейных связей [3, с. 276].

Особенно сложно организовывать воспитание социально «запущенных» несовершеннолетних с искажёнными понятиями и повадками, с моральными пороками. Однако это не означает, что из таких ситуаций нет выхода. В данных случаях сотрудники образовательных колоний должны обладать знаниями сущности самообразования, метода поощрения осуждённого за его самообразование, способность выполнять целенаправленное педагогическое руководство этим процессом в их практической деятельности. Существуют такие практические методы поощрения осуждённых к самообразованию:

- индивидуальные и групповые разговоры;
- общение с теми, кто преуспел в самообучении;
- встречи с известными людьми (ветеранами войны, спортсменами, художниками и другими);
- оформление наглядной агитации, уголков самовоспитания.

Самообразование происходит успешно, если это компонент процесса перевоспитания, который превращается в единый процесс реструктуризации сознания, чувств и поведения преступника. Для того, чтобы процесс образования осуждённых несовершеннолетних был успешным, необходимо вызвать интерес к такому исправлению у подростка. Это может быть сделано путём проведения индивидуальных, коллективных разговоров, демонстрации наглядных материалов, содействия культу патриотизма, культуры уважения как к своей личности, так и к другим лицам [4, с. 47-48].

С целью усовершенствования системы исправления и ресоциализации осуждённых несовершеннолетних следует обратить внимание на имеющийся зарубежный опыт, относящийся к данному вопросу. В качестве примера можно рассмотреть Болгарию, в которой в местах лишения свободы срок пребывания несовершеннолетних за решёткой не превышает 160 дней. Учитывая столь короткие сроки пребывания осуждённых несовершеннолетних в местах изоляции от общества, предъявляются особые требования к процессу их воспитания и ресоциализации. Этот процесс должен быть крайне сжатым, носить интенсивный характер, быть эффективным.

В Болгарии существует проблема достаточно высокого уровня рецидивной преступности несовершеннолетних, поэтому ведущей целью и задачей персонала пенитенциарного учреждения, а также педагогов-наставников является необходимость предоставления несовершеннолетним осуждённым, по меньшей мере, основ профессиональной деятельности. Безусловно, наличие профессии могло бы стать первым шагом для трудоустройства и последующего образования. Однако для Болгарии в этом случае существует проблема: большинство несовершеннолетних осуждённых не имеют даже начального образования. Выход из такой ситуации нашли достаточно простой – организовали курсы ускоренного обучения для ликвидации неграмотности. Задача этих курсов – усвоить ту же программу, которая является основой для любой государственной начальной школы. Таким образом, болгарская пенитенциарная система реализует планы организации ресоциализирующей среды для несовершеннолетних осуждённых через создание условий для интенсивного обучения по программам общеобразовательной школы и начального профессионального образования [5, с. 138].

В Великобритании несовершеннолетние преступники находятся в учреждениях, где размещаются по 50-80 человек со значительным количеством персонала (три сотрудника для восьми несовершеннолетних). При размещении осуждённых несовершеннолетних учитывают также возраст: отдельно размещают мальчиков и девочек 12-14, 15-17 и 18-21 лет. Такое разделение позволяет качественно применять меры социального влияния и уменьшать риск насилия внутри учреждения. Также в Великобритании обязательно создаются условия для получения общего образования для несовершеннолетних преступников. В любом случае занятия длятся не менее 15 часов в неделю [6, с. 137]. Молодые англичане, находящиеся в местах лишения свободы, имеют возможность дистанционно учиться в колледжах, овладевать профессией. Выйдя на свободу, у бывших заключённых есть шанс найти приличную работу. Конечным результатом исправления осуждённого в Англии является его ресоциализация, что определяет основные направления реформ в стране.

Система пенитенциарных заведений для несовершеннолетних в Польше состоит из воспитательных учреждений (в структуре Министерства образования и воспитания) и исправительных учреждений (в структуре Министерства юстиции). В исправительных центрах ресоциализация является результатом деятельности всего персонала: работников, обеспечивающих охрану и порядок, психологов, педагогов, социальных терапевтов. К тому же центры регулярно посещают практикующие врачи. Уголовная ответственность несовершеннолетних начинается с 17 лет, а с 15 – только за особо тяжкие преступления. Такая позиция объясняет отсутствие в учреждениях осуждённых младше 17 лет. Лица от 13 до 17 лет могут находиться в «коррекционных домах», которые являются воспитательными колониями. Образование несовершеннолетних осуждённых организуется в следующих направлениях: сначала общеобразовательное, затем профессионально-техническое.

В тюрьмах Польши для подростков интенсивнее проводятся культурно-просветительские, спортивные и физкультурные занятия, организуются встречи с родителями и близкими родственниками с целью информирования последних о перевоспитании осуждённого. Широко ведётся сотрудничество с общественными организациями. Подростки имеют право на

дополнительное свидание раз в месяц [7, с. 189]. Таким образом, в Польше к вопросу исправления осуждённых несовершеннолетних относятся с определённым комплексом психологических, педагогических, образовательных, культурно-просветительских и спортивных мероприятий.

В Нидерландах вводятся специальные социальные программы, создающие условия для ресоциализационной работы с подростками. С 2000 года на территории страны действует программа альтернативных заключению мер наказания HALT («Het ALternatief») для совершивших первое и/или незначительное преступление в возрасте от 12 до 18 лет (подростку предписывается пройти 240 часов учебных занятий. Это тренинги и программы по ресоциализации или 200 часов общественных работ. Наиболее эффективным вариантом признан комбинированный (общественные работы плюс учебные занятия).

Действует также программа для подростков в возрасте до 12 лет, совершивших правонарушения – «STOP-response» с целью привлечения детей и их семей к решению таких проблем, как конфликты и давление со стороны сверстников; асоциальное поведение кого-либо из членов семьи, в том числе в отношении ребёнка; пробелы в нравственном воспитании ребёнка; сложности в оценке ситуации. При этом основным методом является оказание постоянной педагогической помощи родителям. Изучение отношений родителей, вовлечённых в программу, показало, что они высоко оценили вклад программы в улучшение отношений детей и родителей [8, с. 86].

В США существует около 993 государственных исправительных учреждения для несовершеннолетних правонарушителей, в которых находятся 45 000 осуждённых. Государственные учреждения разделены на федеральные и государственные исправительные учреждения. Соединённые Штаты также имеют частные исправительные учреждения, институты неправительственных и религиозных организаций (в них находятся 29 000 несовершеннолетних осуждённых).

В Соединённых Штатах осуществляется такая практика: ежегодно после окончания учебного года в исправительном учреждении для несовершеннолетних готовится характеристика, на основании которой Управление по условно-досрочному освобождению решает вопрос о дальнейшем пребывании

конкретного несовершеннолетнего в учреждении, его передаче в другое учреждение или освобождение. Особое место в ресоциализации несовершеннолетних в США занимают исправительные трудовые лагеря «US Boot Camps» («Военная обувь»). Эти лагеря построены на полувоенной модели и являются исправительными учреждениями для несовершеннолетних. Они используют «коррекцию шока» несовершеннолетних, которые отправляются туда на срок, определенный судебным заключением, или для профилактических целей на период от 90 до 180 дней. Необходимо обратить внимание на режим в данных лагерях: подростки после завтрака занимаются физическим трудом в течение 6-8 часов, после этого – строевой подготовкой и физическими упражнениями, а после ужина – обучаются или получают консультации или лечение от алкоголизма, токсикомании и наркомании [9, с. 174].

В Румынии для осуждённых несовершеннолетних существует три формы тюремного заключения: в закрытых, полузакрытых и открытых исправительных учреждениях. Наиболее распространёнными являются центры повторного образования, которые принадлежат к полузакрытым заведениям. Министерство образования Румынии и основное управление по исполнению наказаний приняли новую стратегию образования для школ в рамках исправительной системы. Стратегия была направлена на переориентацию центров перевоспитания из тюремного заключения в действительно образовательные учреждения. В них ученики могут получать профессиональное образование и приобретать профессиональные навыки, где с ними работают психологи, имеющие специальное образование. Таким образом, группа и индивидуальная ресоциализация несовершеннолетних, осуждённых в Румынии, направлены на повышение уровня социальной компетентности и её развитие, а также для укрепления уверенности подростков в себе.

Законодательством Румынии предусмотрено, что несовершеннолетние преступники в возрасте 14-18 лет несут ответственность за свои действия перед школой или предприятием только за совершение тяжких преступлений, в исключительных случаях дело слушается судом, который может отправить их в образовательную и трудовую школу на срок от 2 до 5 лет. Лица, достигшие 18-21 года, могут быть заключены в тюрьму [7, с. 193].

В соответствии с японским законодательством есть три типа тюремного заключения для несовершеннолетних: арест, тюремное заключение и каторга (тяжкий труд). Несовершеннолетние японцы в возрасте 14-16 лет подлежат юрисдикции семейных судов, которые могут направить их в специальные исправительные учреждения. Только в случае совершения особо тяжких преступлений данная категория людей отвечает по общим правилам наравне с совершеннолетними, в том числе подвергаются тюремному заключению. Заключение несовершеннолетние отбывают в специальных домах задержания или в специально назначенной тюрьме. Лица, достигшие совершеннолетия, находятся отдельно от несовершеннолетних. Без преувеличения можно сказать, что в своей антидевиантной политике Япония, в первую очередь, опирается на социальные институты, такие как школа, семья, группы сверстников.

Заметна ответственность государства как за качество школьного образования, так и за контроль над деятельностью школы, обеспечивающей образование молодого поколения, его интеграцию в современное японское общество, укрепление моральности и морали в молодёжной среде. Следует отметить, что система образования несовершеннолетних в Японии с незапамятных времён была построена на восточных национальных традициях, согласно которым наибольшей чести удостоены их родители, семьи, общины, коллектив, социальные интересы и польза страны (Император). Поэтому в Японии один из наиболее низких уровней преступности несовершеннолетних среди развитых стран мира [10, с. 378-379].

В Китае особое внимание уделяется культурной и массовой работе: несовершеннолетние участвуют в работе так называемых «кружков», эти заведения проводят обзоры художественной самодеятельности, также осуществляется микрорайонная реабилитация, которая работает в экспериментальном порядке в крупных городах и провинциях. Микрорайонная реабилитация заключается в том, что для наблюдения за освобождённым из мест лишения свободы лицом в микрорайоне назначается специальный государственный орган, который, с помощью заинтересованных общественных движений и организаций, социальных добровольцев, занимается исправлением психологии преступников и способствует ресоциализации данного лица [6, с. 172-174].

Кодекс уголовного правоприменения Германии закрепляет задачу системы штрафов, основой которой является ресоциализация заключённых. В Германии «ресоциализация» стала современной альтернативой концепции исправления и перевоспитания. В широком смысле, ресоциализация интерпретируется как комплекс социально-педагогических, психологических и образовательных мер влияния на личность преступника с целью возвращения его к нормальной жизни; в узком смысле – как компенсация за недостатки социализации, повторная попытка освоить социальный опыт.

В судебном решении может быть два сценария ресоциализации правонарушителя. Первый – консервативно-радикальный (ресоциализация в стационаре, тюрьма, колония), второй – либеральный (ресоциализация в условиях амбулатории, где несовершеннолетний получает условный срок и остаётся на свободе). Во втором случае происходит амбулаторное перевоспитание (исправление) несовершеннолетнего. Данная страна представила форму социализации в качестве обучения для несовершеннолетних, чтобы организовать их досуг, решать повседневные проблемы и вытеснять асоциальные навыки. Специализированный закон «Об исполнении наказаний для несовершеннолетних в Мекленбург-Переотрании», который вступил в силу 1 января 2008 года, регулирует вопросы ресоциализации как основной цели исполнения наказаний несовершеннолетних; закрепляет как основную задачу исполнения наказаний - воспитание несовершеннолетнего.

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок по данной тематике. Исправление и ресоциализация несовершеннолетних осуждённых на современном этапе является приоритетной задачей, которая стоит не только перед нашим государством, но и перед ведущими странами мира. Исходя из опыта некоторых зарубежных стран в вопросах исправления и ресоциализации осуждённых несовершеннолетних, можно утверждать, что уголовно-исполнительная система РФ способна заимствовать успешный опыт в регулировании данного вопроса, внедрять новые методы и способы для успешного достижения основной цели – исправления и ресоциализации несовершеннолетних осуждённых.

Список использованных источников

1. Зелинский, А. Ф. Рецидив преступлений / А. Ф. Зелинский. – Москва : Проспект, 2019. – 336 с. – Текст : непосредственный.
2. Кутепов, М. Ю. Некоторые проблемы ресоциализации несовершеннолетних осуждённых в РФ / М. Ю. Кутепов. – Текст : непосредственный // Молодой учёный. – 2020. – № 2. – С. 674-677.
3. Вакуленко, О. В. Социальная адаптация несовершеннолетних и молодёжи, возвращающихся из мест лишения свободы / О. В. Вакуленко. – Текст : непосредственный // Правовед. – 2021. – № 5. – С. 273-281.
4. Пампура, И. И. Организация процесса самовоспитания несовершеннолетних осуждённых в условиях лишения свободы / И. И. Пампура. Текст : непосредственный // Научный вестник Института уголовно-исполнительной службы. – 2020. – № 2. – С. 45-49.
5. Кибыш, А. И. Ресоциализация несовершеннолетних осуждённых и её особенности в странах Восточной Европы / А. И. Кибыш. – Текст : непосредственный // Правовед. – 2022. – № 3. – С. 134-142.
6. Стадник, В. В. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении несовершеннолетних / В. В. Стадник. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 262 с. – Текст : непосредственный.
7. Черныш, М. А. Ресоциализация осуждённых несовершеннолетних : опыт зарубежных стран / М. А. Черныш. – Текст : непосредственный // Правовая система : теория и практика. – 2020. – № 3. – С. 187-195.
8. Гребенкин, А. А. Ресоциализация несовершеннолетних правонарушителей в Германии : парадигма справедливости и воспитания / А. А. Гребенкин, Э. В. Гребенкин. – Текст : непосредственный // Вестник Новосибирского государственного педагогического института. – 2019. – № 3(31). – С. 82-88.
9. Можайкина, О. С. Профилактика противоправного поведения несовершеннолетних : анализ опыта США и Великобритании / О. С. Можайкина. – Текст : непосредственный // Научный журнал НПУ имени М. П. Драгоманова «Экономика и право». – 2021. – № 16. – С. 170-177.
10. Артеменко, И. И. Ювенальная юстиция в стране восходящего солнца / И. И. Артеменко. – Текст : непосредственный // Сравнительно-аналитическое право. – 2021. – № 4. – С. 376-381.

**СПЕЦИФИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА,
НАРУШАЮЩЕГО ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОСТИ
ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ ИЛИ ЭКСПЛУАТАЦИИ
ТРАНСПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

САСОВ А. В.,
канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
административного права;

БОГОСЛАВСКАЯ К. Э.,
магистрант группы ЮР-22м факультета
юриспруденции и социальных технологий,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация

В данной статье дана криминологическая характеристика личности, которая нарушает правила безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта в РФ. Определено, что исследование личности, нарушающей правила безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта, позволит определить меры предотвращения таких преступлений. Раскрыт криминологический портрет лица, нарушающего правила безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта. Доказана закономерность стажа управления транспортным средством и самоуверенностью водителя при совершении нарушения правил дорожного движения.

Ключевые слова: нарушение правил дорожного движения; водитель; правила эксплуатации транспорта; состояние опьянения; судимость

**SPECIFICITY OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL WHO
VIOLATES ROAD SAFETY OR OPERATION OF TRANSPORT
RULES IN THE RUSSIAN FEDERATION**

SASOV A. V.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;

BOGOSLAVSKAYA K.E.,
undergraduate group YUR-22m of the faculty of
jurisprudence and social technologies
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation

This scientific work provides a criminological characteristics of a person who violates the rules of road safety or operation of transport in the Russian

Federation. It has been determined that the study of a person who violates the rules of road safety or operation of transport will make it possible to determine measures to prevent such offenses. A criminological portrait of a person violating road safety or vehicle operation rules has been revealed. The relationship between driving experience and the driver's self-confidence when committing a traffic violation has been proven.

Keywords: violation of traffic rules; driver; rules of transport operation; Drunk; criminal record

Постановка задачи. Проведённый анализ статистики аварийности в РФ за последние пять лет показал, что подавляющее большинство нарушений правил безопасности дорожного движения (далее – ПДД) или эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами, происходит по вине небрежных, безответственных, недисциплинированных водителей. По-видимому, это связано с тем, что именно они являются главными участниками дорожного движения, а потому именно по их вине нарушаются правила дорожного движения (далее – ПДД).

Актуальность. Безопасность движения транспорта на дорогах РФ зависит, прежде всего, от того, кто находится за рулём транспортного средства. Важно также подчеркнуть состояние водителя во время совершения правонарушения, его стаж, возраст, пол и т. д. Данные исследований нарушений ПДД или эксплуатации транспорта как в РФ, так и за её пределами показывают, что каждый водитель-нарушитель имеет свой стиль и черты совершения ДТП. Анализ сходства этих черт лица, управляющего транспортным средством и совершающего ПДД или эксплуатации транспорта, можно определить по криминологической типологии личности.

Исследование таких нарушителей, придание им криминологической характеристики позволит установить тенденции распространения, закономерности совершения правонарушения, что позволит в дальнейшем предложить меры предотвращения нарушений ПДД или эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами.

Анализ последних исследований и публикаций. Определению специфики преступников, наиболее часто нарушающих правила безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта, посвящены исследования таких ученых: Ю. В. Александрова, Ю. М. Антоняна, И. Г. Богатырева, О. М. Джужа, И. В. Есипчука, Ю. Ф. Иванова, В. П. Коняева, А. М. Костенко, В. А. Охотника,

И. Ю. Складенко и др. В данных трудах исследована характеристика и статистика совершения рассматриваемых преступлений, однако не сделан вывод о возможности применения полученных данных для разработки и внедрения мер предотвращения таких преступлений.

Цель статьи – предоставление криминологической характеристики лица, совершающего нарушения ПДД или эксплуатации транспорта в Российской Федерации и разработка мер предотвращения таких преступлений.

Изложение основного материала исследования. Отечественный криминолог И. Г. Богатырев отмечает, что личность преступника всегда была одной из центральных проблем всех наук уголовно-правового цикла и в основном криминологии. Поэтому под термином «преступника» учёный понимает индивидуума, который склонен к совершению преступления при определённых обстоятельствах, однако имеет низкий уровень контроля собственного поведения [1, с. 76].

Под личностью преступника академик А. П. Закалюк предлагает понимать совокупность социально-типичных признаков, которые сформировались в процессе её неблагоприятного социального развития и которые отличаются своей общественной неприемлемостью и крайней формой последней – общественной опасностью, обуславливают криминологическую мотивацию и криминологическую активность личности, непосредственно влекут за собой совершение преступления [1, с. 239].

Другой отечественный академик А. М. Костенко полагает, что человек является «трёхмерным» существом и состоит из прослойки: физическая вещь; «биологическое существо»; «социальная личность». Именно на последнем слое определяется преступное поведение личности, её социальная патология, поскольку именно она является проявлением комплекса произвола и иллюзий [2, с. 89].

Разделяя позиции всех отечественных криминалистов в отношении личности преступника, его необходимо рассматривать как участника дорожного движения или субъекта эксплуатации транспорта. Это связано, прежде всего, с тем, что вред от нарушений ПДД или эксплуатации транспорта (тяжесть нанесённых телесных повреждений, количество погибших и материальный ущерб) значителен и, несмотря на их неосторожность, может превышать ущерб умышленных преступлений против жизни и здоровья. Кроме того, нарушения водителем транспортного средства ПДД или

эксплуатации транспорта, несмотря на то, что совершены по неосторожности, противоречат интересам общества.

К социально-психологическим причинам нарушения ПБДД или эксплуатации транспорта учёные относят неосторожность при движении проезжей частью и безответственное отношение к действующим в обществе правилам поведения. В связи с этим лицо, совершающее уголовное преступление по неосторожности, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, имеет значительно меньшую степень общественного вреда, чем субъект умышленных преступлений. Таким образом, лицу, совершающему нарушение ПБДД или эксплуатации транспорта, присуща система признаков и свойств, определяющих его как человека, совершившего уголовное правонарушение, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ.

Отечественные криминологи выделяют следующие основные признаки личности преступника: 1) социально-демографические; 2) уголовно-правовые; 3) социальные роли и статусы; 4) черты правового и нравственного сознания; 5) социально-психологические характеристики [3, с. 86-87]. Необходимо согласиться с данным подходом отечественных учёных и подчеркнуть, что стоит отнести и к субъектам уголовного преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, но при определённых условиях и со своими особенностями.

В процессе данного исследования личности данных особ за основу были взяты следующие признаки:

– социально-демографические: пол, возраст, семейное положение, место жительства, наличие или отсутствие образования и работы, наличие стажа и категорий управления транспортными средствами;

– физические и психологические условия: пребывание в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения, наличие или отсутствие физических или психических пороков, пребывание на учёте в специализированных лечебных учреждениях, диспансерах и т. п.;

– уголовно-правовые условия: наличие или отсутствие судимостей, административных взысканий и т. д. [4, с. 59].

Благодаря исследованиям криминологов, социально-демографическая характеристика водителей, совершивших нарушение ПБДД или эксплуатации транспорта, установлено, что более 90% данных уголовных преступлений совершают мужчины. Это объясняется большим пристрастием мужчин к технике, риску,

к чрезвычайным и опасным ситуациям, соответствующим разделением труда между мужчинами и женщинами, а также меньшей степенью чувства ответственности за последствия состояния опьянения при управлении транспортным средством. Однако, если ранее преобладал удельный вес мужчин при совершении данных преступлений, то ныне растёт численность женщин-водителей за счёт увеличения количества автомобилей, находящихся в частной собственности [5, с. 184].

При этом все равно доля женщин-водителей не превышает 5,3%, и по их вине случается в 20 раз меньше ДТП, чем по вине мужчин. Так, за 11 месяцев 2022 г. среди 3419 лиц, совершивших уголовное преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, женщин было всего 217 [6, с. 317].

Следует отметить, что, как правило, тяжкие последствия от совершения таких преступлений женщинами значительно меньше. Подавляющее большинство исследований за последние десять лет свидетельствуют, что смертность от дорожно-транспортных происшествий по вине женщин в 10 раз меньше, чем по вине мужчин. Предполагается, что женщины более дисциплинированы, осторожнее управляют транспортными средствами, редко управляют в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения; объясняется это также разницей в реакции женщин и мужчин на подобные чрезвычайные ситуации.

Анализ возрастных характеристик наиболее часто совершаемых нарушений ПДД или эксплуатации транспорта показал, что чаще всего совершаются водителями в возрасте 29-39 лет (29%), 18-28 и 40-54 лет (24%). Как отмечает большинство специалистов, далее с возрастом наблюдается резкое уменьшение совершения водителями автотранспорта данных преступлений, что связано с приобретением достаточной квалификации для управления транспортным средством и более ответственным отношением к выполнению своих обязанностей.

Стоит отметить, что за 2022 г. нарушения ПДД или эксплуатации транспорта совершили 3419 человек; по возрасту на время совершения указанного уголовного преступления они распределились следующим образом: от 14-15 лет – 5; от 16-17 лет – 26; от 18-28 лет – 820; от 29-39 лет – 985; от 40-54 лет – 821; от 55-59 лет – 203; 60 лет и старше – 315 [6, с. 319]. Важное значение для социально-демографической характеристики данных преступников

имеет их семейное положение, уровень образования и наличие работы. Это оказывает существенное влияние на мировоззрение человека, его интеллектуальный уровень, поведение. Значительные криминологические исследования свидетельствуют, что недостатки в общей образовательной подготовке лиц, нарушивших закон, являются одним из криминогенных факторов в генезисе их преступного поведения.

Так, за 2022 г. по образовательному уровню на время совершения анализируемых уголовных преступлений преступники имели: полное высшее и базовое высшее образование – 934; профессионально-техническое – 868; полное общее среднее и базовое среднее образование – 1354; начальное общее и без образования – 19 [7, с. 154]. Таким образом, подавляющее большинство нарушителей правил безопасности движения или эксплуатации транспорта (65,5%) не имели высшего образования.

Анализ материалов судебной практики показывает, что нередко для оправдания нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспорта водители ссылаются на создание аварийной обстановки другими участниками дорожного движения. Такие заявления требуют обязательной проверки, выяснения, действительно ли обстановка, на которую ссылается водитель, была аварийной (даже когда речь идёт о мнимой ситуации) [7, с. 162-163].

Подавляющее большинство водителей, совершающих нарушение ПДД или эксплуатации транспорта, имеют стаж вождения более пяти лет. Такое множество опытных водителей в массиве осуждённых за автотранспортные преступления объясняется тем, что они иногда слишком переоценивают свой опыт управления транспортными средствами и невнимательно или пренебрежительно относятся к дорожным условиям и ПДД. При выяснении вопросов личности водителя устанавливаются его профессиональная подготовка, состояние здоровья, продолжительность и характер работы непосредственно перед дорожным происшествием. Связь трудового стажа с общей характеристикой неосторожного преступника характеризуется косвенно. У лиц с длительным трудовым стажем достаточно устойчивые социально-полезные связи с обществом. Данное лицо в социально-нравственном отношении более устойчиво, чем лицо, имеющее незначительный трудовой стаж или не имеющее такового [8, с. 73-76].

Между тем следует отметить, что за 2022 г. занятость преступников на время совершения нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспорта совершили: учащиеся и студенты учебных заведений – 81; военнослужащие – 30; трудоспособных, не работающих и не обучающихся – 1208; безработных – 290. Таким образом, среди лиц-преступников не трудоустроенных лиц – 46,1% [6, с. 319].

Одним из главных морально-психологических признаков нарушения правил безопасности движения или эксплуатации транспорта является состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения участников дорожного движения. При этом около 7% участников дорожного преступления исчезают с места его совершения.

Как известно, алкогольные напитки, наркотические и другие психотропные вещества снижают, а чаще снимают возможность адекватной реакции на экстремальную ситуацию, активизируют у человека привычные, шаблонные методы реагирования или наоборот – замедляют реакцию. Поэтому пребывание в состоянии опьянения при управлении транспортными средствами способствует высокой аварийности во время дорожного движения.

Важно отметить, что психологические качества могут существовать на характерологическом уровне в скрытом состоянии. В обычном состоянии они могут быть выражены слабо или не проявляться совсем даже при продолжительном наблюдении. Однако в определённых ситуациях и при определённых психических травмах, как отмечает зарубежный учёный Ю. М. Антонян, скрытые черты могут обнажиться ярко, порой совершенно неожиданно для окружающих [7, с. 490].

Характер нарушений правил безопасности движения или эксплуатации транспорта, допущенных водителями, употребляющими алкогольные напитки, наркотические и другие психотропные вещества, заметно отличается от тех же нарушений, совершённых трезвыми людьми. Они более злобны, что признаётся более общественно опасным. Как объясняет учёный В. П. Коняев, употребление спиртных и других одурманивающих средств стимулирует такие состояния при нарушении правил безопасности дорожного движения, как общая психическая дезориентированность, разного рода двигательные расстройства, что приводит к событиям с тяжёлыми последствиями [8, с. 49].

Обращает на себя внимание и то, что количество ДТП, совершённых лицами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения, увеличилось на 22,4% (за 2022 г. было совершено 1214 таких ДТП [7, с. 169]). В то же время за 2022 г. совершено 458 преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ, в состоянии алкогольного опьянения, 25 – в состоянии наркотического и иного опьянения [6, с. 320], что составляет 13% и 0,7% в соответствии со всем количеством исследуемых преступлений.

Результаты проведенного исследования показывают, что ДТП совершают представители разных социальных групп и всех возрастов. Причём чем больше опыт управления транспортным средством, тем увереннее водитель осознанно совершает преступление и тем более он уверен в благополучном и безнаказанном нарушении ПДД и эксплуатации транспорта.

Так, 119 опрошенных водителей имели стаж вождения 5 и более лет (45%). Именно этот срок, по мнению учёных, признан в психологии и педагогике необходимым для формирования необходимых навыков, свидетельствующих о формировании профессионального мастерства, адаптации к внешним условиям деятельности [7, с. 171]. Кроме того, 114 человек (95,8%) сообщили, что нарушали ПДД и эксплуатацию транспорта, из которых 75 респондентов (65,8%) имели такой опыт в текущем году.

В то же время стаж вождения, превышающий 10 лет, имели 90 респондентов (36,3% от опрошенных), из них опыт нарушения ПДД и эксплуатации транспорта имеют 84 (93,3%), в частности, в текущем году – 52 человека (57,8%). Таким образом, с увеличением стажа управления транспортным средством уровень противоправности поведения водителя уменьшается очень незначительно (на 5 лет в среднем до 8%, хотя эта тенденция может быть разной в зависимости от субъекта РФ). Иными словами, подавляющее большинство водителей (92%) с увеличением стажа управления транспортным средством сохраняют свое противоправное поведение.

Что касается уголовно-правовых признаков у лиц, виновных в совершении ст. 264 УК РФ, то в основном это лица, ранее не совершавшие указанные преступления (97,1%). За 2022 г. к уголовной ответственности за нарушение правил безопасности дорожного движения или эксплуатации транспорта было привлечено 100 человек, ранее уже совершивших такое преступление, в том числе из них у 44 человек судимость не снята и не погашена [6, с. 320].

В то же время, по выборочным данным среди осуждённых по ст. 264 УК РФ, к административной ответственности привлекалось 22,7% водителей. В основном это нарушение водителями транспортных средств установленных ограничений скорости движения, проезд на запрещающий сигнал регулирования дорожного движения и управление транспортными средствами в состоянии алкогольного, наркотического или иного опьянения и другие нарушения правил дорожного движения.

По данным исследования среди водителей, совершивших нарушение ПДД или эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами, распространено мнение об обычности и распространённости практики нарушения ПДД, и лишь несчастный случай определяет результат для участников ДТП.

Подтверждением низкого, а часто искажённого правосознания лица, совершившего исследуемое преступление, является распространённые факты игнорирования во время движения виновными водителями и пострадавшими пассажирами ремней безопасности, допустимость для себя превышать скорость движения, нарушение правил маневрирования и рядности на проезжей части или выезде. Крайними проявлениями дефективного ущербного правосознания являются, например, оставление пострадавших без помощи. По данным Ю. В. Александрова, А. П. Геля и Г. С. Семакова, исчезает с места совершения ДТП, независимо от наличия вины, каждый десятый водитель [10, с. 284].

О низком правосознании исследуемых преступников также свидетельствует управление транспортным средством при отсутствии навыков управления транспортным средством и водительского удостоверения, если последний был лишён в качестве наказания за предыдущие нарушения ПДД. В то же время субъектом преступления, предусмотренного ст. 264 УК РФ, признают также лицо, управляющее транспортным средством, независимо от того, имеет ли оно на это право.

Выводы по выполненному исследованию и направление дальнейших разработок по данной тематике. Таким образом, социально-правовая характеристика лица, совершившего нарушение ПДД или эксплуатации транспорта, состав его семьи, состояние здоровья, профессия, определённые обстоятельства совершения преступного деяния имеют уголовно-правовое

значение не только для квалификации преступления, предусмотренного ст. 261 и ст. 264.1 УК РФ, а и для разработки мер предотвращения нарушений ПДД или эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами, поскольку динамика дорожно-транспортных происшествий зависит от участников дорожного движения, прежде всего, от водителей транспортных средств.

Список использованных источников

1. Богатырев, И. Г. Криминология / И. Г. Богатырев. – Москва : Проспект, 2019. – 352 с. – Текст : непосредственный.

2. Костенко, А. М. Культура и закон – в противодействии злу / А. М. Костенко. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 352 с. – Текст : непосредственный.

3. Иванов, Ю. Ф. Криминология : учебное пособие / Ю. Ф. Иванов, О. М. Джужа. – Москва : Издательство «Палив-вода А. В.», 2022. – 264 с. – Текст : непосредственный.

4. Полтава, К. А. Криминологическая характеристика и предотвращение автотранспортных преступлений, связанных с гибелью людей или с тяжкими телесными повреждениями / К. А. Полтава. – Москва, 2021. – 203 с. – Текст : непосредственный.

5. Есипчук, И. В. Социально-правовая характеристика субъекта преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ. Актуальные проблемы отечественной юриспруденции / И. В. Есипчук // Спецвыпуск. – 2019. – № 2. – С. 183-185. – Текст : непосредственный.

6. Охотник, В. А. Субъективный фактор в преступлениях против безопасности дорожного движения / В. А. Охотник // Научный вестник Юридической академии Министерства внутренних дел. – 2022. – № 2(21). – С. 316-320. – Текст : непосредственный.

7. Антонян, Ю. М. Криминология / Ю. М. Антонян. – Москва : Юрайт, 2022. – 523 с. – Текст : непосредственный.

8. Коняев, В. П. Состояние опьянения. Транспортные преступления. Уголовная ответственность / В. П. Коняев. – Москва : Проспект, 2019. – 120 с. – Текст : непосредственный.

9. Склярченко, И. Ю. Психологические особенности обеспечения безопасности дорожного движения / И. Ю. Склярченко // Вестник национального университета имени Владимира Даля. – 2018. – № 1. – С. 119-123. – Текст : непосредственный.

10. Александров, Ю. В. Криминология / Ю. В. Александров, А. П. Гель, Г. С. Семаков. – Москва : Юрайт, 2020. – 295 с. – Текст : непосредственный.

УДК 004.056:341.9.019

DOI 10.5281/zenodo.10686431

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ПРЕВЕНЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

САСОВ А.В.,

**канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры
административного права;**

МИТЬКО Д.В.,

**магистрант кафедры гражданского и
предпринимательского права,
ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС»,
Донецк, Донецкая Народная Республика,
Российская Федерация**

Статья посвящена исследованию международного опыта превенции посягательств на государственные информационные ресурсы. В работе проанализированы международно-правовые и национальные акты отдельных стран, регулирующие процесс превенции указанных явлений.

Ключевые слова: посягательства на ГИР, превенция, международный опыт, международное сотрудничество

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN PREVENTING ENCROACHMENTS ON STATE INFORMATION RESOURCES

SASOV A.V.,

**Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of
Administrative Law;**

MITKO D.V.,

**master's student, Department of Civil
and Business Law,
FSBEI HE «DONAMPA»,
Donetsk, Donetsk People's Republic,
Russian Federation**

The article is devoted to the study of international experience in the prevention of encroachments on state information resources. The paper analyzes

the international legal and national acts of individual countries regulating the process of prevention of these phenomena.

Keywords: encroachments on GIR, prevention, international experience, international cooperation

Постановка задачи. Численность посягательств на государственные информационные ресурсы (далее – ГИР) неуклонно растет. Причем указанная проблема касается не только России, но и зарубежных государств [1]. Одной из причин уязвимостей является использование нелегального программного обеспечения в системах, обрабатывающих ГИР, а также использование несанкционированных приложений или другого программного обеспечения. Кроме того, Россия находится в уникальной киберсреде и нарабатывает собственный опыт противодействия гибридной войне. И хотя за прошедшие несколько лет кибератаки, направленные на ГИР и другие ресурсы, вызвали ряд негативных последствий экономического характера, система противодействия киберугрозам динамично развивается. Для продолжения процессов внедрения платформ по обмену информацией особое внимание следует обратить на вопросы международного опыта по противодействию противоправным посягательствам на ГИР.

Актуальность. Политика цифровизации, которая активно проводится Россией в последнее время, предполагает широкое применение информационных технологий во многих сферах жизнедеятельности общества, и в том числе в государственном управлении. Различные ГИР (например, сервис «Госуслуги») неминуемо хранят на своих серверах большой объем данных о своих пользователях. Это, свою очередь, порождает серьезную проблему – проблему информационной безопасности этих данных. Анализ международного опыта позволит выстроить более эффективную систему превенции посягательств на такого рода ресурсы в России.

Анализ последних исследований и публикаций. Изучению вопросов международного опыта по противодействию посягательствам на ГИР посвящены труды А. Н. Ильяшенко, А. С. Горлова, И. Р. Бегишева, Н. А. Рябиновой и ряда других ученых. Однако нередко данная тема исследовалась в трудах лишь частично, что требует новых научных исследований.

Цель статьи – исследовать международный опыт превенции противоправных посягательств на государственные информационные ресурсы.

Изложение основного материала исследования. В современном мире государства все чаще используют «Интернет» для хранения, обработки и использования данных. В целом ГИР – это «имеющиеся в распоряжении государственных органов сведения и документы, обособленные посредством включения в государственные информационные системы, государственные базы данных или иным способом и используемые в целях исполнения государственным органом возложенных на него полномочий» [2, с.298].

Эффективное выявление и пресечение противоправных посягательств на ГИР невозможно в полной мере без международного сотрудничества. Такого рода взаимодействие основывается на определенных документах – международных договорах о взаимной правовой помощи, взаимном признании иностранных судебных решений и т. п.

Среди универсальных международно-правовых документов по кибербезопасности можно выделить:

1. Конвенцию Совета Европы о киберпреступности (2001г.);
2. Справочник ООН по предотвращению и контролю преступности, связанной с компьютерами (1995г.);
3. Десять принципов борьбы с высокотехнологичными преступлениями, принятые на встрече министров внутренних дел и министров юстиции Большой Восьмерки (1997г.);
4. Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (2000г.) и ряд других.

Необходимо ответить, что одним из первых международных документов в борьбе с киберпреступностью является «Минимальный список», принятый Европейским комитетом по проблемам преступности Совета Европы в 1990 году. Данный документ предусматривал следующие преступления в сфере информационной безопасности: компьютерное мошенничество, компьютерный подлог, повреждение компьютерной информации или программ, компьютерный саботаж, несанкционированный доступ к компьютерным системам, несанкционированный перехват информации, несанкционированное копирование защищенных компьютерных программ, незаконное изготовление

топографических копий. Впоследствии эта классификация преступных посягательств была скорректирована вышеупомянутой Конвенцией Совета Европы о киберпреступности.

Для повышения эффективности координации деятельности правоохранительных органов различных мира существует единый кодификатор международной уголовной полиции Генерального Секретариата Интерпола, который с 1991 года интегрирован в автоматизированную систему поиска, и на данный момент используется подразделениями национальных центральных бюро Интерпола большинства стран мира [3].

В рамках ЕС нормативно-правовыми актами, принятыми для противодействия противоправным посягательствам на ГИР и другие ресурсы, являются:

1. Директива ЕС по противодействию кибератакам на информационные системы (2013г.);
2. Директива Еврокомиссии по борьбе с мошенничеством и другими финансовыми преступлениями в сети Интернет (2017г.) и ряд других.

В целом в ЕС уделяется значительное внимание проблематике раннего выявления и оперативного реагирования на кибератаки против ГИР. Так, Стратегия кибербезопасности Европейского Союза в понятие «киберзащита» включает выявление и блокирование кибератак, локализацию их последствий независимо от происхождения в отношении гражданских объектов всех форм собственности, а также установление и расследование киберпреступлений [4].

Также стоит упомянуть о Европейском агентстве сетевой и информационной безопасности (European Network and Information Security Agency, ENISA), которое обеспечивает выполнение функции выявления и блокирования кибератак, а также локализации их последствий независимо от происхождения в отношении гражданских объектов всех форм собственности. CERT-EU (Computer Emergency Response Team) – это структура, которая выявляет кибератаки с помощью специализированной технологической системы датчиков, установленных на абонентских линиях доступа к серверам. В случае осуществления кибератаки срабатывает датчик, о чем оперативно оповещается CERT-EU. Если CERT-EU обнаруживает кибератаки с признаками преступных действий, то соответствующая информация передается в

Европейский центр по расследованию киберпреступлений (European Cybercrime Centre, ЕСС), который, в свою очередь, может проинформировать о них Европейское агентство обороны (European Defence Agency) для организации киберопераций или Европейскую службу внешних дел (European External Action Sendee) [5].

Понимание важности разработки и принятия международно-правовых актов, направленных на борьбу с компьютерными преступлениями, было воспринято рядом международных организаций начиная с девяностых лет XX столетия. ООН, учитывая роль и значение информации, развитие информационно-коммуникационных технологий, создание мировых баз данных, глобальных информационных сетей и систем и их защиты, взяла на себя координирующую роль в разработке как концептуальных, так и правовых основ регулирования ключевых вопросов, среди которых, в том числе, и борьба с преступным использованием информационных технологий.

Так, Резолюцией Генеральной Ассамблеи A/RES/58/199 подчеркнута потребность охраны информативных инфраструктур. В Резолюции выделяются следующие элементы их защиты:

1) наличие сетей для срочного предупреждения о факторах уязвимости, угрозах и инцидентах в кибернетическом пространстве;

2) анализ инфраструктур и выявление факторов, обуславливающих их взаимозависимость, для усиления их защиты;

3) содействие отслеживанию попыток взлома защиты важнейших информационных инфраструктур и, в надлежащих случаях, предоставление информации о результатах такого отслеживания другим государствам;

4) создание и обеспечение функционирования систем коммуникации в кризисной ситуации и проверка их функционирования для обеспечения их надежной и стабильной работы в чрезвычайных ситуациях;

5) организация профессиональной подготовки и проведение тренировок для укрепления потенциала реагирования и апробирования планов обеспечения непрерывной работы;

6) наличие адекватных материальных и процессуальных законов и квалифицированного персонала для того, чтобы

государства могли расследовать попытки нарушения защиты важнейших информационных инфраструктур и привлекать к ответственности причастных к этим попыткам лиц

7) содействие национальным и международным научным исследованиям и опытно-конструкторским разработкам и поощрение применения технологий обеспечения защиты, отвечающих международным стандартам и т. п. [6].

В свою очередь в США еще в 2007 году начата реализация программы Доверительных интернет-соединений (TIC, Trusted Internet Connections), в рамках которой планировалось обеспечить киберзащиту более 5 тыс. информационных систем органов и подразделений федеральной власти США [7].

В США система противодействия противоправным посягательствам на ГЭИР и другие критические информационные ресурсы имеет более разветвленный характер. Одним из основных субъектов такой системы является Национальный центр кибербезопасности и интеграции связи (NCCIC, National Cybersecurity and Communication Integration Center), в состав которого входят группа экстренного реагирования на компьютерные события в США (US-CERT, U.S. Computer Emergency Response Team), группа экстренного реагирования на чрезвычайные события в системах управления промышленностью (ICS-CERT, Industrial Control Systems Cyber Emergency Response Team) и Национальный координационный центр связи (NCC, National Coordinating Center for Communications).

US-CERT выявляет кибератаки на объектах федеральных органов власти США, предупреждает о них администраторов безопасности информационных систем и координирует деятельность по восстановлению федеральных информационных систем после кибератак или киберинцидентов.

ICS-CERT предупреждает и выявляет кибератаки на информационные системы объектов критической инфраструктуры в промышленности США [8]. В ноябре 2018 года указом президента США NCCIC передано в подчинение нового агентства по кибербезопасности и безопасности инфраструктуры министерства внутренней безопасности США [9].

Сравнение международного опыта противодействия противоправным посягательствам на ГИР свидетельствует о ряде

проблемных вопросов, требующих как нормативного, так и организационного решения. Так, например, в последнее время существует тенденция по сотрудничеству со странами-участниками Конвенции о киберпреступности, поскольку отсутствуют механизмы практической имплементации положений Конвенции в украинском законодательстве, прежде всего в отношении несоответствия системы сбора электронных доказательств, и в целом соотношение понятия «электронное доказательство» в разных странах.

Особое внимание превенции посягательств на ГИР уделяется и на постсоветском пространстве. Так, значительное внимание уделяется вопросам безопасности объектов критической инфраструктуры в Республике Беларусь, основные положения которой изложены в Указе Президента РБ от 16.04.2013 года № 196 «О некоторых мерах по совершенствованию защиты информации» [10].

Выводы по выполненному исследованию и направления дальнейших разработок в данном направлении. Таким образом, в современном мире существует и реализуется разветвлённая система превенции посягательствам на ГИР. При этом данная система имеет как международный уровень, так и национальный. Ряд стран имеет весьма интересный опыт в обозначенной сфере. Так, полезен опыт работы в США Национального института наук и технологий США (NIST), который занимает видное место в среде информационной безопасности этого государства. В связи с этим стоит рассмотреть вопрос о создании подобной организации и в России.

Также целесообразно вводить в действие новые стандарты и методические рекомендации для основных отраслей объектов критической информационной инфраструктуры и государственных органов. Такие рекомендации стоит разрабатывать с учетом международных практик и стандартов развития групп реагирования на инциденты, что связано с кибербезопасностью (CERT и CSIRT/SOC). В методических рекомендациях целесообразно закреплять вопросы координации реагирования на киберинциденты, в частности, процедуры информирования общества, а также обязанности государственных субъектов системы кибербезопасности России по защите критически важной

инфраструктуры для предотвращения рисков, реагирование на них, уменьшение их воздействия и восстановление. Организация, подобная NIST, может формализовать систему управления рисками для государственных органов и частных субъектов, приобщить их к открытой дискуссии по проблемным вопросам. С помощью такой организации можно организовывать и внедрять программы обучения и повышения квалификации, стажировки и обмена между компаниями, занимающимися кибербезопасностью, и государственными органами, а также наладить сотрудничество и обмен сотрудниками между группой быстрого реагирования (CERT-UA) и другими группами быстрого реагирования объектов критической информационной инфраструктуры.

В целом, с учетом международного опыта для противодействия противоправным посягательствам на ГИР важно совершенствовать сотрудничество правоохранительных органов России с иностранными органами. В частности, в связи с текущей мировой ситуацией целесообразно расширять сотрудничество с правоохранительными органами стран Азии, особенное место среди которых занимает Китай.

Список использованных источников

1. В Минцифры сообщили о росте числа кибератак на информресурсы РФ в 2022 году на 80% / Парламентская газета – URL: <https://www.pnp.ru/social/v-mincifry-soobshhili-o-roste-chisla-kiberatak-na-informresursy-rf-v-2022-godu-na-80.html> – Текст : электронный.

2. Негородов, В. С. Разработка понятия «Государственные информационные ресурсы» – Текст : непосредственный // В. С. Негородов, Е. В. Андреева // Вестник университета. – 2014. – № 15. – С. 294 – 299.

3. Классификация компьютерных преступлений по кодификатору международной уголовной полиции генерального секретариата Интерпола – URL: <https://www.cyberpol.ru/cybercrime.shtml> – Текст : электронный.

4. New EU Cybersecurity Strategy and new rules to make physical and digital critical entities more resilient – URL: <https://digitalstrategy.ec.europa.eu/en/policies/cybersecurity-strategy> – Текст : электронный.

5. European Parliament resolution of 12 September 2013 on a Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace – URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/ТА-7-2013-0376_EN.html – Текст : электронный.

6. «Создание глобальной культуры кибербезопасности и защита важнейших информационных инфраструктур»: Резолюция Генеральной Ассамблеи A/RES/58/199 от 23.12.2003г – URL: <https://www.un.org/ru/ga/58/docs/58res2.shtml> – Текст : электронный.

7. Milton Mueller, Andreas Kuehn. Einstein on the Breach: Surveillance Technology, Cybersecurity and Organizational Change – URL: <https://econinfosec.org/archive/weis2013/papers/MuellerKuehnWEIS2013.pdf> – Текст : электронный.

8. ICS-CERT. Industrial Control Systems Cyber Emergency Response Team – URL: <https://ics-cert.us-cert.gov> – Текст : электронный.

9. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency – URL: <https://www.dhs.gov/cybersecurity-and-infrasructure-security-agency.html>. – Текст : электронный.

10. «О некоторых меры по совершенствованию защиты информации» Указ Президента Республики Беларусь от 16.04.2013 года № 196. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P31300196> – Текст : электронный.

Научное издание

**Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»**

**СБОРНИК НАУЧНЫХ РАБОТ
СЕРИИ «ПРАВО»**

Выпуск 32

**ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В
СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Материалы представлены на языке оригинала

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов,
которая может не совпадать с мнением редколлегии сборника

При цитировании или частичном использовании текста публикаций
ссылка на сборник обязательна

Ответственный за выпуск Б.Е. Саенко

Научный редактор Н.В. Матюшайтись

Технический секретарь Д.С. Ушакова

Литературный редактор А.В. Кравченко

Компьютерная вёрстка И.В. Криничная

Подписано в печать решением Учёного совета ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС».
Протокол № 5 от 23.11.2023 г. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная
15,37 усл.-печ. л. Тираж 100 экз.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Донецкая академия управления и государственной службы»

ДНР, 283015, г. Донецк, ул. Челюскинцев, д. 163А